

ПУТЕШЕСТВІЕ
ГУЛЛИВЕРА

ВЪ ДИЛЛИНУТЬ, БРОБДИНЬЯГЪ И ВЪ СТРАНУ ГУИШМОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ
СВИФТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

СОКРАЩЕНО ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Съ 57 рисунками въ текстѣ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА,
Гостыный Дворъ, №№ 18, 19 и 20. Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1869.

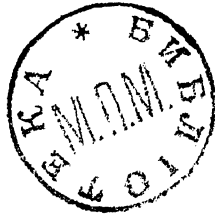
Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 17 Декабря 1868 г.

2010512710

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОН-
ТАНКЪ, № 59).

4955-0

ОГЛАВЛЕНИЕ.

.....

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ ЛИЛЛИПУТЬ.

	СТР.
ГЛАВА I. Авторъ отдаеъ краткй отчетъ о первоначальныхъ причинахъ, побудившихъ его къ путешествію. Послѣ кораблекрушенія онъ спасается вплавъ въ землю Лиллипутовъ. Его связываютъ и въ такомъ состояніи уводятъ внутрь страны. . .	3
ГЛАВА II. Императоръ лиллипутовъ въ сопровожденіи многихъ придворныхъ приходитъ смотрѣть автора въ заключеніи. Описаніе особы и одежды его величества. Ученые люди назначены учить автора мѣстному языку. Своею кротостью онъ заслуживаетъ благосклонность. Осмотръ его кармановъ.	8
ГЛАВА III. Автора увеселяютъ необыкновеннымъ способомъ императоръ и знатныя особы обоого пола. Описаніе увеселеній при дворѣ лиллипутскомъ. Автору возвращена свобода на нѣкоторыхъ условіяхъ.	32
ГЛАВА IV. Описаніе лиллипутской столицы Мильденда и императорскаго дворца. Разговоръ автора съ государственнымъ се-	

	кретаремъ о дѣлахъ имперіи. Предло- женіе автору служить во время войнъ императору.	40
ГЛАВА V.	Авторъ посредствомъ необыкновенной хитрости препятствуетъ высадкѣ непрія- теля. Императоръ жалуется ему важную почетную награду. Отъ императора Блефуску является посланникъ съ прось- бой о мирѣ	50
ГЛАВА VI.	Нравы и обычаи лиллипутовъ, ихъ ли- тература, законы и способъ воспитанія дѣтей.	58
ГЛАВА VII.	Узнавъ, что его собираются обвинить въ оскорбленіи государя, авторъ убѣгаетъ въ имперію Блефуску	70
ГЛАВА VIII.	По счастливому случаю авторъ находитъ средство оставить Блефуску, и послѣ нѣ- которыхъ приключеній возвращается на родину.	81

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ БРОБДИНЬЯГЪ.

ГЛАВА I.	Выдержавъ сильную бурю, авторъ са- дится въ шлюбку, съ цѣлью достигнуть берега, и попадаетъ въ руки одного изъ туземцевъ. Какъ съ нимъ обходились. Понятіе о странѣ и народѣ.	95
ГЛАВА II.	Портретъ дочери земледѣльца. Автора везутъ въ городъ на рынокъ и потомъ въ столицу. Подробности путешествія.	112
ГЛАВА III.	Авторъ приглашенъ ко двору. Королева покупаетъ его и представляетъ королю. Онъ вступаетъ въ диспутъ съ учеными его величества. Для него готовятъ комнату. Онъ дѣлается любимцемъ коро-	

левы. Онъ поддерживаетъ честь своей
родины. Ссоры его съ карликомъ коро-
левы. 123

ГЛАВА IV. Авторъ пускается въ разныя изобрѣте-
нія для того, чтобъ понравиться королю
и королевѣ. Король спрашиваетъ ав-
тора о состояніи Европы, и послѣдній
сообщаетъ требуемыя свѣдѣнія. Замѣча-
нія короля по этому поводу. 145

ГЛАВА V. Король и королева совершаютъ путе-
шествіе къ границѣ, куда авторъ слѣ-
дуетъ съ ними. Подробности выхода его
изъ этого края при возвращеніи въ Ан-
глию. 153

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СТРАНУ ГУИНМОВЪ.

ГЛАВА I. Авторъ предпринимаетъ новое путе-
ствіе въ качествѣ капитана корабля.
Экипажъ его бунтуется, связываетъ его
и высаживаетъ на неизвѣстный берегъ.
Описаніе ягу. Автора встрѣчаютъ два
гуинма 175

ГЛАВА II. Авторъ приходитъ въ жилище гуинма;
его приѣмъ. Пища гуинмовъ. Затрудне-
ніе автора найти, чѣмъ питаться . . . 185

ГЛАВА III. Авторъ выучивается хорошо туземному
языку, и гуинмъ его хозяинъ дѣлается
хорошимъ учителемъ. Многіе гуинмы
являются изъ любопытства посмотрѣть
автора. Онъ рассказываетъ хозяину
вкратцѣ свое путешествіе. 194

ГЛАВА IV. Понятія гуинмовъ объ истинѣ и лжи.
Рѣчи автора не одобряются его хозяиномъ. 205

ГЛАВА V. Параллель между *ягу* и людьми, . . . 215

	стр.
ГЛАВА VI. Философія и нравы гуинмовъ. Важный вопросъ, поднятый въ ихъ парламентѣ.	221
ГЛАВА VII. Блаженство автора въ странѣ гуинмовъ. Удовольствіе, которымъ онъ наслаждается въ ихъ бесѣдѣ; образъ жизни его между ними. Изгнаніе автора по распоряженію парламента.	231
ГЛАВА VIII. Авторъ раненъ стрѣлою, пущенною дикаремъ. Его берутъ португальцы, которые везутъ его въ Лиссабонъ, откуда онъ отправляется въ Англію	243

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ЛИЛИПУТЪ.

Проснувшись я попытался встать.

ГЛАВА I.

Авторъ отдастъ краткій отчетъ о первоначальныхъ причинахъ, побудившихъ его къ путешествію. Послѣ кораблекрушенія онъ спасается вилавъ въ землю Дилинугтовъ. Его связываютъ и въ такомъ состояніи уводятъ внутрь страны.

У отца моего, владѣвшаго небольшимъ имѣніемъ въ Ноттингѣмской провинціи, было пять сыновей, я считался третьимъ, и меня на четырнадцатомъ году послали въ Эммануэлевскую коллегію въ Кембриджъ. Три года я провелъ тамъ съ пользою, но какъ содержаніе мое въ коллегіи стоило дорого, то меня и отдали въ науку въ Лондонъ, на четыре года, къ знаменитому медику Якову Бату. Отецъ мой присылалъ мнѣ по временамъ маленькія суммы денегъ, которыя упо-

треблялъ я на изученіе морскаго дѣла и отраслей математики, необходимыхъ для человѣка, располагающаго странствовать по морямъ, ибо я предчувствовалъ, что таково было мое назначеніе. По возвращеніи отъ Бата, я получилъ отъ отца, отъ дяди Джона и другихъ родственниковъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ съ обѣщаніемъ еще тридцати для прожитья въ Лейдѣ. Я поѣхалъ туда и продолжалъ заниматься медициною два года и семь мѣсяцевъ, увѣренный, что она мнѣ пригодится когда нибудь въ моихъ путешествіяхъ.

Когда я окончилъ курсъ въ Лейдѣ, то, по рекомендаціи добраго моего учителя мистера Бата, я получилъ мѣсто медика на корабль „Лостокъ“, гдѣ и служилъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, подъ командою капитана Абрагама Пенеля. Въ это время мы ходили въ Левантъ и другія мѣста. По прошествіи трехъ лѣтъ, выйдя въ отставку, я рѣшился поселиться въ Лондонѣ; мистеръ Батъ одобрилъ мое намѣреніе и рекомендовалъ меня своимъ больнымъ. Я нанялъ помѣщеніе въ небольшой гостиницѣ въ кварталѣ Ольдъ-Джьюри и вскорѣ женился на миссъ Мери Буртонъ, второй дочери торговца въ Ньюгетской улицѣ Эдуарда Буртона, которая принесла мнѣ въ приданое четыреста фунтовъ стерлинговъ.

Года черезъ два добрый мистеръ Батъ умеръ, и моя практика начала уменьшаться съ потерю этого покровителя; совѣсть запрещала мнѣ подражать большей части медиковъ, познанія которыхъ такія же, какъ у прокуроровъ, и вотъ почему, посоветовавшись съ женою и нѣсколькими близкими друзьями, я рѣшился предпринять новое морское путешествіе. Я служилъ медикомъ послѣдовательно на двухъ корабляхъ, и въ теченіе шестилѣтнихъ странствованій въ Западную и Восточную Индію поправилъ свое состояніе. Въ свободное время я занимался чтеніемъ лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ авторовъ, имѣя всегда достаточное количество книгъ, а при сѣздахъ на берегъ не пропускалъ случая наблюдать нравы и обычаи туземцевъ и въ то же время изучалъ мѣстные языки, что мнѣ было легко при моей огромной памяти.

Послѣднее мое путешествіе было однакожь неудачно, такъ что, почувствовавъ отвращеніе къ морю, я вознамѣрился остаться дома съ женою и семействомъ. Я переѣхалъ изъ Ольдъ-Джюри сперва въ улицу Фетерленъ, а оттуда въ Уаннингъ, въ надеждѣ найти практику между моряками, но обманулся въ своей надеждѣ.

Такимъ образомъ я прожилъ три года, не бывъ въ состояніи зарабатывать достаточно средствъ, и потому принялъ выгодное предложеніе капитана Уильяма Причарда, собиравшагося къ отплытію въ Южный Океанъ на „Антилопъ“.

Безполезно утомлять читателя подробностями о нашемъ плаваніи въ этихъ моряхъ: довольно будетъ сказать, что во время перехода нашего въ Восточную Индію мы потерпѣли штормъ, который отбросилъ насъ на сѣверо-восточную оконечность Вандименовой земли. По моимъ наблюденіямъ, мы находились подъ $30^{\circ} 2''$ южной широты. Отъ усиленной работы и дурной пищи умерло двѣнадцать человѣкъ изъ нашего экипажа. 5-го ноября, въ началѣ тамошняго лѣта, въ довольно пасмурный день матросы наши замѣтили скалу, находившуюся отъ корабля не болѣе пятидесяти сажень, но сила вѣтра была такова, что насъ несло прямо на камни, и мы разбились въ одну минуту. Шестъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и я, во время успѣли сѣсть въ шлюбку и тѣмъ избѣжать смерти. Мы прошли около трехъ миль на веслахъ, но наконецъ не могли долѣе грести отъ изнеможенія и, предавшись на волю волнъ, вскорѣ были опрокинуты порывомъ сѣвернаго вѣтра.

Не знаю, какая участь постигла моихъ товарищей на шлюбокѣ, ни тѣхъ, которые спаслись на скалу или остались на кораблѣ, но полагаю, что всѣ они погибли; я же плылъ на удачу, вспомоществуемый вѣтромъ и приливомъ, хотя, сколько разъ ни пробовалъ, не могъ достать дна. Наконецъ, изнемогши совершенно, я коснулся дна, и въ то же время буря утишилась значительно. Я шель однако же болѣе полумили въ водѣ, пока ступилъ на землю; но, пройдя по берегу около четверти мили, не нашель ни одной хижины и никакого слѣда жилья человѣческаго, хотя страна была весьма населена. Усталость, зной и полкружки водки, выпитой мною при съѣздѣ съ корабля, возбуждали во мнѣ страшный позывъ ко сну, и, растянувшись на мягкой травѣ, я предался глубокому сну, продолжавшемуся около девяти часовъ. Проснувшись наконецъ, я попытался встать, но безуспѣшно. Я лежалъ на спинѣ, мои руки и ноги были прикрѣплены къ землѣ и волосы также; даже ноги были связаны чрезвычайно тоненькими шнурочками. Я могъ смотрѣть лишь вверхъ, солнце становилось весьма знойнымъ, и чрезвычайный блескъ его ослѣплялъ меня. Вокругъ меня слышался неопредѣленный шумъ, но въ положеніи, въ которомъ я находился, мнѣ

видно было только солнце. Вскорѣ нѣчто зашевелилось у меня на лѣвой ногѣ, потомъ осторожно поползло по груди и добралось до моего подбородка. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ крошечную человѣческую фигурку дюймовъ шести ростомъ, съ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ и съ колчаномъ за спиною. Потомъ я увидѣлъ по крайней мѣрѣ до сорока подобныхъ фигурокъ. Я испустилъ такой ужасный крикъ, что всѣ эти маленькіе звѣрьки убѣжали со страху и, какъ я узналъ впоследствии, многіе были сильно ранены отъ внезапнаго паденія, когда они соскакивали съ моего тѣла. Вскорѣ однако же человѣчки эти возвратились, и одинъ изъ нихъ, простершій смѣлость до того, что приблизился почти къ самому моему лицу, и, поднявъ глаза и руки воскликнулъ рѣзко и внятно: „Гекинагъ Дегуль“. Прочіе нѣсколько разъ повторили это слово, но я тогда не понималъ его смысла. Все это время я былъ удивленъ, смущенъ, встревоженъ, чему, конечно, подвергся бы и читатель, находясь въ моемъ положеніи, и, употребивъ усилія къ освобожденію, къ счастью я разорвалъ шнурки и выдернулъ колышки, которыми была пригвождена моя правая рука къ землѣ, ибо, приподнявъ ее немного, я увидѣлъ, что меня

прикрѣпляло. Въ тотъ же моментъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, причинившее мнѣ страшную боль, я ослабилъ не много нитки, прикрѣплявшія мои волосы съ правой стороны (ниточки гораздо тоньше моихъ волосъ), такъ что могъ дѣлать движенія головою. Тогда эти человѣчки обратились въ бѣгство, испуская пронзительные крики. По прекращеніи шума я услышалъ возгласъ: „Только Фонакъ!“ и вслѣдъ за этимъ почувствовалъ, какъ въ мою лѣвую руку впилось болѣе сотни стрѣлъ, уколовшихъ меня, подобно иголкамъ. Потомъ человѣчки прибѣгли къ навѣснымъ выстрѣламъ, подобно тому какъ въ Европѣ пускаютъ бомбы. и вѣроятно, много стрѣлъ упало на меня, хотя я ихъ и не замѣтилъ, а другія опустились на лицо, которое я успѣшилъ прикрыть правою рукою. По прошествіи первыхъ залповъ, я снова попытался освободиться, но человѣчки еще разъ выстрѣлили, а нѣкоторые старались поражать меня коньями; но, къ счастью, на мнѣ было буйволовое полукрафтанье. Я разсудилъ, что благоразумнѣе всего было оставаться спокойнымъ до ночи, а потомъ, высвободивъ лѣвую руку, я могъ положительно очутиться на волѣ. Относительно туземцевъ, я считалъ себя равносильнымъ самой могущественной арміи, какую только

они могли выставить, если они всѣ были такого же роста, какъ находившіеся у меня передъ глазами. Но мнѣ сулилась иная доля.

Замѣтивъ, что я хранилъ спокойствіе, чело-вѣчки перестали пускать въ меня стрѣлы; но по шуму, слышанному мною, я заключилъ, что количество ихъ увеличивалось значительно, и саженьяхъ въ двухъ отъ меня, какъ разъ про-тивъ моего лѣваго уха, болѣе часа раздавался словно стукъ рабочихъ, занимавшихся какою-то постройкою. Наконецъ, поворотивъ не много голову въ эту сторону, насколько позволяли нитки и колышки, я увидѣлъ эстраду фута въ полтора вышиною, на которой могли по-мѣститься четыре чело-вѣка, и лѣстницу для восхода на нее. Съ эстрады, одинъ изъ чело-вѣч-ковъ, повидимому, важная особа, держалъ ко мнѣ весьма длинную рѣчь, изъ которой впро-чемъ я не понялъ ни слова. Передъ началомъ онъ три раза прокричалъ: „Лаитро Дегуль-санъ“! Слова эти потомъ были повторены и объяснены мнѣ знаками. Тотчасъ подошли пятьдесятъ чело-вѣкъ и обрѣзали нитки, при-крѣпившія къ землѣ лѣвую сторону моей головы, что дало мнѣ возможность поворо-титься направо и замѣтить мину и движенія того, кто собирался говорить. Онъ мнѣ пока-зался среднихъ лѣтъ и ростомъ болѣе тро-

ихъ своихъ спутниковъ, изъ которыхъ одинъ, походя на пажа, несъ шлейфъ его платья, а

Одинъ изъ чловѣчковъ держалъ ко мнѣ рѣчь.

два другіе стояли по сторонамъ и поддержи-
вали его. Повидимому, онъ былъ хорошій ора-
торъ, и по моему заключенію, сообразно съ

правилами искусства, употреблялъ періоды исполненные угрозы и обѣщаній. Я отвѣчалъ коротко, т. е. небольшимъ количествомъ знаковъ, но униженно, воздѣвая лѣвую руку и возводя взоры къ солнцу, какъ бы призывая его въ свидѣтели, что умираю съ голоду, не принимая очень давно пищи. Дѣйствительно, мой аппетитъ былъ такъ великъ, что я не могъ удержаться — не высказать своего нетерпѣнія (можетъ быть, противъ правилъ вѣжливости) поднося часто палецъ ко рту, чтобъ догадались, въ чемъ я имѣлъ нужду. *Гурго* (я узналъ впоследствии, что такъ у нихъ называются вельможи) очень хорошо понялъ меня. Сойдя съ эстрады, онъ приказалъ приставить къ моимъ бокамъ нѣсколько лѣстницъ, на которыя вошло болѣе ста человѣкъ, подносившихъ мнѣ пищу прямо ко рту. Были четверти и ляжки, словно бараньи, и отлично приготовленные, но гораздо меньше крыла жаворонка, и я разомъ проглотилъ ихъ три штуки съ шестью хлѣбами. Все это они доставляли мнѣ съ чрезвычайными знаками удивленія и уваженія къ моему росту и громадному аппетиту. Когда посредствомъ другаго знака я объяснилъ имъ, что мнѣ хочется пить, они, заключивъ изъ моего способа уничтожать съѣстное, что малаго количества на-

питковъ мнѣ недостаточно и какъ сметливый народъ, подняли ко мнѣ чрезвычайно ловко самую большую бочку вина, подкатили къ моей рукѣ и высадили дно. Съ большимъ удовольствіемъ я осушилъ ее залпомъ; мнѣ принесли другую, которую я выпилъ точно такимъ же образомъ, и знаками просилъ еще нѣсколько.

При видѣ подобныхъ чудесъ, они испускали веселые крики и начали танцовать, произнося какъ и сначала „Гекинагъ Дегуль“. Прежде того изъ состраданія они намазали мнѣ лицо и руки какою то пахучею мазью, которая очень скоро исцѣлила меня отъ укула стрѣлы. Это обстоятельство вмѣстѣ съ подкрѣпленіемъ силъ расположило меня ко сну, и я спалъ крѣпко около осьми часовъ къ ряду, такъ какъ лѣкаря, по повелѣнію императора, подмѣшали мнѣ въ питье снотворныхъ снадобій.

Въ то время какъ я спалъ, императоръ Лиллипутовъ (такъ называлась страна) приказалъ доставить меня къ себѣ. Рѣшимость эта покажется, можетъ быть, смѣлою и опасною, и я увѣренъ, что она не пришлась бы по вкусу никакому другому монарху Европы; однако, по моему мнѣнію, это былъ великодушный и вмѣстѣ разумный поступокъ. Въ случаѣ еслибы этотъ народъ попытался во время

моего сна, умертвить меня своими копьями и стрѣлами, конечно, я проснулся бы при первомъ ощущеніи боли, и, разумѣется, употребивъ усилія, я разорвалъ бы остатки нитокъ, а потомъ, нѣтъ сомнѣнія, что я уничтожилъ бы ихъ до одинаго.

Тотчасъ же было созвано до пяти тысячъ работниковъ и мастеровъ для устройства необходимаго экипажа. Это была повозка двухколесная высотой въ три дюйма, длиною въ семь футовъ и шириною въ четыре. По окончаніи устройства экипажа, его подвезли ко мнѣ; но главное затрудненіе состояло въ томъ, какъ меня поднять и уложить въ повозку. Употреблены были въ дѣло восемьдесятъ рычаговъ, каждый въ два фута длиною; и достаточное количество толстыхъ нитокъ, прикрѣпленныхъ къ перевязкамъ, наложеннымъ мнѣ на шею, на руки, на ноги и въ многихъ мѣстахъ на тѣло. Девятьсотъ человекъ самыхъ сильныхъ начали тянуть эти нитки, посредствомъ блоковъ, придѣланныхъ къ коньямъ. и такимъ образомъ послѣ трехчасовой работы я былъ поднять, уложенъ и связанъ въ повозкѣ. Все это я узналъ изъ рассказовъ впоследствии, ибо спалъ глубокимъ сномъ, въ продолженіе всей операціи. Полторы тысячи лошадей, наибольшихъ, какія находились на император-

ской конюшнѣ, около четырехъ съ половиною дюймовъ ростомъ, были запряжены въ повозку и повезли меня въ столицу, отстоявшую на четверть мили разстоянія.

Четыре часа мы уже были въ дорогѣ, какъ вдругъ я неожиданно проснулся отъ одного весьма смѣшнаго происшествія. Погонщики остановились на нѣсколько времени для какой то починки, а два или три мѣстныхъ жителя, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, вздумали посмотрѣть на мое лицо ближе, и одинъ изъ нихъ, капитанъ гвардіи, всунуль свою шпагу мнѣ въ лѣвую ноздрю. Почувствовавъ щекотанье въ носу, я проснулся и чихнулъ три раза, что ихъ очень испугало. Въ этотъ день мы сдѣлали большой переходъ и ночевали въ полѣ, подъ прикрытіемъ пяти сотъ человекъ караульныхъ, изъ которыхъ половина была съ факелами, а половина съ луками и стрѣлами; послѣдніе готовы были стрѣлять, при малѣйшемъ моемъ движеніи. На другой день на разсвѣтѣ мы продолжали путешествіе, и прибывъ въ полдень къ столицѣ остановились саженьяхъ въ ста отъ городскихъ воротъ. Императоръ съ огромною свитою вышелъ посмотреть на насъ, но первые сановники двора ни за что не хотѣли, чтобъ его величество рисковалъ всходить на меня, подобно прочимъ.

Повозка остановилась возлѣ какого то древняго храма, считавшагося наибольшимъ во всемъ государствѣ, который, будучи нѣсколько лѣтъ тому назадъ опороченъ убійствомъ, считался, вслѣдствіе предубѣжденія народа, оскверненнымъ и по этому случаю былъ употребляемъ для различныхъ надобностей. Правительство рѣшило помѣстить меня въ этомъ обширномъ зданіи. Большая дверь, обращенная къ сѣверу, имѣла въ вышину до четырехъ футовъ, а въ ширину почти два фута. Съ каждой стороны двери было по одному окошечку дюймовъ шесть вышиною. Къ лѣвому изъ нихъ королевскіе слесаря придѣлали девяносто одну цѣпочку въ родѣ тѣхъ, какія европейскими дамами употребляются для часовъ, и прикрѣпили ихъ къ моей лѣвой ногѣ тридцатью шестью замками. Противъ храма, по другую сторону дороги, шагахъ въ двадцати стояла башня, съ которой императоръ долженъ былъ смотрѣть на меня со своими первоклассными вельможами. Болѣе ста тысячъ жителей вышли изъ города, увлекаемые любопытствомъ, и не смотря на мою стражу, я увѣренъ, что болѣе десяти тысячъ человекъ по приставленнымъ лѣстницамъ взобралось бы на меня, если бы не вышло по этому поводу строжайшаго запрещенія правительства.

Невозможно представить себѣ шума, съ какимъ народъ выражалъ свое удивленіе, когда я всталъ и началъ прохаживаться: цѣпи, приковывавшія мою лѣвую ногу, имѣли около шести футовъ длины и позволяли мнѣ ходить въ полукругѣ.

Я положилъ пятерыхъ въ карманъ.

ГЛАВА II

Императоръ Лиллипутовъ въ сопровожденіи многихъ придворныхъ приходитъ смотрѣть автора въ заключеніи. Описаніе особы и одежды его величества. Ученые люди назначены учить автора мѣстному языку. Своею кротостью онъ заслуживаетъ благосклонность. Осмотръ его кармановъ.

Однажды императоръ выѣхалъ ко мнѣ верхомъ, что едва не обошлось ему очень дорого. При видѣ меня лошадь его взвилась на дыбы, но монархъ этотъ, какъ превосходный кавалеристъ, крѣпко держался въ сѣдлѣ до тѣхъ поръ, пока не подбѣжала свита и не схватила поводьевъ. Сойдя на землю, его величество осматривалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, держась впрочемъ изъ предосторожности внѣ района моей цѣпи.

Императрица, принцы и принцессы крови, сопровождаемые множествомъ придворныхъ дамъ, усѣлись въ креслахъ на нѣкоторомъ разстояніи. Императоръ ростомъ выше всѣхъ его окружающихъ, что вселяетъ страхъ въ каждаго, кто на него смотритъ. Черты лица у него мужественныя, нижняя губа выдалась, носъ орлиный; кожа оливковаго цвѣта; онъ хорошо сложенъ, и отличается благородствомъ и величіемъ какъ въ манерахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Ему было тогда уже двадцать восемь лѣтъ отъ роду и около семи отъ восшествія на престолъ. Желая осмотрѣть его съ бѣльшимъ удобствомъ, я прилежъ на одинъ бокъ, такъ чтобъ его лицо могло быть параллельно съ моимъ лицомъ; онъ находился отъ меня не далѣе полуторы сажени. Послѣ того я не разъ имѣлъ его въ рукѣ, — вотъ почему я не ошибся, изображая портретъ его. Одежда его была проста и одноцвѣтна — вполнину азіатская, вполнину европейская; на головѣ же имѣлъ онъ золотую каску, украшенную драгоценными каменьями, и съ великолѣпнымъ султаномъ. Онъ держалъ обнаженную шпагу въ рукѣ для защиты, въ случаѣ, еслибы я разорвалъ свои оковы: шпага эта была длиною дюйма въ три съ золотымъ ефесомъ и такими же ножнами, обложенными мно-

жествомъ алмазовъ. Голосъ у него рѣзкій, но чистый и внятный, и я могъ его слышать очень хорошо, даже стоя на ногахъ. Придворные дамы и кавалеры были одѣты такъ великолѣпно, что мѣсто, занимаемое дворомъ, казалось мнѣ красивою юбкою, разостланною на землѣ и вышитою серебромъ и золотомъ. Его величество удостоивалъ меня часто разговоромъ, и я отвѣчалъ ему; но мы не понимали другъ друга.

Черезъ два часа дворъ удалился, и возлѣ меня оставили сильный карауль, чтобъ избавить отъ какихъ нибудь непріязненныхъ выходокъ народа, который собирался толпами разсмотрѣть меня поближе. Нѣкоторые изъ нихъ даже имѣли дерзость пускать въ меня стрѣлы, и одна изъ нихъ едва не выколола мнѣ лѣваго глаза; но полковникъ велѣлъ арестовать шесть главныхъ зачинщиковъ и нашла, что самая справедливая для нихъ кара—передать ихъ связанными въ мои руки. Я взялъ этихъ господъ правою рукою и положилъ пятерыхъ въ карманъ, а относительно шестаго сдѣлалъ видъ, что хочу съѣсть его живьемъ. Бѣдный человѣчекъ завылъ страшнымъ образомъ; полковникъ и офицеры тоже пришли въ ужасъ, въ особенности когда я вынулъ свой ножикъ. Но ихъ страхъ про-

шелъ очень скоро, ибо я съ крайнимъ добродушіемъ поспѣшилъ обрѣзать веревки и пустилъ его на землю; онъ немедля ни минуты обратился въ бѣгство. Съ прочими поступилъ я точно также, вынимая ихъ поочередно изъ кармана. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что народъ и солдаты были весьма тронуты этимъ человѣколюбивымъ поступкомъ, который скоро дошелъ до двора, и дѣлалъ мнѣ честь въ общественномъ мнѣніи.

Новость о прибытіи необыкновеннаго великана, распространившаяся по всему государству, привлекла несмѣтное количество любопытныхъ, такъ что деревни почти опустѣли и земледѣлію непремѣнно угрожалъ бы застой, еслибъ императоръ не догадался разослать строгихъ указовъ. Онъ предписалъ всѣмъ, которые уже меня видѣли, расходиться, немедленно по домамъ и не приближаться къ моему мѣстопробыванію, безъ особаго разрѣшенія.

Между тѣмъ императоръ нѣсколько разъ собиралъ совѣтъ для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ поступить со мною, и, какъ я узналъ впоследствии, дворъ былъ этимъ очень озабоченъ. Боялись, чтобъ я не разорвалъ оковъ и не освободился. Расходы на мое продовольствіе были такъ велики, что многіе опасались повсемѣстнаго голода. Въ совѣтѣ

не разъ подавались мнѣнія — уморить меня голодомъ или умертвить отравленными стрѣлами; но разсудительные люди утверждали, что гніеніе такого тѣла, какъ мое, можетъ произвести заразу въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Пока обсуждался этотъ вопросъ, многіе караульные офицеры стояли у дверей залы, гдѣ было засѣданіе государственнаго совѣта, и два изъ нихъ, бывъ спрошены о моемъ поведеніи, рассказали поступокъ мой съ шестью виновными, отданными мнѣ въ руки, о чемъ я сказалъ выше, и это происшествіе произвело такое благопріятное впечатлѣніе на императора и его совѣтъ, что немедленно послана была комиссія во всѣ деревни на четыреста пятьдесятъ сажень въ окрестностяхъ столицы, съ приказаніемъ жителямъ — доставлять ежедневно мнѣ на продовольствіе шесть быковъ, сорокъ барановъ, и другую живность, съ потребнымъ количествомъ хлѣба, вина и другихъ напитковъ. Уплату по этому предмету императоръ назначилъ изъ собственныхъ суммъ. Государь этотъ получаетъ доходы лишь изъ собственныхъ имѣній, и только въ экстренныхъ случаяхъ облагаетъ податью своихъ подданныхъ, которые обязаны слѣдовать за нимъ на войну на свой счетъ. Для услугъ мнѣ назначено было шестьсотъ человѣкъ, ко-

торымъ выдавали кормовыя деньги и построили удобныя палатки по обѣимъ сторонамъ моей двери. Триста портныхъ получили приказаніе сшить мнѣ платье туземнаго покроя; шесть самыхъ знаменитыхъ литераторовъ должны были учить меня мѣстному языку, а лошадей какъ придворныхъ, гвардейскихъ, такъ и принадлежавшихъ высшему обществу, предписано было какъ можно чаще проѣзжать мимо меня, чтобъ пріучить видѣть мою особу. Повелѣнія эти исполнялись въ точности. Я значительно усилъ въ лиллипутскомъ языкѣ. Въ это время императоръ удостоивалъ меня своими посѣщеніями и даже помогалъ учителямъ, присутствуя при моихъ урокахъ.

Изъ первыхъ же словъ, выученныхъ мною, я составлялъ фразы, которыми высказывалъ императору пламенное желаніе получить свободу, и повторялъ ему это ежедневно на колѣняхъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что надобно повременить немного, что на это дѣло онъ не можетъ рѣшиться безъ мнѣнія государственнаго совѣта, и что прежде всего я необходимо долженъ былъ дать клятву въ сохраненіи нерушимаго мира съ нимъ и съ его подданными; въ ожиданіи, мнѣ было обѣщано самое радужное обхожденіе. Онъ совѣтовалъ мнѣ заслужить терпѣливостью и хорошимъ поведе-

ніемъ уваженіе какъ у него, такъ и у его народовъ. Онъ просилъ не сердиться на него за то, что онъ отдалъ приказаніе извѣстнымъ чиновникамъ осмотрѣть меня, ибо, по всѣмъ вѣроятіямъ я могъ имѣть при себѣ опасное и грозившее государству оружіе. Я отвѣчалъ, что готовъ раздѣться и опорожнить всѣ свои карманы въ его присутствіи. Онъ возразилъ, что, по законамъ имперіи, меня должны осмотрѣть два комиссара, что онъ очень хорошо зналъ, что это не можетъ совершиться безъ моего согласія, но онъ до такой степени увѣренъ въ благородствѣ моего характера, что безъ страха ввѣряетъ въ мои руки своихъ чиновниковъ. По его словамъ, все взятое мнѣ будетъ возвращено аккуратно при моемъ отъѣздѣ, или, если я пожелаю, выплачено по моей собственной оцѣнкѣ.

Когда означенные комиссары пришли ко мнѣ для осмотра, я, взявъ ихъ въ руки, положилъ сперва въ карманы сюртука, а потомъ во всѣ другіе карманы. Имѣя при себѣ бумагу, перья и чернила, эти чиновники очень тщательно описали все, что видѣли, а по окончаніи осмотра попросили меня спустить ихъ на землю, чтобы отдать отчетъ императору.

Вотъ копія съ обыска.

„Во первыхъ: въ правомъ карманѣ сюрту-

ка *человѣка-горы* (буквальный переводъ *Квинбусъ Плестринъ*), по точномъ осмотрѣ, мы нашли только кусокъ чрезвычайно грубаго холста такой величины, что можно бы покрыть имъ полъ въ парадной залѣ вашего величества. Въ лѣвомъ карманѣ мы увидѣли серебряный сундукъ съ такою же крышкою, который поднять и вдвоемъ были не въ состояніи. Мы попросили *Человѣка-Гору* открыть сундукъ, и одинъ изъ насъ, войдя туда, очутился въ пыли по колѣно, отъ которой чихалъ въ продолженіе двухъ часовъ, а товарищъ въ теченіе семи минутъ. Въ правомъ карманѣ жилета мы нашли огромнѣйшую кину бѣлаго и довольно тонкаго вещества сложеннаго кусками, величиною въ три *человѣка*, связанными толстѣйшимъ канатомъ, которые испещрены большими черными фигурами, въ родѣ буквъ, по нашему мнѣнію. Въ лѣвомъ находилась огромная плоская вещь, вооруженная весьма длинными зубцами, похожими на палисадъ, окружающій дворецъ вашего величества. Въ большомъ правомъ карманѣ его *серединной одежды* (переводъ слова *рандфуло*, которымъ называли мои штаны) мы видѣли огромный желѣзный столбъ съ пустотою внутри, придѣланный къ толстому бревну, которое шире столба; съ одной стороны этого

столба прилажены другія выпуклыя желѣзныя штуки, въ которыя вдѣланъ отесанный камень: мы не могли узнать, что это такое. Въ лѣвомъ карманѣ отыскали точно такую же машину. Въ меньшемъ правомъ карманѣ мы увидѣли множество плоскихъ круглыхъ вещей краснаго и бѣлаго металловъ и различной величины; нѣкоторыя изъ бѣлыхъ, принятыхъ нами за серебряныя, были такъ тяжелы, что мы едва могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Тутъ же двѣ карманныхъ сабли очень острыя, клинки которыхъ складываются въ деревянныя ручки: онѣ лежали въ большой коробкѣ или футлярѣ. Оставалось еще два кармана: это два отверзтія въ верхней части, срединной одежды, но очень сжатые давлениемъ брюха. Изъ праваго кармана висѣла громадная цѣпь, съ какою то странною машиною на концѣ. Мы предложили *Чьловѣку-Горѣ* вытащить все, что было на этой цѣпи, и увидѣли шаръ на половину серебряный, на половину прозрачнаго металла. На прозрачной сторонѣ имѣлись странныя фигуры, изображенныя въ кругѣ; намъ показалось, что можно ихъ ощупать, но намъ воспрепятствовало прозрачное вещество. Приложивъ уши къ машинѣ, мы услышали постоянный шумъ, такой же какъ у водяной мельницы,

и заключили, что это или какое нибудь неизвѣстное животное, или божество, чтимое *Человѣкомъ-Горою*; но мы скорѣе склоняемся къ послѣднему мнѣнію, ибо онъ увѣрилъ (на сколько мы могли понять: онъ выражается весьма не точно), что онъ рѣдко занимается чѣмъ бы то ни было, не посоветовавшись съ нимъ; это, по его словамъ, оракуль, который назначаетъ ему время для дѣйствія. Изъ лѣваго кармана онъ вынулъ сѣть такую широкую, что можно ловить рыбу, но которая открывается и запирается; внутри мы нашли много массивныхъ кружковъ желтаго металла: если это настоящее золото, то цѣнность ихъ громадна.

„Во исполненіе приказаній вашего величества, производя тщательный обыскъ, мы замѣтили вокругъ его тѣла поясъ, сдѣланный изъ кожи какого нибудь исполинскаго животного, на которомъ съ лѣвой стороны висѣла шпага длиною въ шесть человѣкъ, а съ правой сумка, раздѣленная на двѣ части, изъ которыхъ въ каждой могло бы помѣститься по три подданныхъ вашего величества. Въ одномъ отдѣленіи лежали шары или ядра, изъ очень Тяжелаго металла, величиною съ нашу голову, и необходима страшная сила, чтобъ поднять ихъ. Въ другомъ отдѣленіи помѣща-

лась куча зеренъ, черныхъ, но не очень большихъ и весьма легкихъ, такъ что мы могли брать въ руку штукъ по пятидесяти.

„Вотъ все, что мы нашли у *Человѣка-Горы*, который принялъ насъ очень ласково и съ уваженіемъ, подобающимъ комиссіи вашего величества. Подписано съ приложеніемъ печати въ... день восемьдесятъ девятой луны благополучнаго царствованія вашего величества.

„Флессенъ Фрелокъ, Морси Фрелокъ.“

Когда бумага эта была прочтена въ присутствіи императора, онъ приказалъ мнѣ вручить всѣ эти вещи ему лично. Впервые онъ потребовалъ мою саблю. Онъ приказалъ тремъ тысячамъ избранныхъ войскъ окружить меня на нѣкоторомъ разстояніи, но я не замѣтилъ этого, ибо смотрѣлъ на его величество. Онъ попросилъ меня обнажить саблю, которая хотя и повредилась немного отъ морской воды, однако все еще блестяла достаточно. Все войско громко вскрикнуло при видѣ клинка; императоръ приказалъ мнѣ вложить его въ ножны и бросить на землю какъ можно тише, футахъ въ шести отъ моей цѣпи. Вторая вещь, имъ потребованная, была—одинъ изъ пустыхъ желѣзныхъ столбовъ, подъ которыми онъ разумѣлъ мои карманные

пистолеты. Я представилъ ихъ ему и, по его приказанію, объяснилъ употребленіе этого ору-

Мы приложили уши къ машинѣ.

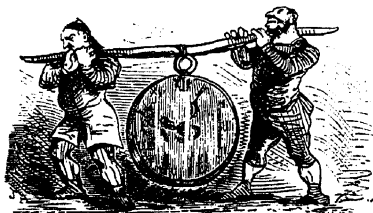
жія, а потомъ, зарядивъ ихъ только порохомя и предупредивъ императора, чтобъ онъ не

пугался, выстрѣлилъ на воздухъ. Общее удивленіе было гораздо сильнѣе, чѣмъ при видѣ сабли; всѣ упали на колѣни, словно оглушенные громомъ, и даже императоръ, человекъ очень храбрый, нѣсколько времени не могъ опомниться. Я отдалъ ему пистолеты, мѣшечекъ съ пулями и порохомъ, объявляя, чтобъ къ пороховницѣ не подносили огня, если онъ не хочетъ, чтобъ его дворець взлетѣлъ на воздухъ,—это его чрезвычайно удивило. Вручилъ я также и часы, возбуждшія его любопытство, и онъ приказалъ двумъ своимъ самымъ рослымъ гвардейцамъ повѣсить ихъ на жердь и нести на плечахъ, какъ въ Англіи носятъ боченокъ пива. Императоръ дивился постоянному шуму часовъ и движенію минутной стрѣлки. Онъ могъ слѣдить за нею взорами, ибо зрѣніе у этого народа гораздо утонченнѣе нашего. Онъ спрашивалъ объ этомъ объясненія у своихъ докторовъ, которые значительно расходились во мнѣніяхъ, что, конечно, не удивляетъ читателя.

Я немедленно отдалъ серебряныя и мѣдныя деньги, кошелекъ съ девятью новыми большими золотыми монетами и нѣсколькими мелкими, гребенку, носовой платокъ и журналъ. Сабля, карманные пистолеты, пороховница и сумка для пуль были перенесены въ

арсеналь его величества, а все прочее оставлено въ моемъ распоряженіи.

У меня еще былъ особенный карманъ, не осмотрѣнный комиссіею, въ которомъ хранились очки, употребляемая иногда мною по слабости зрѣнія, зрительная трубка и еще кое какія бездѣлки, не весьма интересныя для императора, и которыхъ я не показывалъ комиссарамъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ все это не испортилось и не затерялось къ моему отъѣзду.

Люди, добивающіеся высокихъ должностей.

ГЛАВА III.

Автора увеселяютъ необыкновеннымъ способомъ императоръ и знатныя особы обоого пола. Описаніе увеселеній при дворѣ лиллипутскомъ. Автору возвращена свобода на нѣкоторыхъ условіяхъ.

Однажды императору пришла мысль потѣшить меня какимъ нибудь зрѣлищемъ, въ чемъ лиллипуты превосходятъ все видѣнныя мною племена относительно ловкости и великолѣпія; но ничто меня такъ не забавляло, какъ плясуны на канатѣ, т. е. на самой тоненькой проволоцѣ длиною въ два фута одиннадцать дюймовъ.

Танцоры эти принадлежатъ къ числу людей, добивающихся высокихъ должностей и стремящихся сдѣлаться любимцами при дворѣ: они съ раннихъ лѣтъ приготавливаются къ

этому благородному занятію, свойственному только высшему классу. Когда какая нибудь высшая должность дѣлается свободною, вслѣдствіе ли смерти исполнявшаго ее лица, или вслѣдствіе немилости (что случается довольно часто), пять или шесть претендентовъ, спѣшатъ подать просьбы императору о дозволеніи потѣпить его величество и дворъ пляскою на канатѣ, и тому, кто прыгаетъ выше всѣхъ и не падаетъ, предоставляется вакантная должность. Нерѣдко случается, что знатные сановники и министры получаютъ приказаніе плясать на канатѣ для доказательства ловкости и для заявленія передъ императоромъ, что они не утратили искусства. Флимнапъ, главный казначей имперіи, считается лучшимъ акробатомъ и дѣлаетъ на канатѣ прыжки на дюймъ выше всѣхъ вельможъ имперіи. Я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ онъ дѣлалъ опасные скачки на маленькомъ брускѣ дерева, привязанномъ къ веревкѣ, толщиною въ обыкновенную сѣтку.

Увеселенія эти нерѣдко оканчиваются катастрофами, большая часть которыхъ записана въ императорскомъ архивѣ. Я самъ видѣлъ двухъ или трехъ претендентовъ на калѣчество. Но опасность бываетъ сильнѣе, когда сами министры получаютъ повелѣніе показать свою ловкость, ибо, употребляя необыкновенныя

усилія, чтобъ превзойти другихъ, они всегда подвергаются опаснымъ паденіямъ. Меня увѣряли, что за годъ до моего прибытія Флимнанъ непременно расшибъ бы себѣ голову при паденіи, еслибъ его не предохранила отъ смерти императорская подушка.

Есть еще увеселеніе, принадлежащее собственно императору, императрицѣ и первому министру. Императоръ кладетъ на столъ три чрезвычайно тонкія шелковинки, длиною въ шесть дюймовъ: красную, желтую и бѣлую. Шелковинки эти даются въ видѣ награды тѣмъ, кого императоръ хочетъ взискать особенною милостью. Церемонія эта происходитъ въ большой императорской аудіенцъ-залѣ, гдѣ конкуренты обязаны показать свою ловкость, какой я не видѣлъ ни въ одной странѣ Стараго и Новаго Свѣта.

Императоръ держитъ палку довольно высоко, а черезъ нее прыгаютъ поочередно конкуренты. Иногда впрочемъ онъ держитъ ее вмѣстѣ съ первымъ министромъ, а иногда предоставляется это одному первому министру. Кто болѣе всѣхъ отличится и выкажетъ особенную ловкость и проворство,—тотъ получаетъ красную шелковинку, желтая назначается второму, а бѣлая третьему. Шелко-

винки эти, изъ которыхъ дѣлаются перевязи, служатъ знакомъ отличія.

Я столько подалъ просьбъ и докладныхъ записокъ о своемъ освобожденіи, что наконецъ императоръ велѣлъ внести это дѣло въ государственный совѣтъ, гдѣ я встрѣтилъ оппозицію только со стороны министра Скирешъ-Болголамо, который счелъ нужнымъ высказаться противъ меня безъ всякой причины. Зато всѣ остальные были за меня, и императоръ подтвердилъ ихъ мнѣніе. Министръ этотъ, былъ *галбетъ*, т. е. великій адмиралъ, заслужилъ довѣріе своего государя усерднымъ исполненіемъ дѣлъ; но умъ имѣлъ язвительный и причудливый. Онъ выхлопоталъ, чтобъ ему поручили составленіе условій, на которыхъ я долженъ былъ получить свободу, и принесъ ихъ мнѣ самъ въ сопровожденіи двухъ младшихъ секретарей и многихъ вельможъ. Мнѣ предложили подтвердить эти условія клятвою, сперва по обычаю моей страны, а потомъ на основаніи лиллипутскихъ законовъ. Последній способъ клятвы состоитъ въ томъ, что пятку правой ноги берутъ въ лѣвую руку, средній палецъ правой руки кладутъ на темя, а указательный на кончикъ праваго уха.

Любопытный этотъ для читателей актъ передаю въ буквальномъ переводѣ.

„Гальбасто Моморенъ Эвламе Гендило Шефинъ Мулли Улли Гюэ, могущественный лилпутскій императоръ, восторгъ и ужасъ вселенной, владѣнія котораго простираются на пять тысячъ *блустрій* (т. е. около шести миль въ окружности), монархъ всѣхъ монарховъ, большій всѣхъ сыновъ человѣческихъ, ноги котораго касаются центра земли, голова достигаетъ солнца, отъ взгляда котораго дрожать колѣни у государей; прелестный какъ весна, пріятный какъ лѣто, обильный подобно осени и страшный подобно зимѣ, привѣтствуетъ всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ. Его могущественное величество предлагаетъ Человѣку - Горѣ слѣдующія условія, которыя онъ обязанъ предварительно подтвердить торжественною клятвою.

„I. Человѣкъ-Гора не выѣдетъ изъ нашего обширнаго государства безъ нашего позволенія, утвержденнаго большою печатью.

„II. Онъ не осмѣлится вступить въ нашу столицу безъ нашего особаго приказанія, для того, чтобъ обыватели имѣли возможность получить за два часа предостереженіе не выходить изъ домовъ своихъ.

„III. Упомянутый Человѣкъ-Гора ограничить свои прогулки нашими главными большими дорогами и не будетъ прогуливаться или

ложиться на лугу или на полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ.

„IV. Прогуливаясь по указаннымъ дорогамъ, онъ приметъ всѣ предосторожности, чтобъ не растоптать ни одного изъ нашихъ вѣрноподданныхъ или ихъ лошадей и экипажей, и не можетъ брать въ руки нашихъ подданныхъ, развѣ только съ ихъ согласія.

„V. Если встрѣтится необходимость кабинетскому курьеру совершить какую нибудь экстренную поѣздку, Человѣкъ-Гора обязанъ носить его въ своемъ карманѣ шесть дней, въ теченіе каждой луны, и доставлять этого курьера (въ случаѣ надобности) прямо къ императору.

„VI. Онъ будетъ нашимъ союзникомъ противъ нашихъ враговъ и острова Блефуску и употребить всѣ старанія къ уничтоженію ихъ флота, который они въ настоящее время вооружаютъ съ цѣлью произвести къ намъ высадку.

„VII. Упомянутый Человѣкъ-Гора въ свободные часы будетъ помогать нашимъ рабочимъ, при подъемѣ большихъ камней для окончанія ограды вокругъ нашего большого парка и нашихъ императорскихъ зданій.

„VIII. По произнесеніи присяги, соблюдать всѣ вышеозначенныя условія, Человѣкъ-Гора

будеть ежедневно получать пищу и напитки, въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія тысячи осьмисотъ семидесяти четырехъ нашихъ подданныхъ,—пользуясь правомъ доступа къ нашей императорской особѣ и другими знаками нашего благоволенія.

„Данъ въ нашемъ дворцѣ Бельсоборокѣ, въ девяносто первую луну нашего царствованія.“

Я принялъ присягу и подписалъ все эти условія съ величайшею радостью, хотя инья изъ нихъ не были столько приличны, какъ бы мнѣ хотѣлось, что было слѣдствіемъ злорадства великаго адмирала Скиреша Болголама, Съ меня сняли цѣпи, и я сдѣлался свободенъ. Императоръ удостоилъ меня личнымъ присутствіемъ при моемъ освобожденіи. Я выразилъ знакъ глубочайшаго уваженія монарху, распростершись у его ногъ, но онъ приказалъ мнѣ встать въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ.

Читатель помнитъ, что въ послѣднемъ пунктѣ акта моего освобожденія, сказано, что императоръ назначилъ мнѣ ежедневное продовольствіе достаточное для прокормленія тысячи осьмисотъ семидесяти четырехъ лиллипутцевъ. Черезъ нѣсколько времени я спросилъ у одного изъ придворныхъ, моего короткаго пріятеля—на чемъ было основано это

количество, и онъ мнѣ отвѣчалъ, что математики его величества, взявъ высоту моего тѣла посредствомъ квадранта и вычисливъ толщину, нашли, что я относился къ лиллипутцу, какъ 1874 къ 1, а потому и заключили, что аппетитъ мой долженствовалъ быть въ тысячу восемьсотъ семьдесятъ четыре раза больше ихняго. Изъ этого читатель можетъ судить о пронизательномъ умѣ лиллипутовъ и о благоразумной и точной экономіи ихъ императора.

Первая моя просьба по освобожденіи.

ГЛАВА IV.

Описание лиллипутской столицы Мильденда и императорскаго дворца. Разговоръ автора съ государственнымъ секретаремъ о дѣлахъ имперіи. Предложеніе автору служить во время войнъ императору.

Первая моя просьба по освобожденіи была о дозволеніи мнѣ видѣть столицу имперіи Мильдендъ, что императоръ и разрѣшилъ съ однимъ условіемъ, чтобы я не причинялъ вреда обывателямъ и ихъ жилищамъ. Населеніе было извѣщено прокламаціею о моемъ намѣреніи посѣтить городъ. Стѣна, его окружающая, имѣетъ въ вышину болѣе двухъ съ половиною футовъ, а толщиною не менѣе одиннадцати дюймовъ, такъ, что поверхъ ея можно проѣхать вокругъ всего города; на

разстояніи двѣнадцати футовъ, стояли крѣпкія башни. Переступивъ чрезъ западныя ворота, я шель очень медленно и осторожно по двумъ главнымъ улицамъ, въ одной фуфайкѣ изъ боязни повредить полами моего сюртука крыши и водосточныя трубы. Съ крайнею заботливостью наблюдалъ я также чтобъ не растоптать нѣсколькихъ жителей оставшихся на улицахъ, не смотря на приказанія—не выходить ни подъ какимъ предлогомъ во время моего посѣщенія. Балконы вторыхъ, третьихъ, четвертыхъ этажей, чердаковъ, даже слуховыя окна были наполнены такимъ множествомъ зрителей, что я могъ смѣло заключить объ огромномъ населеніи столицы. Городъ представляетъ правильный квадратъ, каждая сторона котораго длиною въ пятьсотъ футовъ. Его раздѣляютъ на четыре равныя квартала двѣ улицы, пересѣкающія другъ друга и имѣющія въ ширину не менѣе пяти футовъ. Другія улицы, въ которыя я не смѣлъ входить,—ширины отъ двѣнадцати до восемнадцати дюймовъ. Въ столицѣ, по моему, должно быть полмилліона жителей. Дома трехъ и четырехъ-этажныя; магазины и рынки наполнены множествомъ товаровъ. Прежде имѣлись хорошая опера и драматическій театръ, но за отсутствіемъ по-

рядочныхъ актеровъ, въ то время не было ничего достойнаго вниманія.

Императорскій дворецъ, стоящій на перекресткѣ двухъ большихъ улицъ, окруженъ стѣною въ двадцать три дюйма высоты, которая отстоитъ отъ самаго зданія на двѣнадцать футовъ. Его величество позволилъ мнѣ переступить эту стѣну, чтобъ видѣть дворецъ со всѣхъ сторонъ. Большой дворъ, составляющій квадратъ въ сорокъ футовъ, вмѣщаетъ въ себѣ два меньшихъ двора. Въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ находятся покои его величества. Мнѣ очень хотѣлось ихъ видѣть, хотя это было чрезвычайно трудно, ибо наибольшая дверь имѣетъ въ вышину не болѣе восемнадцати, а въ ширину не болѣе семи дюймовъ. Кромѣ того, зданія наружнаго двора поднимаются по крайней мѣрѣ на семь футовъ, и мнѣ было невозможно переступить черезъ нихъ, не рискуя повредить грифельныхъ крышъ; за стѣны же я не боялся ибо онѣ прочно построены изъ каменныхъ плитъ въ четыре дюйма толщиною. Императоръ весьма желалъ, чтобы я видѣлъ великолѣпіе его дворца, но я могъ исполнить его желаніе только черезъ три дня, вырѣзавъ своимъ ножомъ нѣсколько самыхъ большихъ деревьевъ въ императорскомъ паркѣ, отстоящемъ отъ

города сажень на пятьдесятъ. Изъ этого лѣса я сдѣлалъ двѣ скамейки фута въ три каждая и достаточной крѣпости, чтобъ сдержать мою особу. Народъ вторично былъ увѣдомленъ о моемъ посѣщеніи, и я снова отправился въ городъ, держа въ рукахъ обѣ скамейки. Придя, къ наружному двору я сталъ на одну скамейку, а другую перенесъ черезъ кровлю и поставилъ по другую сторону зданія, во внутреннемъ дворѣ, имѣвшемъ футовъ восемь ширины, такъ что могъ спокойно переступить черезъ дворецъ. Послѣ этого я съ помощію крючка поднялъ первую скамейку и такимъ образомъ могъ проникнуть на третій дворъ и прилегши на мостовую смотрѣлъ во все окна бель-этажа, которыя открыли нарочно, и увидѣлъ комнаты, отличающіяся необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Тутъ же увидѣлъ я императрицу и молодыхъ принцесъ въ ихъ покояхъ. Ея величество удостоила меня ласковою улыбкою и дала мнѣ поцѣловать въ окно свою руку.

Не стану описывать подробно рѣдкостей, заключающихся въ этомъ дворцѣ, описаніе которыхъ я намѣренъ помѣстить въ большомъ сочиненіи, имѣющемъ скоро выйдти въ свѣтъ и представляющемъ точное описаніе этого государства со времени его основанія, исторію его

государей въ продолженіе многихъ вѣковъ, замѣчанія объ ихъ войнахъ, политикѣ, законахъ, литературѣ, и религіи. Опишу также растенія, животныхъ, нравы и обычаи жителей и многіе другіе предметы, необыкновенно любопытные и весьма полезные. Теперь же я хочу только рассказать о томъ что произошло со мною, во время моего девятимѣсячнаго пребыванія въ этомъ чудесномъ государствѣ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего освобожденія, ко мнѣ явился государственный секретарь департамента особыхъ дѣлъ, въ сопровожденіи слуги; приказавъ своей каретѣ остановиться въ нѣкоторомъ разстояніи, онъ попросилъ у меня разговора на цѣлый часъ времени. Исполнивъ его желаніе, я хотѣлъ лечь для большаго удобства съ нимъ разговаривать, но онъ предпочелъ, чтобъ я держалъ его въ рукѣ, во время бесѣды. Онъ прежде всего поздравилъ меня съ освобожденіемъ и сказалъ, что самъ принималъ въ этомъ участіе, а потомъ прибавилъ, что меня не освободили бы, если бы дворъ не изъявилъ на то особеннаго желанія.—Ибо, сказалъ онъ:—не смотря на то, что государство наше, кажется, иностранцу цвѣтущимъ,—у насъ есть два огромныя бѣдствія для преодоленія: одно

могущественное внутри, а другое угрожающее извнѣ—а именно нападеніе сильнаго непріятели. Относительно перваго надобно вамъ знать, что вотъ уже болѣе семидесяти двухъ лунъ въ имперіи господствуютъ двѣ партіи, подъ именемъ *трамексановъ* и *сламексановъ*—названія заимствованныя отъ *высокихъ* и *низкихъ каблуконъ* на сапогахъ, чѣмъ они и различаются. Утверждаютъ, пожалуй, что *высокіе каблукон* болѣе сообразны съ нашею старинною конституціею, но, какъ бы то ни было, его величество рѣшилъ употреблять только *низкіе каблукон* въ государственной службѣ и всюду, гдѣ только мѣста зависятъ отъ правительства. Вы сами даже можете замѣтить, что каблукон его величества ниже по крайней мѣрѣ на одинъ *дрюоррз*, чѣмъ у всѣхъ придворныхъ (*дрюоррз* составляетъ около четырнадцатою части дюйма.)

— Ненависть сторонниковъ обѣихъ партій, продолжалъ государственный секретарь:—дошла до такой степени, что они не только никогда не пьютъ, не ѣдятъ вмѣстѣ, но даже не разговариваютъ между собою. Мы знаемъ, что трамексанон или высокіе каблукон превосходятъ насъ количествомъ, но власть у насъ въ рукахъ. Увы, мы страшимся, что его высочество наслѣдный принцъ имѣетъ нѣкото-

рую склонность къ *высокимъ каблукамъ*— по крайней мѣрѣ замѣтно, что одинъ изъ его каблуковъ, выше другаго,—отчего онъ какъ бы хромаетъ немного. Итакъ, среди этихъ внутреннихъ несогласій намъ угрожаетъ еще нападеніе островитянъ Блефуску, другой величайшей въ мірѣ имперіи, почти такой же обширной и могущественной, какъ наша. Ибо, хотя вы и говорили, что есть другія имперіи, королевства и государства въ свѣтѣ, населенныя подобными вамъ огромными человѣческими существами, однако философы наши въ этомъ слишкомъ сомнѣваются и предполагаютъ, что вы упали съ луны или съ какой-нибудь звѣзды, такъ какъ извѣстно, что сотня смертныхъ вашей толщины въ короткое время съѣла бы всѣ плоды и весь скотъ во владѣніяхъ его величества. Впрочемъ наши историки шесть тысячъ лунъ не упоминаютъ ни о какихъ государствахъ, кромѣ о двухъ великихъ имперіяхъ—Лиллипутской и Блефуску. Эти двѣ огромныя имперіи вели ожесточенную войну въ продолженіе тридцати шести лунъ, и вотъ по какой причинѣ. Всѣмъ извѣстно, что собираясь ѣсть яйцо, разбиваютъ его съ толстаго конца; но дѣдъ нынѣ царствующаго государя, будучи ребенкомъ, разбивая такимъ образомъ яйцо, имѣлъ несчастье

обрѣзать палець, вслѣдствіе чего отецъ его императоръ издалъ указъ, чтобъ всѣ его подданные, подъ страхомъ суровой кары, не смѣли иначе разбивать яиць, какъ съ тонкаго конца. Народъ до такой степени возмущился отъ этого указа, что, по словамъ нашихъ историковъ, послѣдствіемъ его было шесть возмущеній, въ которыхъ одинъ императоръ лишился жизни, а другой короны. Наши внутреннія смуты всегда были раздуваемы монархами Блефуску, а когда возмущенія подавлялись, то многіе мятежники уходили въ это государство. Утверждаютъ, что одиннадцать тысячъ человѣкъ въ разныя времена, предпочли умереть, нежели подчиниться закону, предписывавшему разбивать яица съ тонкаго конца. По этому поводу было написано и напечатано нѣсколько сотъ томовъ, но книги *толстоконечниковъ* давно уже запрещены, и вся ихъ партія была по закону лишена правъ поступленія на службу. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ смуть, императоры Блефуску часто предостерегали насъ, чрезъ своихъ посланниковъ, вмѣняя намъ въ преступленіе, что мы нарушили основной законъ нашего великаго пророка Мистрогга въ пятьдесятъ четвертой главѣ *Брундскраля* (ихъ Алкоранъ); однако у насъ это считалось толь-

ко истолкованіемъ текста слѣдующаго содержания: „Всѣ вѣрующіе должны разбивать яйцо, съ конца болѣе удобнаго.“ По моему необходимо каждому предоставить находить конецъ болѣе удобный или, по крайней мѣрѣ, предоставить верховному суду это назначеніе. Итакъ *тонкоконечные* изгнанники встрѣтили такое участие, при дворѣ императора Блефуску и такую поддержку въ нашемъ собственномъ государствѣ, что ожесточенная война велась между этими двумя монархіями въ продолженіе тридцати шести лунъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Во время войнъ мы потеряли сорокъ линейныхъ кораблей и большое количество мелкихъ судовъ, а также тридцать тысячъ лучшихъ солдатъ и матросовъ. Полагають, что и потеря непріятеля не менѣе значительна. Какъ бы то ни было, теперь въ Блефуску вооружають страшный флотъ и готовятся сдѣлать высадку на наши владѣнія. Поэтому, его императорское величество, вѣруя въ вашу храбрость и имѣя высокое понятіе о вашей силѣ, приказалъ мнѣ разъяснить вамъ подробно это дѣло, съ цѣлью узнать ваше расположеніе относительно его величества.

Я просилъ секретаря увѣрить императора въ моемъ искреннемъ уваженіи и увѣдомить,

что я готовъ пожертвовать жизнью для защиты его священной особы и имперіи, противу всѣхъ предпріятій и нападенія враговъ. Онъ оставилъ меня, весьма довольный моимъ отвѣтомъ.

Менѣ нежели въ полчаса я прибылъ къ флоту.

ГЛАВА V.

Авторъ посредствомъ необыкновенной хитрости препятствуетъ высадкѣ непріятели. Императоръ жалуется ему важную почетную награду. Отъ императора Блефуску является посланникъ съ просьбой о мирѣ.

Императоръ Блефуску находится на островѣ, лежащемъ къ сѣверо-востоку отъ Лиллипута, отъ котораго отдѣляется проливомъ, въ четыреста сажень шириною. Я тогда еще его не видалъ, а такъ какъ ожидали высадки, то я боялся показываться съ этой стороны, чтобъ меня не открыли съ какого нибудь непріятельскаго корабля.

Я сообщилъ императору планъ, составленный мною наскоро, для овладѣнія всѣмъ непріятельскимъ флотомъ, который, по донесенію нашихъ развѣдчиковъ, готовъ былъ вступить

подъ паруса при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ. Я разспрашивалъ самыхъ опытныхъ моряковъ о глубинѣ пролива, и они мнѣ отвѣчали, что въ самую высокую воду онъ имѣлъ по срединѣ семьдесятъ *глумлуфсовъ* (около шести футовъ на европейскую мѣру), а въ остальныхъ мѣстахъ до шестидесяти. Я пробрался осторожно къ сѣверо-востоку на берегъ, какъ разъ противъ Блефуску, присѣлъ за холмомъ и, посмотрѣвъ въ зрительную трубку, увидѣлъ непріятельскій флотъ, состоящій изъ пятидесяти линейныхъ кораблей и множества транспортовъ. Возвратясь немедленно, я приказалъ приготовить большое количество самыхъ крѣпкихъ канатовъ и желѣзныхъ полосокъ. Канаты должны были быть толщиною въ двойную нитку, а полоски длиною въ вязальную спицу. Для большей прочности я сплелъ канаты втрое и для той же цѣли связалъ по три пластинки вмѣстѣ и сдѣлалъ изъ нихъ крючки къ канатамъ. Запасшись этими снарядами, я пошелъ въ проливъ и, снявъ сюртукъ, башмаки и чулки, вступилъ въ воду. Сперва я шель какъ могъ быстро, а потомъ по срединѣ проплылъ сажень пятнадцать до тѣхъ поръ, пока не досталъ дна ногами. Менѣе нежели въ полчаса я прибылъ къ флоту; непріятель дотого былъ

испуганъ моимъ появленіемъ, что всѣ по-скакали съ кораблей, подобно лягушкамъ, и убѣжали на берегъ; ихъ, повидимому, было тысячъ тридцать. Тогда, съ помощью крюч-ковъ я зацѣпилъ свои канаты за носъ каждо-го корабля. Пока я работалъ, непріятель осыпалъ меня нѣсколькими тысячами стрѣлъ, изъ которыхъ многія попали мнѣ въ лицо и руки, и независимо отъ боли, мѣшали мнѣ въ моихъ занятіяхъ. Больше всего боялся я за свои глаза и непременно лишился бы ихъ, если бы мнѣ не пришла счастливая мысль. Со мною были въ карманѣ очки, которыя и на-дѣлъ я на носъ какъ можно крѣпче, послѣ чего безопасно продолжалъ работу, не смотря на градъ стрѣлъ, которыми осыпали меня. Прицѣпивъ всѣ крючки, я началъ тащить, но напрасно, ибо всѣ суда стояли на якорѣ. Какъ только я увидѣлъ, въ чемъ дѣло, немед-ленно обрѣзалъ ножикомъ якорные канаты, потомъ безъ особаго труда, сдвинулъ съ мѣ-ста и повлекъ за собою пятьдесятъ большихъ линейныхъ кораблей.

Блефускудійцы, незнавшіе моего намѣренія, были чрезвычайно удивлены и смущены, видя, какъ я обрѣзывалъ канаты: они полагали, что я намѣревался пустить корабли на волю волнъ; чтобъ они разбились другъ объ друга;

но когда они увидѣли, что я потащилъ рядомъ весь флотъ, то закричали отъ бѣшенства и отчаянiя.

Я снова повлекъ свою добычу въ лиллипутскую гавань.

Пройдя нѣсколько времени и очутясь внѣ выстрѣловъ, я остановился не много, чтобъ вытащить стрѣлы, впившіяся мнѣ въ лицо и

въ руки,—потомъ снова повлекъ свою добычу въ лиллипутскую гавань. Императоръ, со всѣмъ дворомъ, стоялъ на берегу, ожидая исхода предпріятія. Издали увидѣли они приближеніе флота, въ видѣ полумѣсяца; но какъ я находился въ водѣ по шею, то они и не замѣтили, что я вель эти суда.

Императоръ, считая меня погибшимъ, думалъ, что флотъ приближается съ цѣлью сдѣлать вылазку. Страхъ однакожь вскорѣ разсѣялся, ибо я всталъ на ноги, и всѣ увидѣли, что я влеку флотъ за собою. Въ это время я громко закричалъ: „Да здравствуетъ могущественный императоръ!“

По прибытіи моемъ этотъ монархъ изъяснилъ мнѣ свою признательность и тутъ же сдѣлалъ меня *нардакомъ*—самый почетный чинъ въ имперіи.

Его величество просилъ меня принять мѣры для увода остальныхъ непріятельскихъ кораблей. Въ своемъ высококомѣріи государь этотъ желалъ ни болѣе ни менѣе, какъ овладѣть всею имперією Блефуску, обратить ее въ провинцію подъ начальствомъ вице-короля, уничтожить всѣхъ эмигрантовъ *толсто-конечниковъ*, заставить всѣхъ этихъ народовъ разбивать яйца съ тонкаго конца, и сдѣлаться такимъ образомъ всемірнымъ государемъ.

Но я старался отклонить его отъ этого намѣренія разными доводами, основанными на политикѣ и справедливости, и громко протестовалъ, что никогда не сдѣлаюсь орудіемъ, посредствомъ котораго былъ бы поработченъ свободный, благородный и храбрый народъ. Когда вопросъ этотъ разбирался въ совѣтѣ,—то мое мнѣніе раздѣляла благоразумнѣйшая партія.

Мое открытое и смѣлое объясненіе до такой степени расходилось съ политикою императора, что трудно было надѣяться, чтобъ онъ простилъ мнѣ его. Онъ говорилъ объ этомъ въ совѣтѣ весьма хитро, и тайные враги мои воспользовались удобнымъ случаемъ погубить меня въ его мнѣніи.

Недѣли черезъ три послѣ моего блистательнаго подвига, прибыло изъ Блефуску посольство, съ мирными предложеніями. Скоро заключенъ былъ трактатъ на условіяхъ, весьма выгодныхъ для лиллипутскаго императора. Посольство состояло изъ шести вельможъ, въ сопровожденіи свиты изъ пятисотъ человѣкъ, и можно сказать, что вѣздъ ихъ согласовался съ величіемъ ихъ государя и важною порученія.

По заключеніи мира посланники были тайно увѣдомлены объ услугахъ, оказанныхъ мною

ихъ народу объясненіемъ съ лиллипутскимъ императоромъ, и они сдѣлали мнѣ официальный визитъ. Они начали хвалить мою храбрость и великодушіе и пригласили меня въ свое государство именемъ ихъ монарха. Поблагодаривъ ихъ, я просилъ передать мое искреннее уваженіе блефускудійскому императору, добродѣтели котораго славились во всемъ мірѣ. Я обѣщаль посѣтить ихъ государство передъ возвращеніемъ на родину.

Черезъ нѣсколько дней я попросилъ у императора позволенія съѣздить въ столицу Блефуску, и онъ холодно изъявилъ мнѣ свое согласіе.

Я позабылъ сказать, что посланники говорили со мною съ помощью переводчика. Языки обѣихъ имперій очень разнятся одинъ отъ другаго: каждая изъ націй считаетъ свой языкъ болѣе древнимъ, богатымъ и сильнымъ, и презираетъ языкъ сосѣдей. Гордясь однако же своими успѣхами надъ блефускудійцами, особенно взятіемъ ихъ флота, императоръ обязалъ посланниковъ представить ихъ вѣрительныя грамоты и сказать рѣчь на языкѣ лиллипутовъ. Впрочемъ, по поводу торговли между двумя государствами, взаимнаго принятія эмигрантовъ и обычая лиллипутовъ посылать молодыхъ дворянъ въ Блефуску для воспитанія,

очень мало изъ высшаго сословія лиллипутской имперіи, а также купцовъ и моряковъ, которые не говорили бы на обоихъ языкахъ.

Сочинители вычурныхъ выраженій преслѣдуются по улицамъ.

ГЛАВА VI.

Нравы и обычаи лиллипутовъ, ихъ литература, законы и способъ воспитанія дѣтей.

Хотя я и намѣренъ описать подробно эту имперію въ особомъ сочиненіи, однако считаю обязанностью дать читателямъ общее понятіе. Такъ какъ обыкновенный ростъ мѣстныхъ жителей немного менѣе шести дюймовъ, то съ ними чрезвычайно пропорціональны другія животныя, а также деревья и растенія. Напримѣръ самые большіе быки и лошади достигаютъ до пяти дюймовъ, овцы до полутора дюйма; гуси величиною съ воробья; такъ что насѣкомыя ихъ были для меня почти невидимы. Но природа съумѣла приспособить зрѣніе лиллипутовъ ко всѣмъ предметамъ имъ

пропорціональнымъ. Въ доказательство пропорціональности ихъ зрѣнія — я скажу, что однажды видѣлъ съ удовольствіемъ, какъ хорошій поваръ ощищивалъ жаворонка величиною съ муху, и когда одна дѣвушка вдѣвала невидимую мнѣ нитку въ невидимую же иголку.

Есть у нихъ азбука, но пишутъ они замѣчательнымъ образомъ — ни слѣва направо, какъ у насъ европейцевъ, ни справа налѣво, какъ арабы, ни сверху внизъ подобно китайцамъ, ни снизу вверхъ, какъ каскорійцы, но наискось отъ одного угла бумаги къ другому, по примѣру англійскихъ дамъ.

Покойниковъ хоронятъ они головою внизъ, ибо полагаютъ, что чрезъ одиннадцать тысячъ лунъ всѣ мертвые должны воскреснуть, что тогда земля, которую они считаютъ плоскою, перевернется вверхъ дномъ и что, слѣдовательно, мертвецы стануть прямо на ноги въ моментъ воскресенія. Ихніе ученые признаютъ нелѣпость этого предположенія, но оно существуетъ потому, что древне и основано на повѣрьяхъ народа.

Есть у нихъ весьма строгіе законы и обычаи, которыхъ я, можетъ быть, и не рѣшился бы оправдывать, еслибъ они такъ рѣзко не расходились съ законами и обычаями моей милой родины. Напримѣръ, я скажу относи-

тельно доносчиковъ. Всякое преступленіе противъ правительства наказывается здѣсь очень строго; но если обвиненный докажетъ свою невинность, то доносчика немедленно осуждаютъ на мучительную смерть, а имѣніе его отбираютъ въ пользу обвиненнаго. Если же обвинитель бѣднякъ, то императоръ вознаграждаетъ обвиненнаго изъ собственныхъ суммъ.

Обманъ наказывается гораздо строже воровства, а именно: обманщикъ всегда осуждается на смертную казнь на томъ основаніи, что осторожность и благоразуміе могутъ ограждать собственность отъ покушенія воровъ и грабителей, но честность не имѣетъ защиты противъ мошенничества и недобросовѣстности.

Хотя наказанія и награды мы считаемъ значительными поддержками государства, однако я долженъ признаться, что въ Европѣ не наказываютъ и не награждаютъ съ такимъ благоразуміемъ, какъ у лиллипутовъ. Кто можетъ достаточно доказать, что въ теченіе семи десяти трехъ лунъ исполнялъ въ точности законы страны, тотъ имѣетъ право на нѣкоторыя привиллегіи сообразно съ своимъ званіемъ и состояніемъ и даже на извѣстную сумму изъ фонда, на этотъ предметъ учрежденнаго. Въ то же время ему дается титулъ

снималъ или *законный*, прибавляемый къ его имени, но не переходящій въ потомство. Народы эти считаютъ съ нашей стороны страшнымъ политическимъ промахомъ то обстоятельство, что всѣ законы наши имѣютъ угрожающій характеръ, и что нарушение закона наказывается сурово, а соблюденіе ничѣмъ не вознаграждается. Вотъ почему правосудіе у нихъ изображено съ шестью глазами — два спереди, два сзади и по одному по сторонамъ (для представленія осмотрительности), держащее въ правой рукѣ мѣшокъ полный золота, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ, для доказательства, что оно располагаетъ болѣе прощать, нежели наказывать.

При назначеніи на мѣста болѣе вниманія обращаютъ на хорошее поведеніе, нежели на способности. Такъ какъ роду человѣческому необходимо правительство, то они вѣрятъ, что Провидѣніе никогда не намѣревалось изъ управленія обществами создавать трудной и таинственной науки, которая можетъ быть доступна лишь малому числу избранныхъ умовъ; напротивъ, они думаютъ, что истина, справедливость, умѣренность и другія добродѣтели присущи всѣмъ, и что каждый можетъ служить съ пользою своему отечеству при небольшой опытности и благонамѣрен-

ности. Тамъ существуетъ убѣжденіе, что ничего нѣтъ опаснѣе какъ вѣрить должность человѣку съ большимъ умомъ, но съ отсутствіемъ добродѣтели, и что ошибки, происходящія отъ сознанія честнаго министра, никогда не могутъ имѣть такихъ гибельныхъ послѣдствій для общественнаго блага, какъ успѣшныя дѣла способнаго министра съ дурнымъ направленіемъ и который по своему уму найдетъ способы дѣлать зло безнаказанно.

Кто изъ лиллипутовъ не вѣритъ въ Провидѣніе, тотъ объявляется неспособнымъ занимать какую бы то ни было общественную должность. Я говорю только объ оригинальныхъ и первобытныхъ законахъ лиллипутовъ. Я знаю, что вслѣдствіе новѣйшихъ законовъ народъ этотъ дошелъ до испорченности: примѣромъ тому можетъ служить постыдный обычай — полученіе высшихъ должностей посредствомъ пляски на канатѣ, а знаковъ отличія посредствомъ прыганья черезъ палку. Надобно замѣтить, что недостойный этотъ обычай былъ введенъ отцемъ настоящаго императора.

У этого народа страшнымъ преступленіемъ считается неблагодарность, какъ это и было у иныхъ добродѣтельныхъ народовъ, что намъ извѣстно изъ исторіи. Тотъ, кто ~~поступаетъ~~ не хорошо противъ своего благодѣтеля, гово-

рять лиллипуты, необходимо долженъ быть врагомъ всѣхъ людей.

По мнѣнію лиллипутовъ, отецъ и мать должны быть избавлены отъ заботы воспитанія собственныхъ дѣтей, и въ каждомъ городѣ существуютъ общественныя семинаріи, куда всѣ родители (исключая крестьянъ и рабочихъ) посылаютъ дѣтей обоого пола для воспитанія. Ребенокъ считается способнымъ для этого по достиженіи двадцати-луннаго возраста. Училица эти бываютъ разныхъ родовъ, сообразно съ различіями половъ и состоянія. Опытные наставники образуютъ дѣтей, согласуясь съ ихъ способностями, рожденіемъ и склонностями.

Мужскія семинаріи для мальчиковъ знатнаго происхожденія отличаются серьезными и учеными наставниками. Пища и одежда дѣтей весьма просты. Имъ внушаютъ правила вѣры, чести, любви къ отечеству, справедливости, отваги, скромности и милосердія. До четырехлѣтняго возраста, одѣваютъ ихъ служители, а потомъ уже они обязаны одѣваться сами, какого бы званія ни были. Играть они могутъ только въ присутствіи кого либо изъ наставниковъ, вслѣдствіе чего отъ нихъ устраняются многіе пороки, такъ рано начинающіе портить характеръ юношества. Родителямъ

дозволяется видѣть дѣтей два раза въ годъ: посѣщеніе не можетъ продолжаться болѣе часа, и родители могутъ цѣловать сына только при входѣ и выходѣ; но постоянно находящійся при этихъ свиданіяхъ наставникъ не позволяетъ имъ ни говорить по секрету съ сыномъ, ни ласкать его, ни давать ему денегъ или лакомства.

Въ женскихъ училищахъ дѣвушки знатнаго происхожденія воспитываются почти такъ же какъ и мальчики; ихъ одѣваютъ служанки, въ присутствіи наставницы, до пятилѣтняго возраста, — а потомъ онѣ должны одѣваться сами. Если будетъ замѣчено, что кормилицы или няньки рассказываютъ дѣвочкамъ невѣроятныя исторіи, нелѣпыя сказки или могущія навести на дѣтей страхъ (что въ Англии вещь обыкновенная у гувернантокъ), ихъ наказываютъ публично, заключаютъ на годъ въ тюрьму и потомъ ссылаютъ въ отдаленныя и пустынныя мѣста имперіи. Вслѣдствіе этого дѣвушки у лиллипутовъ, подобно мужчинамъ, боятся быть низкими и глупыми; онѣ презираютъ всякія наружныя украшенія и заботятся только о приличіи и опрятности. Имъ преподаютъ науки и литературу. По понятіямъ лиллипутовъ, женщина создана для того, чтобъ быть всегда пріятною подругою во всѣхъ

отношеніяхъ, поэтому и должна украшать свой умъ, который никогда не старѣется.

Лиллипуты увѣрены болѣе насъ, европейцевъ, въ томъ, что нигдѣ не требуется столько заботъ и попеченій, какъ при воспитаніи дѣтей. Они хлопчуть, чтобъ наставникъ отличался скорѣе доброю нравственностью, нежели громадными познаніями. Они терпѣть не могутъ учителей, которые занимаютъ учениковъ мелочными замѣчаніями, и которые для наученія воспитанниковъ древнему языку страны (неимѣющему никакого отношенія къ современному) набиваютъ имъ голову совершенно бесполезными правилами. Имъ желательно, чтобъ учитель велъ себя ласково и съ достоинствомъ, ибо ничто не можетъ столь вредить воспитанію, какъ педантизмъ и притворная серьезность. По ихъ мнѣнію, онъ долженъ скорѣе нисходить къ воспитаннику нежели возвышаться надъ нимъ, и они считаютъ первое гораздо труднѣе, ибо часто нужно больше силы и постоянно больше вниманія при спускѣ, нежели при подъемѣ.

Лиллипуты того мнѣнія, что наставникъ долженъ заботиться скорѣе объ образованіи ума молодыхъ людей относительно предстоящей имъ жизни, нежели объ обогащеніи любопытными, но почти всегда бесполезными познаніями.

Имъ предлагаются награды за искреннія признанія въ погрѣшностяхъ и тѣ, кто искуснѣе разсуждаетъ о своихъ собственныхъ недостаткахъ, пользуются наградами. Воспитанники должны быть любопытны и часто спрашивать о томъ, что видятъ и слышатъ, и тѣ изъ нихъ, которые при видѣ чего нибудь необыкновеннаго и замѣчательнаго, обнаруживаютъ мало удивленія, подвергаются наказанію.

Учители исторіи не столько заботятся о хронологіи, сколько объ описаніи характера монарховъ, полководцевъ и министровъ.

Они полагаютъ, что гораздо менѣе важно знать, что такая то битва была дана въ такомъ то году и такомъ то мѣсяцѣ, нежели наблюдать, какъ во всѣ времена люди склонны къ варварству, кровожадности, несправедливости, готовы постоянно жертвовать своею жизнью безъ нужды и покушаться на чужую безъ основанія, какъ войны унижаютъ человѣчество, и какъ должны быть важны причины, доводящія до этой печальной крайности. Исторію человѣческаго ума они предпочитаютъ всякой другой исторіи и заботятся не о томъ, чтобъ воспитанникъ заучивалъ факты, но чтобъ, разбиралъ ихъ. Любовь къ познаніямъ, по ихъ мнѣнію, должна быть ограничена, и каждому предоставляется выборъ занятія, сообразнаго

съ наклонностями и способностями. На чело-
вѣка, занимающагося много науками, они смо-
трятъ такъ же какъ и на того, кто много
ѣсть, будучи увѣрены, что умъ имѣетъ сво-
его рода несвареніе, подобно желудку. У одного
только императора обширная библіотека, а
кто изъ частныхъ людей обладаетъ большою
библіотекою, тотъ считается осломъ, навью-
ченнымъ книгами.

Философія у лиллипутовъ очень веселая и
не наполнена, какъ у насъ, постоянными спо-
рами; не страдаетъ она и запутанною діалек-
тикою, не научаетъ разсужденіямъ такъ же
какъ и танцамъ. Философія ихъ заключается
въ усвоеніи твердыхъ принциповъ, приводя-
щихъ умъ къ предпочтенію средняго состоя-
нія честнаго челоуѣка — богатствамъ и рос-
коши, и предпочтенію побѣдъ надъ собствен-
ными страстями — побѣдамъ завоевателя. Фи-
лософія эта проповѣдуетъ суровую жизнь и
избѣжаніе всего, что пріучаетъ чувство къ
наслажденіямъ, всего, что душу подчиняетъ
тѣлу и ослабляетъ ея свободу. Наконецъ она
представляетъ добродѣтель легко достижимою
и пріятною.

Лиллипутовъ убѣждаютъ избирать тща-
тельно карьеру и стараются навести на болѣе
для нихъ удобную, обращая вниманіе болѣе

на способности воспитанника, нежели на желаніе его родителей, такъ что сынъ простаго земледѣльца иногда дѣлается министромъ, а сынъ вельможи простымъ торговцемъ.

Физику и математику этотъ народъ уважаетъ настолько насколько она приноситъ выгоды въ жизни и въ усовершенствованіи полезныхъ искусствъ. Вообще они мало заботятся о познаніи всѣхъ частей вселенной и любятъ менѣе разсуждать о порядкѣ и движеніи физическихъ тѣлъ, чѣмъ наслаждаться безъ разсужденій природою. На метафизику они смотрятъ какъ на источникъ видѣній и фантазій.

Они ненавидятъ принужденность языка и слога ни въ прозѣ, ни стихахъ, и полагаютъ, что одинаково нелѣпо хлопотать объ отличіи какъ въ разговорахъ, такъ и въ одеждѣ. Авторъ, старающійся употреблять вычурныя выраженія и изысканныя метафоры — преслѣдуется по улицамъ уканьемъ, словно святочная маска.

У юношей воспитываютъ вмѣстѣ и душу и тѣло, ибо необходимо образовать человѣка, — а образованіе одного безъ другаго не мыслимо. По ихъ мнѣнію, душа и тѣло — пара лошадей, которыхъ слѣдуетъ наѣзжать одинаково. Въ то время когда вы образовываете

душу ребенка, говорятъ они, — тѣло его грубѣетъ, а если воспитываете только тѣло, умомъ его одолѣваютъ глупость и невѣжество.

Учителямъ запрещено подвергать воспитанниковъ тѣлесному наказанію; кара состоитъ изъ какого нибудь чувствительнаго лишенія, приведенія въ стыдъ, а по большей части въ запрещеніи приходитъ на двѣ или на три лекціи, — что крайне огорчаетъ юношей, ибо они предоставляются самимъ себѣ и какъ бы считаются недостойными ученія. Боль, по мнѣнію лиллипутовъ, поселяетъ въ мальчикѣ лишь робость, — недостатокъ предосудительный, отъ котораго никогда не излѣчиваются.

Онъ вошелъ ко мнѣ со своими носилками.

ГЛАВА VII.

Узнавъ, что его собираются обвинять въ оскорбленіи государя, авторъ убѣгаетъ въ имперію Блефуску.

—

Прежде чѣмъ я приступлю къ описанію своего выѣзда изъ лиллипутскихъ владѣній, можетъ быть кстати будетъ рассказать читателю еще кое что.

Я не привыкъ къ придворнымъ обычаямъ, и низость моего происхожденія мѣшала мнѣ сдѣлаться ловкимъ царедворцемъ, хотя многіе не выше меня по происхожденію нерѣдко успѣвали при дворѣ, хотя можетъ быть и имѣли иныя понятія о чести и добросовѣстности. Какъ бы то ни было, но въ то время, когда я собирался выѣхать къ императору Блефуску, одинъ вельможа изъ вліятельныхъ при дворѣ

и которому я оказалъ важныя услуги, явился ко мнѣ тайнымъ образомъ ночью прямо въ носилкахъ, безъ всякаго предувѣдомленія. Носильщики немедленно были отпущены; положивъ въ карманъ носилки вмѣстѣ съ его превосходительствомъ и приказавъ слугѣ запереть дверь, я поставилъ носилки на столъ и усѣлся возлѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій, замѣтивъ на лицѣ вельможи грусть и безпокойство, я спросилъ его о причинѣ, и онъ предложилъ мнѣ выслушать его рассказъ о дѣлѣ, касавшемся моей чести и жизни.

— Я долженъ увѣдомить васъ, сказалъ онъ: — что уже нѣсколько разъ собирався тайный комитетъ относительно васъ, и что два дня назадъ его величество возымѣлъ довольно неприятное намѣреніе. Вамъ не безызвѣстно, что Скирешъ Болголамъ (*гамбетъ* или великій адмиралъ) всегда почти смертельно ненавидѣлъ васъ со времени вашего прибытія. Я не знаю причины этой ненависти, но она увеличилась послѣ вашей экспедиціи противъ блефускудійскаго флота въ качествѣ великаго адмирала онъ не могъ простить вамъ этой побѣды. Сановникъ этотъ вмѣстѣ съ государственнымъ казначеемъ Флиртомъ, генераломъ Лимтокомъ, оберкамергеромъ Лалкономъ и государственнымъ судьбою

Бальмуфолгъ, составили противъ васъ обвинительный актъ въ оскорбленіи величества и въ совершеніи другихъ важныхъ преступленій.

Эта новость поразила меня до такой степени, что я готовъ былъ прервать рассказчика но онъ просилъ выслушать до конца и продолжалъ:

— Желая отблагодарить васъ за услуги, я постарался развѣдать о процессѣ и досталъ копію. Не забудьте, что за это я рискую головою.

Обвинительный актъ противъ *Квинбуса Флестрина* (Человѣкъ-Гора).

I. Принимая во вниманіе, что Квинбусъ Флестринъ по приведеніи блефускудійскаго флота въ нашъ императорскій портъ, когда получилъ приказаніе отъ его величества овладѣть прочими блефускудійскими судами и обработать это государство въ провинцію подъ управленіемъ нашего вице-короля, чтобъ погубить не только всѣхъ бѣглыхъ *толстокопечниковъ*, но и тѣхъ кто откажется оставить эту ересь, — упомянутый Квинбусъ Флестринъ, оказывая явное неповиновеніе его милостивому величеству, подалъ просьбу объ увольненіи его отъ означеннаго порученія, подъ легкомысленнымъ предлогомъ, — отвращенія вмѣшиваться въ угнетеніе совѣсти и стѣсненіе свободы невиннаго народа;

II. что, когда прибыли извѣстные посланники отъ блефускудійскаго двора, просить мира у его величества, означенный Флестринъ, какъ измѣнникъ, помогаль упомянутымъ посланникамъ, утѣшалъ и угощалъ ихъ, хотя и зналъ, что они были министры государя, находившагося недавно въ открытой враждѣ съ его императорскимъ величествомъ;

III. что оный Квинбусъ Флестринъ, вопреки вѣрноподданническаго долга, намѣревается уѣхать къ блефускудійскому двору, хотя имѣеть только словесное позволеніе его величества, и, пользуясь этимъ дозволеніемъ, намѣревается дерзко и измѣннически отпривиться въ чужія владѣнія и помогать блефускудійскому государю....“

— Есть еще другія статьи, прибавиль онъ:—но я прочелъ вамъ болѣе важныя. При различныхъ преніяхъ по этому обвиненію, надобно сознаться, что его величество обнаруживаль умѣренность, кротость и правосудіе, выставляя нѣсколько разъ ваши заслуги и стараясь уменьшить преступленія. Казначей и адмиралъ подали мнѣніе, что вы должны умереть жестокою и позорною смертию; предлагая зажечь ночью вашу квартиру, генералъ имѣлъ встрѣтить васъ съ двадцатью тысячами человѣкъ, вооруженныхъ отравлен-

ными стрѣлами, предназначенными поражать васъ въ лицо и руки. Нѣкоторымъ вашимъ слугамъ хотѣли отдать тайныя приказанія, набрызгать вашу рубашку ядовитымъ сокомъ, который истерзалъ бы вамъ тѣло, и вы умерли бы отъ этого въ жесточайшихъ страданіяхъ. Однимъ словомъ нѣсколько времени большинство голосовъ было противъ васъ; но его величество, вознамѣрившійся спасти вамъ жизнь, былъ поддержанъ оберъ-камергеромъ. Между тѣмъ Рельдресаль, главный статсъ-секретарь по тайнымъ дѣламъ, получилъ приказаніе императора подать мнѣніе, и онъ подалъ его, согласно съ желаніемъ государя и конечно оправдалъ уваженіе, которое вы питаете къ нему. Сознавая преступленія ваши великими, онъ въ то же время заявилъ, что они заслуживаютъ снисхожденія. Онъ сказалъ, что ваша дружба съ нимъ до такой степени всѣмъ извѣстна, что его могутъ подозрѣвать въ пристрастіи къ вамъ, однако же, повинувшись приказанію его величества, онъ готовъ высказать откровенное и добросовѣстное мнѣніе. Если императоръ, въ уваженіе вашихъ заслугъ и слѣдуя внушенію великодушія, хотѣлъ вамъ сохранить жизнь, довольствуясь только ослѣпленіемъ вамъ глазъ, то онъ полагаетъ, что этимъ наказаніемъ бу-

дети удовлетворено нѣкоторымъ образомъ правосудіе, и весь свѣтъ просіяетъ въ восторгѣ отъ милосердія императора также какъ и отъ великодушнаго суда тѣхъ, кто имѣлъ честь быть его совѣтниками. Онъ сказалъ, что потеря зрѣнія не помѣшаетъ вашей тѣлесной силѣ, посредствомъ которой вы можете быть еще полезны его величеству, что ослѣпленіе служитъ къ усиленію храбрости, скрывая отъ насъ опасности; что умъ дѣлается сосредоточеннѣе и болѣе расположенъ къ открытію истины; что страхъ потерять глаза былъ для васъ главнѣйшимъ затрудненіемъ къ овладѣнію непріятельскимъ флотомъ, и что будетъ съ васъ достаточно видѣть чужими глазами, ибо и могущественнѣйшіе монархи не смотрятъ другимъ образомъ. Предложеніе это было встрѣчено всеобщимъ негодованіемъ: адмиралъ Болголамъ, вскочивъ въ ярости, высказалъ удивленіе, что этотъ секретарь осмѣливается стоять за сохраненіе жизни измѣннику; что услуги, оказанныя вами, по государственнымъ соображеніямъ,—были страшнымъ преступленіемъ; что та же самая сила, которая помогла вамъ захватить непріятельскій флотъ, можетъ содѣйствовать вамъ къ отводу его обратно при первомъ неудовольствіи. Адмиралъ высказалъ, что имѣетъ

очень сильныя основанія подозрѣвать въ васъ истаго *толстоконечника*, а такъ какъ измѣна начинается въ сердцѣ прежде чѣмъ проявится въ дѣйстви, какъ и у *толстоконечниковъ*, то онъ, признавая васъ торжественно измѣнникомъ и бунтовщикомъ, — немедленно требовалъ вашей смерти. Государственный казначей былъ того же мнѣнія. Онъ представилъ громадный ущербъ въ финансахъ его величества, по случаю расходовъ на ваше содержаніе, и что это вскорѣ можетъ повести къ разоренію. Онъ полагалъ, что ослѣпленіе ваше не только не поможетъ злу, а напротивъ увеличитъ его по всѣмъ вѣроятіямъ; примѣромъ чему служатъ домашнія птицы, которыя, будучи ослѣплены, ѣдятъ гораздо больше и жирѣютъ скорѣе. Онъ налегалъ на то, что его величество и государственный совѣтъ, члены котораго составляли, судъ по совѣсти были убѣждены въ вашихъ преступленіяхъ, и потому не надобно было другихъ юридическихъ доказательствъ для присужденія васъ къ смертной казни. Но его императорское величество, рѣшаясь сохранить вамъ жизнь, милостиво замѣтилъ, что если совѣтъ находить для васъ ослѣпленіе слишкомъ легкимъ наказаніемъ, то можно прибавить еще какое нибудь другое. Другъ вашъ

статсъ-секретарь, почтительно попросивъ позволенія отвѣчать на заявленіе казначея объ огромныхъ издержкахъ изъ суммъ государя на ваше содержаніе, сказалъ, что его превосходительство, имѣвшій въ рукахъ всѣ императорскія суммы, легко могъ пособить бѣдѣ, постепенно уменьшая вашу порцію, вслѣдствіе этого, за недостаткомъ потребной пищи, вы начнете чахнуть, потеряете аппетитъ и вскорѣ лишитесь жизни. Такимъ образомъ все улажено, благодаря дружбѣ статсъ-секретаря; немедленно отдано было строжайшее приказаніе о храненіи въ тайнѣ намѣренія умерить васъ постепенно голодомъ, а указъ выколотъ вамъ глаза—записанъ въ протоколъ. Рѣшеніе это принято было единодушно, за исключеніемъ одного адмирала Болголама. Черезъ три дня, секретарь получитъ повелѣніе явиться къ вамъ, прочтетъ обвинительный актъ въ вашемъ присутствіи и потомъ объявитъ вамъ великую милость, какъ монарха такъ и совѣта, состоящую въ томъ, что вы осуждены только лишь къ ослѣпленію, которому, какъ полагаетъ его величество, вы покоритесь съ подобающими признательностью и покорностью. За секретаремъ явятся двадцать хирурговъ его величества и выполнятъ операцію, пустивъ множество

весьма острыхъ стрѣль, въ зрачки вашихъ глазъ, въ то время когда вы будете лежать на землѣ. Теперь отъ васъ зависитъ принять необходимыя мѣры. Что же касается меня, то для устраненія подозрѣній, я долженъ возвратиться съ такою же таинственностью, съ какою прибылъ къ вамъ.—

По уходѣ вельможи, я остался одинъ въ сильномъ безпокойствѣ. Мнѣ пришла было охота защищаться, ибо, находясь на свободѣ, я не боялся всѣхъ вооруженныхъ силъ этой имперіи, и съ помощью камней легко могъ разрушить всю столицу; но тотчасъ же съ ужасомъ оставилъ это намѣреніе, припомнивъ клятву, данную императору, милости оказанныя этимъ государемъ, и пожалованное мнѣ высокое мѣсто *нардака*. Притомъ же я неслишкомъ еще усвоилъ придворные обычаи, чтобъ суровость императора уничтожила въ моихъ глазахъ признательность, которою я былъ ему обязанъ.

Наконецъ я принялъ одно намѣреніе, которое, можетъ быть, многіе будутъ оуждать не безъ основанія, ибо сознаюсь, съ моей стороны было большою дерзостью—желаніе сохранить глаза, свободу и жизнь—вопреки приказаніямъ совѣта. Если бы я лучше зналъ характеръ государей и министровъ, что я

наблюдавъ въ послѣдствіи при могихъ дворахъ, и способъ ихъ обращенія съ обвиненными, менѣе меня преступными, я охотно подчинился бы такому легкому наказанію. Но, увлеченный пыломъ юности и имѣя передъ тѣмъ дозволеніе его величества отправиться въ Блефуску, я, до истеченія трехъ дней, поспѣшилъ написать другу моему секретарю, что, согласно съ даннымъ мнѣ дозволеніемъ, отправляюсь сегодня же въ сосѣднее государство, и, не ожидая отвѣта, немедленно направился къ берегу, гдѣ стоялъ флотъ. Захвативъ самый большій военный корабль, я снялъ его съ якоря, сложилъ на него свое платье, которое сбросилъ тутъ же, и одѣяло, захваченное съ собою, потомъ зацѣпилъ этотъ корабль канатомъ и потащилъ его за собою, переправясь черезъ проливъ. Вскорѣ я прибылъ въ блефускудѣйскій портъ, гдѣ народъ давно ожидалъ меня. Мнѣ дали двухъ проводниковъ, которыхъ я все время несъ въ рукѣ, до тѣхъ поръ пока не подошелъ за сто сажень къ столицѣ, а потомъ поручилъ имъ извѣстить одного изъ статсъ-секретарей о моемъ прибытіи и сказать, что я жду приказаній его величества. Черезъ часъ я получилъ отвѣтъ, что его величество выйдетъ ко мнѣ на встрѣчу, со всѣмъ своимъ домомъ. Я по-

двинулся еще на пятьдесятъ сажень; государь со свитою слѣзли съ лошадей, государыня и дамы вышли изъ экипажей, и я не замѣтилъ, чтобъ они боялись меня. Я прилегъ къ землѣ, чтобъ поцѣловать руки ихъ величествамъ. Я сказалъ государю, что прибылъ вслѣдствіе своего обѣщанія и съ позволенія императора моего повелителя, чтобъ имѣть честь видѣть столь могущественнаго монарха, и предложить ему услуги, которыя не противорѣчили бы тѣмъ вѣрноподданническимъ обязанностямъ, но ни слова не упомянулъ о своей невзгодѣ.

Считаю лишнимъ утомлять читателя подробностями моего приѣма при дворѣ, сообразно съ щедростью и благоразуміемъ такого великаго государя, или разговоромъ о неудобствахъ за недостаткомъ дома и постели, вслѣдствіе чего я долженъ былъ лечь на землѣ и вернуться въ одѣяло.

Приготовивъ все, я уѣхалъ 24 Сентября.

ГЛАВА VIII.

По счастливому случаю авторъ находитъ средство оставить Блефуску, и послѣ нѣкоторыхъ приключеній возвращается на родину.

Дня черезъ три послѣ моего прибытія, гуляя изъ любопытства по сѣверо-восточному берегу острова, я открылъ въ морѣ, въ полумилѣ разстоянія, нѣчто похожее на опрокинутую лодку. Снявъ чулки и башмаки и отправившись въ воду сажень на полтора, я увидѣлъ, что приливъ гналъ къ берегу лодку, которая, вѣроятно, была оторвана отъ какого нибудь корабля во время бури. Я возвратился немедленно и выпросилъ у короля двадцать большихъ кораблей, оставшихся ему отъ потери флота, и три тысячи матросовъ подъ

командою вице-адмирала. Эскадра эта снялась съ якоря и отправилась въ обходъ, между тѣмъ какъ я пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ усмотрѣлъ лодку. Приливъ принесъ ее еще ближе къ берегу. Когда подошли корабли, я раздѣлся и отправился дальше, но сажень за пятьдесятъ отъ лодки принужденъ былъ идти вплавъ. Матросы бросили мнѣ канатъ, одинъ конецъ котораго я привязалъ къ носу лодки, а другой къ линейному кораблю, но не могъ продолжать работы, ибо не доставалъ дна ногами. Я поплылъ сзади лодки, толкая ее одною рукою, и приблизился къ берегу настолько, что, доставъ дно, очутился въ водѣ по шею. Усталость принудила меня отдохнуть минуты двѣ или три, послѣ чего я продолжалъ толкать лодку впередъ и какъ главное препятствіе было преодолено, то, привязавъ еще девять канатовъ сперва къ лодкѣ, а потомъ къ девяти кораблямъ, я, при помощи попутнаго вѣтра и матросовъ, успѣлъ дотащить лодку сажень на двадцать отъ берега. Съ окончаніемъ прилива, лодка была зацѣплена канатами и посредствомъ разныхъ машинъ поднята двумя тысячами рабочихъ. По осмотрѣ она оказалась весьма мало поврежденною.

Десять дней мы употребили на ввѣдъ ея въ королевскій портъ Блефуску, гдѣ собралось огромное количество народа, взиравшаго съ изумленіемъ на судно такихъ громаднѣхъ размѣровъ. Я сказалъ королю, что счастливый случай привелъ эту лодку, на которой я могу попасть въ какое нибудь мѣсто, откуда найду возможность возвратиться на родину, и просилъ его величество приказать исправить мою лодку и позволить мнѣ выѣхать изъ его государства. Послѣ нѣсколькихъ обязательныхъ соболѣзнованій—просьба моя была исполнена.

Меня очень удивляло, что со времени моего ухода, императоръ лиллипутскій словно позабылъ о моемъ существованіи; но я вскорѣ узналъ, что онъ былъ убѣжденъ въ моемъ невѣдѣніи относительно совѣта, и полагалъ, что я отправился въ Блефуску собственно вслѣдствіе обѣщанія и имѣя позволеніе, и что я возвращусь въ скоромъ времени. Наконецъ его встревожило мое продолжительное отсутствіе, и, посовѣтовавшись съ казначеемъ и остальною кликою, онъ отправилъ въ Блефуску одно довѣренное лицо съ копіею моего обвинительнаго акта. Посланникъ этотъ имѣлъ приказаніе представить королю всю кротость лиллипутскаго государя, который довольствовался наказать меня только лише-

ніемъ зрѣнія; извѣститъ, что я ушелъ изъ рукъ правосудія, и что если и не возвращусь чрезъ

Я ввелъ свою лодку въ портъ блефуску.

два дня, то я буду лишенъ титула *наркока*, и объявленъ государственнымъ преступникомъ. Посланникъ прибавилъ, что для сохраненія

мира и дружбы между обоими государствами императоръ надѣется, что король прикажетъ отвезти меня связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ Лиллипутъ, гдѣ я долженъ подвергнуться казни, какъ измѣнникъ.

Обсудивъ это дѣло въ теченіе трехъ дней, блефускудійскій король далъ основательный и добросовѣстный отвѣтъ. Вопервыхъ онъ объявилъ, что самому императору извѣстна невозможность относительно высылки меня связаннымъ; во вторыхъ, хотя я и увелъ блефускудійскій флотъ, однако король обязанъ мнѣ за многія услуги при заключеніи мира; наконецъ оба они вскорѣ будутъ избавлены отъ меня, ибо я нашелъ у берега громадное судно, на которомъ я могу плавать по морю, и которое онъ велѣлъ исправить при моей помощи и по моимъ указаніямъ, однимъ словомъ, онъ изъявилъ надежду, что чрезъ нѣсколько недѣль оба государства избавятся отъ такой непомерной тягости.

Съ такимъ отвѣтомъ посланникъ возвратился къ лиллипутскому императору, а блефускудійскій король рассказалъ мнѣ все и вмѣстѣ, по секрету, предложилъ весьма любезно свое покровительство, если бы я согласился остаться у него на службѣ. Хотя это предложеніе казалось мнѣ искреннимъ, однако

я рѣшился не отдавать себя никакому государю и министру, если могу обойтись безъ нихъ, и потому, выразивъ его величеству признательность за милостивое вниманіе, покорнѣйше попросивъ позволенія уѣхать, я объяснилъ, что такъ какъ счастливый или несчастный случай послалъ мнѣ лодку, то я и рѣшился скоро пуститься на ней въ океанъ, чтобъ не быть причиною раздора между такими могущественными государями. Король нисколько не разгнѣвался на меня за этотъ отвѣтъ, и я узналъ даже, что онъ и большая часть его министровъ — остались довольны моимъ рѣшеніемъ.

Вслѣдствіе этого я вознамѣрился уѣхать скорѣе, нежели предполагалъ, и дворъ, который желалъ моего отъѣзда, дѣятельно принялся мнѣ содѣйствовать. Пятсотъ рабочихъ были назначены сшить два паруса для моей лодки по моимъ указаніямъ, что они и исполнили, подшивъ одну подъ другую тринадцать самыхъ толстыхъ парусинъ. Снасти и канаты сдѣлалъ я самъ, свивая по десяти, а гдѣ надо и по двадцати самыхъ большихъ ихъ веревокъ. Якоремъ послужилъ мнѣ самый огромный камень, какой только я могъ найти на морскомъ берегу послѣ продолжительныхъ поисковъ. Для смазки моей лодки и для дру-

того употребленія, мнѣ отпущено было сало съ трехсотъ быковъ. Чрезвычайнаго стоило мнѣ труда вырубить самыя большія деревья на весла и снасти, въ чемъ впрочемъ помогали мнѣ корабельные мастера его величества.

Работы эти продолжались около мѣсяца, и когда все было кончено, я отправился къ его величеству получить приказаніе и вмѣстѣ откланяться. Король вышелъ изъ дворца со всѣмъ своимъ штатомъ. Я прилегъ головою на землю, чтобы имѣть честь поцѣловать его руку, которую онъ подалъ мнѣ граціозно, такъ же какъ королева и многіе принцы крови. Его величество подарилъ мнѣ пятьдесятъ кошелековъ по двѣсти *спругъ* въ каждомъ и свой большой портретъ, который тотчасъ же и былъ положенъ мною въ одну изъ перчатокъ для болѣе удобнаго сохраненія.

Я погрузилъ на лодку сто быковъ, триста барановъ, взялъ хлѣба и воды въ достаточномъ количествѣ и столько жареной говядины, сколько могли приготовить четыреста поваровъ. Кромѣ этого я захватилъ съ собою шесть коровъ и двухъ живыхъ быковъ и такое же количество живыхъ овецъ и барановъ, съ цѣлью развести эту породу въ своемъ отечествѣ. Для нихъ мнѣ приготовили овса и сѣна. Хотѣлось мнѣ очень увезти ше-

стерыхъ туземцевъ, но король не позволилъ, и помимо положительнаго осмотра моихъ кармановъ, его величество взялъ съ меня честное слово, что я не увезу ни одного изъ его подданныхъ, если бы даже они сами просили меня объ этомъ.

Окончивъ всё приготовленія, я снялся съ якоря 24 сентября 1701 года, въ 6 часовъ утра, и, отплывъ четыре мили къ сѣверу при юговосточномъ вѣтрѣ, открылъ къ шести часамъ вечера къ сѣверозападу островокъ около полумили длиною. Достигнувъ островка, я бросилъ якорь съ подвѣтренной стороны; онъ мнѣ показался необитаемымъ. Я подкрѣпилъ силы и легъ отдохнуть и проспалъ около шести часовъ, ибо начало разсвѣтать часа черезъ два послѣ того какъ я проснулся. Послѣ завтрака я снялся съ якоря и при попутномъ вѣтрѣ отправился по вчерашнему направленію, руководствуясь карманнымъ компасомъ. Я намѣревался попасть на одинъ изъ острововъ, которые, по моему мнѣнію, лежали къ сѣверо-востоку отъ Вандименовой Земли. Въ тотъ день я не открылъ ничего, но на другой, часа въ три пополудни, когда по моему счету я сдѣлалъ около двадцати-четырёхъ миль, я увидѣлъ корабль, державшій къ юго-востоку. Я поставилъ всё свои

паруса, и этакъ черезъ полчаса корабль меня замѣтилъ, поднялъ флагъ и выпалилъ изъ орудія. Невозможно описать радости, какую я ощутилъ при мысли увидѣть снова родину и все, что я оставилъ тамъ драгоцѣннаго. Корабль убавилъ парусовъ, и я подѣхалъ къ нему 26 сентября часовъ въ пять или шесть вечера. Я не могъ придти въ себя отъ восторга при видѣ англійскаго флага. Положивъ по карманамъ своихъ коровъ и овецъ, я взошелъ на бортъ со всею своею провизіею. Это былъ англійскій купеческій корабль, возвращавшійся изъ Японіи подъ командою капитана Джона Биделля изъ Дентфорда, отличнаго моряка и честнаго человѣка. Экипажъ его состоялъ изъ пятидесяти душъ, въ числѣ которыхъ я нашелъ одного изъ моихъ старинныхъ товарищей *Питера Уильямса*, отрекомендовавшаго меня съ хорошей стороны капитану. Послѣдній принялъ меня чрезвычайно ласково и просилъ передать вкратцѣ мои приключенія, но, выслушавъ меня, счелъ, что я немного рехнулся отъ усталости и опасностей. Тогда я вынулъ изъ кармана коровъ и овецъ, что привело его въ неописанное изумленіе, ибо онъ увидѣлъ, что я рассказывалъ правду. Я показалъ ему золотыя монеты, подаренныя мнѣ блефускудійскимъ ко-

ролемъ, а также портретъ его величества и многія другія рѣдкости этой страны, я подарилъ ему два кошелька въ двѣстѣ *спругг* каждый, и обѣщаль подарить по пріѣздѣ на родину корову и овцу въ интересномъ положеніи.

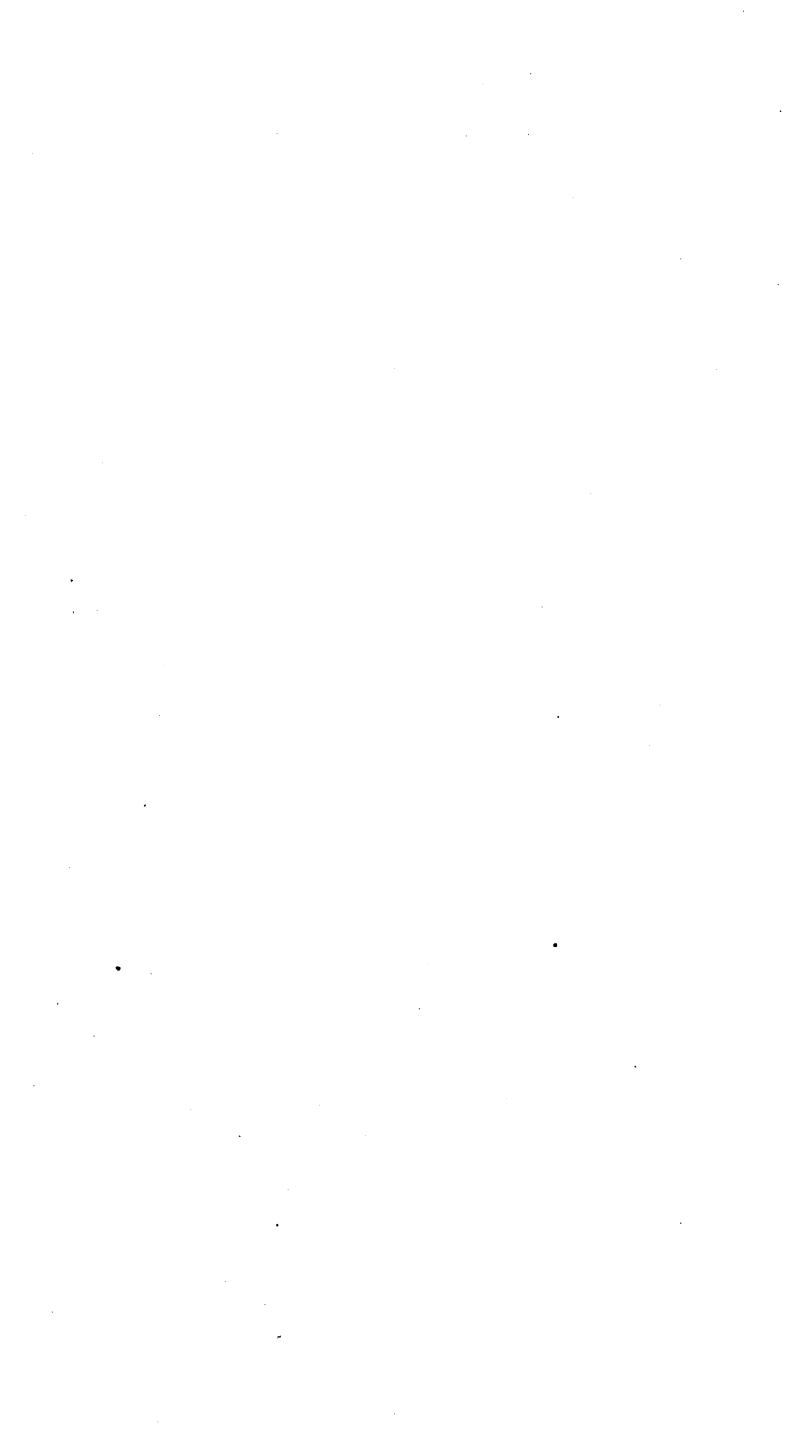
Не стану утомлять читателя подробностями путешествія. Мы прибыли въ Англию 13 апрѣля 1702 года. Со мною случилась одна только непріятность, а именно корабельныя крысы утащили у меня одну овцу. Прочія животныя сохранились благополучно, и я пустилъ ихъ на пастбище на лугу, гдѣ играютъ въ мячъ въ Гриничѣ.

Въ теченіе непродолжительнаго моего пребыванія въ Англии, я извлекъ значительную выгоду, показывая моихъ крошечныхъ четвероногихъ какъ высшему классу, такъ даже и простому народу, и передъ вторымъ путешествіемъ продалъ ихъ за шестьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Возвратясь въ послѣдній разъ, я полагалъ, что они значительно расплодились, особенно овцы, но какъ ни искалъ ихъ— всѣ мои поиски были тщетны: я надѣялся было принести пользу нашимъ шерстянымъ фабрикамъ, ибо невозможно найти болѣе тонкую и нѣжную шерсть.

Въ семействѣ я оставался только два мѣсяца: неутомимая страсть видѣть чужія земли,

не позволяла мнѣ пробыть долѣе на родинѣ. Женѣ оставилъ я полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ, помѣстивъ ихъ въ одномъ изъ солидныхъ домовъ Редрифа, а остальные взялъ съ собою, частью въ наличныхъ деньгахъ, частью въ товарахъ, намѣреваясь увеличить состояніе. Дядя мой Джонъ оставилъ мнѣ землю близъ Эттлинга, приносящую тридцать фунтовъ дохода; притомъ же у меня было большое стадо черныхъ быковъ въ Феттерленѣ, дававшее столько же: поэтому я не рисковалъ, что дочь моя останется на попеченіи благотворительности прихода. Сынъ мой Джонъ, названный по имени дяди, учился по латыни и ходилъ въ коллегію, а дочь Елизавета (которая теперь замужемъ и имѣетъ своихъ дѣтей) училась рукодѣльямъ. Прощавшись съ женою и семействомъ и не смотря на обильныя слезы съ обѣихъ сторонъ, я бодро сѣлъ на „Эдвентюръ“, купеческій корабль въ триста тоннъ, подъ командою капитана Джона Николса изъ Ливерпуля.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

БРОБДИНЬЯГЪ.

Они были преслѣдуемы челоуѣкомъ исполинскаго роста.

ГЛАВА I.

Выдержавъ сильную бурю, авторъ садится въ шлюбку, съ цѣлю достигнуть берега, и попадаетъ въ руки одного изъ туземцевъ. Какъ съ нимъ обходились. Понятіе о странѣ и народѣ.

Предназначенный природою и судьбою для тревожной жизни, чрезъ два мѣсяца по возвращеніи домой, какъ уже мною сказано, я снова сѣлъ 20 іюля 1702 года на корабль „Эдвентъюръ“, капитанъ котораго Джонъ Никольсъ отпралялся въ Суратъ. Вѣтеръ намъ служилъ попутный до мыса Доброй Надежды, куда мы и зашли заpastись водою. Въ это время капитанъ нашъ заболѣлъ такъ сильно лихорадкою, что мы не могли уйдти изъ Капштадта раньше конца марта. Снявшись съ якоря, мы плыли благополучно до Мадага-

скарскаго пролива. Но когда мы достигли сѣверной оконечности этого острова, то вѣтеръ, который въ этихъ моряхъ дуетъ всегда ровно между сѣверомъ и западомъ, съ начала декабря до первыхъ чиселъ мая, задулъ съ 29 апрѣля съ необыкновенною силою съ запада въ продолженіе двадцати дней, вслѣдствіе чего мы отошли не много восточнѣе Молуккскихъ острововъ, и на три градуса сѣвернѣе экватора, по вычисленію, сдѣланному капитаномъ 2 мая, когда утихъ вѣтеръ. Но какъ человѣкъ опытный въ плаваніи по этимъ морямъ, капитанъ велѣлъ намъ готовиться на другой день къ страшной бурѣ, и не ошибся въ своемъ предсказаніи. Поднялся южный вѣтеръ, называемый *муссономъ*. Потомъ расходилась такая буря, что мы принуждены были убрать всѣ паруса и понеслись по прихоти волнъ, и по моему мнѣнію отошли миль на пятьсотъ къ востоку; самые опытные моряки не могли сказать, гдѣ мы находились. Въ провизіи, впрочемъ, у насъ не было недостатка, корабль не давалъ течи, и экипажъ пользовался отличнымъ здоровьемъ; одно только насъ беспокоило—это недостатокъ воды. Мы разсудили, что гораздо лучше слѣдовать принятому нами направленію, нежели поварачивать на сѣверъ, что можетъ быть привело бы

насъ къ какой нибудь части Великой Татари, находящейся на крайнемъ сѣверо-западѣ и въ Ледовитомъ морѣ.

16 іюля 1703 года, одинъ юнга открылъ землю съ салинга; 17 мы ясно увидѣли большой островъ или материкъ (намъ не было извѣстно—что изъ двухъ), съ правой стороны котораго длинная коса выдавалась въ море, и имѣла заливчикъ довольно мелкій, такъ что въ него не могло войти судно въ сотню тоннъ. Бросивъ якорь въ милѣ отъ этого заливчика, нашъ капитанъ послалъ на берегъ шлюпку съ двѣнадцатью хорошо вооруженными матросами, которые взяли бочки для воды, если она отыщется. Я просилъ позволенія съѣхать на берегъ съ цѣлью посмотрѣть землю и сдѣлать возможныя открытія. Сойдя на землю, мы не нашли ни рѣки, ни колодца, никакихъ даже слѣдовъ жилья, вслѣдствіе чего матросы и поплыли вдоль берега, для отысканія прѣсной воды по близости моря. Что касается меня, я прогуливался одинъ и углубился на милю внутрь острова, гдѣ однако же не нашель ничего, кромѣ бесплодной почвы, покрытой камнями. Мнѣ это начало надоѣдать, и не видя ничего достойнаго любопытства, я поворотилъ назадъ къ маленькому заливчику. Что же вдругъ представилось

моимъ взорамъ? Матросы наши были въ шлюпкѣ и изъ всѣхъ силъ старались грести, словно уходя отъ очевидной смерти, и въ то же время я замѣтилъ, что за ними гнался человѣкъ исполинскаго роста. Хотя онъ шелъ по морю, вода ему доставала только до коленъ и шаги его были изумительно огромны; но люди наши выиграли по крайней мѣрѣ полмили, и какъ море было здѣсь усѣяно скалами, то великанъ и не могъ догнать шлюпки. Я побѣждалъ со всѣхъ ногъ и взлѣзъ на вершину утесистой скалы, откуда могъ рассмотреть часть страны. Она была отлично воздѣлана, но меня поразила громадность травы, имѣвшей въ вышину болѣе двадцати футовъ.

Я вступилъ на большую дорогу, которая по крайней мѣрѣ показалась мнѣ такою, хотя для туземцевъ это была не болѣе какъ тропинка, пролежавшая чрезъ ячменное поле. Я прошелъ нѣкоторое разстояніе, но не могъ ничего видѣть, ибо хлѣбъ уже созрѣлъ и достигъ въ вышину не менѣе сорока футовъ. Я прошелъ около часу, пока достигъ оконечности поля; окруженнаго изгородью въ сто двадцать пять футовъ вышины; что касается деревьевъ, то они были такъ высоки, что я не могъ вычислить ихъ роста

Стараясь открыть какое нибудь отверстіе въ изгороди, я увидѣлъ въ сосѣднемъ полѣ одного изъ туземцевъ, такого же роста, какъ и великанъ, гнавшійся за нашею шляпкою. Онъ показался мнѣ вышиною съ обыкновенную колокольню, и дѣлалъ пятисаженные шаги по моему соображенію. Я страшно испугался и убѣжалъ спрятаться въ ячмень, откуда увидѣлъ, какъ великанъ остановился у отверстія изгороди, осматриваясь во всѣ стороны и призывая кого-то громко словно въ руноръ: звуки этого голоса были такъ сильны, что мнѣ показались громомъ. Немедленно семь человекъ такихъ же великановъ подошли къ нему съ серпами въ рукахъ — а серпы были величиною въ шесть обыкновенныхъ косъ. Люди эти одѣты были иначе, нежели первый, котораго они казались слугами. По его приказанію, они отправились жать ячмень въ поле, гдѣ я спрятался. Я старался удалиться отъ нихъна сколько было возможности, но подвигался я съ большимъ затрудненіемъ, ибо стебли стояли не далѣе какъ на футъ одинъ отъ другаго, что задерживало меня въ этой роцѣ своего рода. Я направлялся однакожь къ такому мѣсту, гдѣ дождь и вѣтеръ повалили

ячмень, и не могъ уже идти дальше ибо стебли были до такой степени перепутаны, что не представлялось возможности перебраться чрезъ нихъ, а колючки упавшихъ колосьевъ были такія крѣпкія и острыя, что кололи меня сквозь платье: между тѣмъ жнецы находились не болѣе какъ въ пятидесяти саженьяхъ. Въ крайнемъ отчаяніи я прилегъ между двухъ бороздъ и желалъ смерти, представляя, себѣ мою безутѣшную вдову съ дѣтьми-сиротами, и проклиная свою глупость, пуститься во второе путешествіе вопреки совѣтамъ всѣхъ родныхъ и пріятелей.

Въ этомъ ужасномъ положеніи я не могъ не подумать о странѣ лиллипутовъ, жители которой смотрѣли на меня какъ на единственное чудо въ мірѣ; гдѣ я могъ уводить весь флотъ одною рукою и совершать другіе удивительные подвиги, память о которыхъ вѣчно сохранится въ лѣтописяхъ этой имперіи. Я представилъ себѣ, что видъ мой среди этихъ великановъ будетъ такъ же жалокъ, какъ видъ лиллипута среди насъ. Но это было еще самое меньшее изъ моихъ бѣдствій; ибо замѣчено, что обыкновенно существа человѣческія болѣе дики и жестоки сообразно съ ихъ ростомъ, а вслѣдствіе этого мнѣ оставалось

только ожидать вскорѣ быть съѣдену первымъ изъ этихъ исполиновъ—варваровъ, которому я попадусь въ руки. Дѣйствительно, философы правы, утверждая, что нѣтъ ничего ни великаго, ни малаго безъ сравненія. Можетъ быть, лиллипуты найдутъ какое нибудь племя, которое покажется имъ меньше, нежели они мнѣ показались, а можетъ быть, это удивительное племя встрѣтитъ новыхъ лиллипутовъ въ странахъ, которыхъ мы еще не открыли. Но находясь въ страхѣ и тревогѣ, я не предавался тогда этимъ философскимъ разсужденіямъ.

Когда одинъ изъ жнецовъ подошелъ сажень на пять къ бороздѣ, въ которой я лежалъ, на меня напала боязнь, что, сдѣлавъ еще шагъ, онъ растопчетъ меня или перерѣжетъ серпомъ на двое; вотъ почему, прежде нежели онъ поднѣлъ ногу, я началъ кричать такъ громко, какъ только позволялъ мнѣ охватившій меня ужасъ. Исполинъ остановился немедленно, началъ оглядываться, посмотрѣлъ внизъ и примѣтилъ меня. Нѣсколько времени онъ разсматривалъ меня осторожно, какъ человѣкъ, желающій схватить маленькое опасное животное такимъ образомъ, чтобъ оно не укусило и не оцарапало, какъ я самъ не разъ дѣлалъ съ ластками въ Англии. Наконецъ онъ рѣшился схва-

ТИТЬ МЕНЯ ЗА ЛЯДВЕИ И ПОДНЯЛЪ САЖЕНИ НА ПОЛТОРЫ КЪ ГЛАЗАМЪ, ЧТОБЪ УДОБНѢ РАЗМОТ-

Исполинъ сстановился тотчасъ-же.

рѣть мое лицо. Увидавъ его намѣреніе, я рѣшилъ не дѣлать ни малѣйшаго сопротивленія, въ то время какъ онъ держалъ меня по-

крайней мѣрѣ въ шестидесяти футахъ надъ землею и хотя жестоко сжималъ меня въ рукахъ изъ боязни, чтобъ я не проскользнулъ у него между пальцами. Все, что я осмѣлился сдѣлать—это поднять глаза къ небу, сложить умоляющимъ образомъ руки и сказать нѣсколько словъ жалобнымъ голосомъ, сообразно съ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ я тогда находился; ибо я каждую минуту боялся, чтобъ онъ не раздавилъ меня, какъ это мы дѣлаемъ обыкновенно съ извѣстными отвратительными маленькими животными. Ему однакожь, повидимому, понравились мой голосъ и мои движенія; онъ началъ смотрѣть на меня какъ на нѣчто любопытное, удивляясь, что я произносилъ слова, хотя онъ и не понималъ ихъ значенія.

Я однакожь не могъ удержаться отъ слезъ и стenanій, и, поворотивъ къ нему голову, далъ ему понять, на сколько былъ въ состояніи, что онъ причинялъ мнѣ страшную боль своими пальцами. Мнѣ показалось, что великанъ понялъ въ чемъ дѣло, ибо, поднявъ полу своей одежды, онъ положилъ меня въ нее осторожно и немедленно побѣжалъ къ своему хозяину, богатому земледѣльцу, тому самому, котораго прежде я увидѣлъ въ полѣ.

Земледѣлецъ взялъ соломинку толщиною въ добрую трость и раздвинулъ полы моего сюртука, который, повидимому, принялъ за родъ природнаго покроя. Чтобъ лучше разсмотрѣть мое лицо, онъ раздувалъ мнѣ волосы, и, созвавъ своихъ слугъ, спрашивалъ у нихъ (на сколько я могъ понять), видѣли ли они въ поляхъ животное похожее на меня. Наконецъ онъ опустилъ меня на землю и тихонько поставилъ на четвереньки; но я тотчасъ же всталъ на ноги и важно началъ ходить взадъ и впередъ, желая показать, что не имѣлъ намѣренія спастись бѣгствомъ. Всѣ они усѣлись вокругъ меня для большаго удобства разсматривать мои движенія; я снялъ шляпу, поклонился низко земледѣльцу, бросился къ нему на колѣни и, поднявъ руки и голову, сказалъ нѣсколько словъ такъ громко, какъ только былъ въ состояніи. Я вынулъ изъ кармана и почтительно подалъ ему кошелекъ полный золота. Онъ принялъ его на ладонь, поднесъ очень близко къ глазамъ, поворотилъ нѣсколько разъ булавкою, вынутою изъ рукава, но ничего не понялъ. Я сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ опустилъ руку къ землѣ и, взявъ кошелекъ, я раскрылъ его и высыпалъ ему на ладонь всѣ золотыя монеты, а именно шесть золотыхъ испанскихъ,

въ четыре пистоля каждая, и отъ двадцати до тридцати меньшихъ. Онъ послунилъ палецъ, приподнялъ самую большую монету, потомъ другую, но, какъ мнѣ показалось, не понявъ въ чемъ дѣло, подалъ мнѣ знакъ положить монеты въ кошелекъ, и кошелекъ спрятать въ карманъ.

Земледѣлецъ убѣдился, что я былъ существо разумное. Онъ принимался говорить мнѣ что-то, но голосъ его оглушалъ меня, словно шумъ водяной мельницы; впрочемъ, слова его были отчетливы. Я отвѣчалъ громко, какъ только могъ, и часто онъ преклонялъ ухо на сажень ко мнѣ, но это ни къ чему не служило. Наконецъ онъ велѣлъ людямъ идти на работу, вынулъ носовой платокъ, сложилъ его вдвое, разостлавъ на ладони, которую опустилъ на землю, и подалъ мнѣ знакъ взойти туда, что было мнѣ не трудно исполнить, ибо она имѣла толщины не болѣе фута. Я счелъ обязанностью повиноваться и, чтобъ не упасть, протянулся во весь ростъ на платкѣ, и великанъ отнесъ меня такимъ образомъ домой. Кликнувъ жену, онъ ей показалъ меня, но она страшно закричала, отступая назадъ, какъ это дѣлають женщины въ Англии при видѣ паука или жабы. Впрочемъ, когда чрезъ нѣсколько времени она освоилась съ моими

движеніями и увидала, какъ я понималъ знаки ея мужа, она привязалась ко мнѣ искренно.

Было около часу пополудни, и слуга подалъ обѣдать. Кушанье состояло, по обычаю простаго земледѣльца, изъ кусковъ говядины, лежавшихъ на блюдѣ около осьмидесяти футовъ въ діаметрѣ. Общество составляли—хозяинъ, жена его, трое дѣтей и старуха-бабушка. Когда всѣ ушли, великанъ помѣстилъ меня близъ себя на столѣ, вышиною около тридцати футовъ; изъ боязни упасть, я держался какъ можно дальше отъ края. Хозяйка, отрѣзавъ кусокъ говядины, крошила хлѣба на тарелку и подвинула ко мнѣ. Я поклонился ей очень низко и вынувъ ножъ и вилку, принялся за трапезу, что доставило всѣмъ большое удовольствіе. Хозяйка послала служанку за ликерною чашкою, вмѣстимостью въ двѣнадцать кружекъ, и наполнила ее питьемъ. Съ большимъ трудомъ я приподнял чашку и весьма почтительно выпилъ за здоровье хозяйки, сказавъ какъ можно громко приличную фразу по англійски, отчего все общество разразилось такимъ страшнымъ хохотомъ, который едва не оглушилъ меня. Напитокъ почти имѣлъ вкусъ легкаго сидра и былъ довольно пріятенъ. Хозяинъ знакомъ указалъ мнѣ мѣсто возлѣ деревянной тарелки;

я отправился, но, идя быстро по столу, зацѣпилъ за корку хлѣба и упалъ, но ни мало не ушибся. Вставъ немедленно на ноги и замѣтивъ, что эти добрые люди встревожились моимъ паденіемъ, снялъ шляпу, замахалъ ею надъ головою и три раза прокричалъ весело, съ цѣлью дать понять, что не причинилъ себѣ вреда. Когда я приближался къ моему хозяину (такъ я буду называть его съ этихъ поръ), меньшей его сынъ, сидѣвшій возлѣ него, девяти лѣтній мальчикъ и шалунъ, схватилъ и поднялъ меня такъ высоко, что я затрениталъ отъ страха всѣмъ тѣломъ. Отецъ вырвалъ меня у него изъ рукъ и въ то же время далъ ему такую пощечину, которая въ состояніи была бы свалить цѣлый отрядъ европейской кавалеріи, и приказалъ встать изъ-за стола. Изъ боязни, чтобъ мальчикъ не питалъ ко мнѣ мщенія и припомня, что всѣ дѣти у насъ жестоко поступаютъ съ птицами, кроликами, котенками и щенками, я сталъ на колѣни и, указывая рукою на мальчика, знаками упрашивалъ хозяина простить сына. Отецъ согласился, и мальчикъ сѣлъ на свое мѣсто, тогда я подошелъ къ великану и поцѣловалъ ему руку. Въ срединѣ обѣда на колѣни къ хозяйкѣ вспрыгнулъ любимый котъ ея. Я услыхалъ сзади шумъ, подобный

нѣсколькимъ прялкамъ, и, оборотясь увидѣль, что это былъ котъ. Онъ показался мнѣ втрое больше быка, судя по его головѣ и одной лапѣ, когда хозяйка ласкала его и давала ему подачку; свирѣпость физіономіи этого животнаго смутила меня окончательно, хотя я и находился футахъ въ пятидесяти отъ кота, котораго хозяйка придерживала изъ боязни, чтобъ онъ не бросился на меня. Но дѣло обошлось миролюбиво.

Хозяинъ поставилъ меня шагахъ въ пяти отъ кота, и какъ я зналъ, что хищное животное тогда только преслѣдуетъ, когда отъ него убѣгаютъ или показываютъ боязнь, то и рѣшился не робѣть передъ котомъ и не обнаруживать вида, что мнѣ страшны его когти. Я пошелъ прямо къ нему и приблизился дюймовъ на осемнадцать, что заставило его отступить, словно онъ самъ испугался меня. Не такой страхъ внушали мнѣ собаки: три или четыре вошли въ комнату, изъ которыхъ одна дворняжка равнялась величиною четверемъ слонамъ, а борзая была хоть и выше, но не такъ толста.

Къ концу обѣда вошла кормилица съ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ, который, едва завидѣвъ меня, началъ такъ сильно кричать, что его можно бы услышать съ лондонскаго

моста въ Чельси. Ребенокъ, сочтя меня куклою, началъ тянуться ко мнѣ и крикомъ просиль, чтобъ ему дали меня какъ игрушку. Хозяйка подала меня ребенку, который, схвативъ меня, тотчасъ же сунулъ мою голову къ себѣ въ ротъ, гдѣ я закричалъ такимъ страшнымъ образомъ, что ребенокъ уронилъ меня. Я непременно ушибся бы до смерти, еслибъ мать не держала передника подо мною. Желая позабавить ребенка, кормилица дала ему гремушку, состоявшую изъ выдолбленнаго бревна, наполненнаго большими камнями и привязаннаго канатомъ къ стѣнѣ; но это не послужило ни къ чему, и она принуждена была употребить послѣднее средство—покормить грудью мальчугана.

Послѣ обѣда хозяинъ отправился въ поле къ работникамъ и, сколько я могъ замѣтить по его голосу и жестамъ, поручилъ женѣ ухаживать за мною заботливо. Я весьма усталъ и мнѣ очень хотѣлось спать; хозяйка это замѣтила, положила меня въ постель и прикрыла бѣлымъ платкомъ, превосходящимъ однакожъ величиною гротъ военнаго линейнаго корабля.

Я спалъ около двухъ часовъ, и мнѣ снилось, что я находился дома съ женою и семействомъ, что еще болѣе увеличило мою го-

рестъ, когда я проснулся и увидѣлъ себя одинокимъ въ комнатѣ длиною въ триста, вышиною въ двѣсти футовъ, и на постелѣ шириною въ десять сажень. Хозяйка ушла по хозяйству и заперла меня на ключъ. Постель подымалась отъ полу на четыре сажени, однакожь естественная надобность заставляла меня сойти внизъ, и я не смѣлъ кликнуть когонибудь: да еслибъ я кричалъ, это не принесло бы пользы при моемъ голосѣ и на такомъ разстояніи отъ спальни до кухни, гдѣ находилось хозяйское семейство. Въ это время двѣ крысы, взобравшись по занавѣскамъ, начали бѣгать по кровати. Одна изъ нихъ приблизилась къ моему лицу, вслѣдствіе чего я вскочилъ въ испугѣ и началъ защищаться саблею. Эти ужасныя животныя имѣли смѣлость напасть на меня съ двухъ сторонъ, но я одной крысѣ распоролъ брюхо, а другая убѣжала. Послѣ этого подвига я прилежъ отдохнуть и придти въ себя. Крысы имѣли величину дворовой собаки, но только были свирѣпѣе и проворнѣе, такъ что еслибъ, ложась спать, я снялъ португалею и оставилъ саблю внизу, то, безъ сомнѣнія, былъ бы ими сожранъ.

Вскорѣ вошла хозяйка и, видя меня въ крови, побѣждала ко мнѣ и взяла въ руку. Я

указалъ ей съ улыбкою на мертвую крысу и знаками старался объяснить, что не раненъ. Это, повидимому, доставило ей большое удовольствие.

Человѣкъ этотъ надѣлъ очки, чтобъ лучше меня видѣть.

ГЛАВА II.

Портретъ дочери земледѣльца. Автора везуть въ городъ на рынокъ и потомъ въ столицу. Подробности путешествія.

У моей хозяйки была дочь девяти лѣтъ, дѣвочка весьма умная по своему возрасту. Передъ вечеромъ она условилась съ матерью приготовить для меня колыбель своей куклы. Колыбель эта была поставлена въ небольшой ящикъ, а ящикъ помѣщенъ, изъ боязни крысъ, на висячей этажеркѣ; тамъ я и спалъ постоянно во все время моего пребыванія у этихъ добрыхъ людей. Дѣвочка эта была такая смѣтливая, что, видя раза два, какъ я раздѣвался въ ея присутствіи, она умѣла раздѣвать и одѣвать меня когда ей вздумается,

хотя и позволялъ это собственно ей въ удобность. Она мнѣ сшила шесть рубашекъ и столько же прочаго бѣлья изъ самаго тончайшаго полотна, какое можно было найти (въ дѣйствительности толще всякой корабельной парусины), и каждый день сама его стирала. Кромѣ этой обязанности она приняла на себя и другую — учить меня туземному языку. Когда я указывалъ на что нибудь пальцемъ, она называла мнѣ предметъ, такъ что въ короткое время я могъ попросить все необходимое. Дѣвочка эта была отъ природы очень добраго сердца. Она назвала меня *Грильдридъ*,—слово, значащее по-латыни *Napusculus*, по итальянски *Omuncellettino*, а по англійски *Mannikin*. Ей я обязанъ своимъ спасеніемъ: мы были постоянно вмѣстѣ; я называлъ ее *Глудемъкличъ* или маленькою кормилицею, и я былъ бы виновенъ въ самой черной неблагодарности, еслибъ позабылъ все ея попеченія обо мнѣ и нѣжныя заботы. Желаю отъ души доказать ей когда-нибудь свою признательность, вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться, можетъ быть, невинною, но несчастною причиною ея бѣдствія, чего опасаться имѣю основательную причину.

Между тѣмъ, по всему краю разошлась вѣсть, что мой хозяинъ нашелъ въ полѣ

маленькаго звѣрка, величиною почти съ *слакнока* (мѣстное животное длиною около шести футовъ), и совершенно похожаго на человѣка, звѣрка, который подражаетъ людямъ во всемъ и, кажется, говоритъ на какомъ то особенномъ языкѣ, что онъ уже научился многимъ ихнимъ словамъ, ходитъ прямо на двухъ ногахъ, весьма кроткаго нрава: идетъ по призыву, дѣлаетъ, что прикажутъ; члены у него нѣжные, а кожа бѣлѣе и тоньше нежели у трехлѣтней дѣвочки вышшаго класса. Сосѣдній земледѣлецъ, короткій пріятель моего хозяина, пріѣхалъ нарочно, чтобъ удостовѣриться въ справедливости слуховъ. Меня немедленно позвали, поставили на столъ, гдѣ я и ходилъ по приказанію. Я обнажалъ свою саблю и вкладывалъ ее въ ножны. Поклонившись пріятелю моего хозяина, я спросилъ у него на его собственномъ языкѣ о здоровьѣ и сказалъ ему—добро пожаловать: все это дѣлалъ я по наущенію моей маленькой хозяйки. Человѣкъ этотъ, у котораго ослабѣло зрѣніе отъ преклоннаго возраста, надѣлъ очки, чтобъ лучше меня видѣть, отчего я и не могъ удержаться отъ смѣха. Узнавъ причину моей веселости, семейство хозяина тоже начало хохотать, а старикъ имѣлъ глупость разсердиться за это. Онъ по-

ходилъ на скрягу и ясно обнаружилъ себя въ этомъ отношеніи, давъ совѣтъ моему хозяину показывать меня за деньги въ базарные дни въ сосѣднемъ городѣ, лежавшемъ въ двадцати двухъ миляхъ отъ нашего дома. Я догадался о какомъ-нибудь замыслѣ, когда увидѣлъ, что хозяинъ съ сосѣдомъ довольно долго разговаривали шопотомъ, иногда указывая на меня пальцемъ.

На другой день утромъ, Глумделькличъ подтвердила мое подозрѣніе, рассказавъ мнѣ о намѣреніи везти меня на базаръ, о чемъ узнала она отъ матери. Бѣдная дѣвочка взяла меня на руки и заплакала. Она боялась, чтобъ со мною не случилось чегонибудь, чтобъ меня не измяли, не искалѣчили или даже не раздавили грубые люди, которые, безъ сомнѣнія, стануть брать меня въ руки. Замѣтивъ, что я былъ очень скромень и весьма щекотливъ во всемъ, что касалось чести, она скорбѣла при мысли, что я буду выставленъ на показъ самой низкой черни. Она говорила что родители обѣщали отдать Грильдрида въ полное ея распоряженіе; но она видѣла, что собирались ее обмануть, какъ ужъ и было прошлый годъ съ ягненкомъ, котораго на словахъ ей подарили, а когда онъ откормился, то его продали мяснику. Я — надо сказать

правду — печалился менѣе своей маленькой хозяйки. Я питалъ большія надежды, никогда меня не оставлявшія, — получить со временемъ свободу, а относительно показыванья меня за деньги въ качествѣ уроды, думалъ что это не можетъ быть ни поставлено мнѣ въ вину, ни запятнать моей чести по возвращеніи въ Англію, ибо самъ король Великобританіи, подвергся бы точно такой же участи, находясь въ моемъ положеніи.

Хозяинъ, по совѣту своего пріятеля, посадилъ меня въ ящикъ и отвезъ въ первый же базарный день въ ближайшій городъ вмѣстѣ съ маленькою дочерью. Ящикъ заперли и только прорѣзали въ немъ отверстіе для прохода воздуха. Дѣвочка имѣла осторожность подостлать подъ меня тюфякъ изъ постели своей куклы, но я испытывалъ сильныя толчки во время этой поѣздки, хотя она и продолжалась не болѣе получаса. Лошадь дѣлала шаги по крайней мѣрѣ футовъ по сорока, и рысь ея была похожа на качку корабля во время сильной бури; дорога казалась не много длиннѣе, какъ изъ Лондона въ Сент-Альбанъ. Хозяинъ сошелъ съ лошади у гостиницы, гдѣ имѣлъ обыкновеніе останавливаться и посовѣтовавшись съ трактирщикомъ и сдѣлавъ необходимыя приготовленія, послалъ *глутруда* или

публичнаго глашатая объявить по всему городу о прибытіи маленькаго иностраннаго жи-

Моя маленькая хозяйка стояла возлѣ стола.

вотнаго, имѣющаго показываться подѣ вывѣскою Зеленаго орла, которое меньше сплакнока, и походить всѣми частями тѣла на че-

ловѣка, которое можетъ произносить многія слова и выдѣлывать различныя штуки.

Меня помѣстили на столѣ въ самой большой залѣ гостинницы шириною футовъ въ триста. Маленькая моя хозяйка стояла на табуретѣ возлѣ самаго стола для присмотра за мною и наставленія, что мнѣ надобно было дѣлать. Хозяинъ, во избѣжаніе тѣсноты и безпорядка, не позволялъ входить болѣе тридцати человѣкъ разомъ. Я ходилъ по столу во всѣхъ направленіяхъ по приказанію дѣвочки: она предлагала мнѣ вопросы, которые, по ея мнѣнію, были мнѣ по плечу и пропорціональны познаніямъ моимъ въ туземномъ языкѣ, на что я отвѣчалъ, какъ умѣлъ и какъ только могъ громче. Нѣсколько разъ я обращался къ публикѣ и дѣлалъ множество поклоновъ. Я взялъ наперстокъ, наполненный виномъ и данный мнѣ Глумдалькличъ вмѣсто стакана, и выпилъ за здоровье публики. Я вынималъ саблю и дѣлалъ мулине по англійски. Дѣвочка дала мнѣ соломинку, которою я и продѣлывалъ копейныя пріемы, памятные мнѣ еще съ молодости. Въ этотъ день меня показывали двѣнадцать разъ, и я принужденъ былъ постоянно повторять одно и тоже, что весьма утомило меня и надоѣло мнѣ до крайности.

Видѣвшіе меня рассказывали такія чудеса, что народъ готовъ былъ разломать двери и войти насильно. Соблюдая собственный интересъ, хозяинъ не позволялъ никому до меня дотрогиваться, исключая своей дочери, и, въ видахъ предохраненія меня отъ всякой случайности, скамьи вокругъ стола были уставлены на такомъ разстояніи, что ни одинъ зритель не могъ достать меня руками. Однако же одинъ шалунъ-школьникъ пустилъ мнѣ въ голову орѣхъ и чуть чуть не попалъ. Орѣхъ былъ брошенъ съ такою силою, что коснись моей головы — онъ непременно размозжилъ бы ее, ибо величиною равнялся дынѣ: шалуна, впрочемъ, къ моему удовольствію, выгнали изъ залы.

Хозяинъ объявилъ по городу, что въ слѣдующій базарный день снова будетъ меня показывать. Но мнѣ сдѣлали болѣе удобный экипажъ, такъ какъ я необыкновенно усталъ во время первой поѣздки и отъ представленія, продолжавшагося восемь часовъ сряду; я едва могъ стоять на ногахъ и почти потерялъ голосъ. Въ довершеніе бѣдствія, все окрестное дворянство, наслышавшись обо мнѣ, наѣзжало къ моему хозяину. Однажды перебивало болѣе тридцати человекъ съ женами и дѣтьми

ибо эта страна, какъ и Англія, населена множествомъ праздныхъ дворянъ.

Хозяинъ мой, соображая выгоду, какую я могъ ему принести, рѣшился показать меня въ значительнѣйшихъ городахъ королевства. Вслѣдствіе этого, запасшись всѣмъ необходимымъ для долговременнаго путешествія и приведя въ порядокъ домашнія дѣла, онъ попросился съ женою 17 августа 1703 года, и мы отпавились въ столицу, лежащую въ срединѣ государства, въ полторы тысячахъ миль отъ нашего дома. Хозяинъ мой посадилъ дочь сзади себя на сѣдло, а она везла меня въ ящикѣ, привязанномъ вокругъ ея талии и обитомъ самымъ тонкимъ сукномъ, какое можно были найдти.

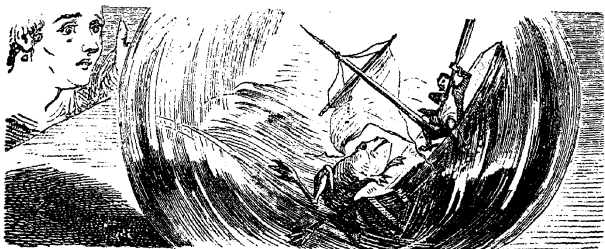
Хозяинъ намѣревался показывать меня по дорогѣ во всѣхъ городахъ и значительныхъ деревняхъ, а также посѣтить дворянскіе замки, лежащіе неподалеку. Въ день мы проѣхали не болѣе осьмидесяти или ста миль, ибо Глумдалькличъ, желая сберечь меня, сама жаловалась на усталость отъ верховой ѣзды. Часто она вынимала меня изъ ящика подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотреть страну. Мы переправились черезъ пять или шесть рѣкъ, которыя гораздо шире и глубже Нила и Ганга, и не встрѣчалось ручья, который не былъ бы

больше Темзы у лондонскаго моста. Три недѣли продолжалось наше путешествіе, и я былъ показанъ въ осмнадцать большихъ городахъ, не считая множества деревень и помѣщичьихъ замковъ.

26 октября мы прибыли въ столицу *Лорд-бульдрузъ*, что на туземномъ языкѣ значитъ „Гордость Вселенной“. Хозяинъ мой нанялъ квартиру въ одной изъ главнѣйшихъ улицъ недалеко отъ дворца и разослалъ, по обыкновенію, массу афишъ, въ которыхъ описывались мои чудесныя способности. Онъ нанялъ огромную залу въ триста или четыреста футовъ въ діаметрѣ; столъ на которомъ я долженъ былъ давать свои представленія, окруженъ былъ рѣшеткою изъ боязни, чтобъ я не свалился. Меня показывали десять разъ въ день къ величайшему изумленію и удовольствію всего народа. Я могъ уже тогда довольно сносно объясняться на туземномъ языкѣ и очень хорошо понималъ, что говорилось вокругъ меня; впрочемъ, я уже тогда зналъ мѣстную азбуку и былъ въ состояніи хотъ и съ трудомъ, читать книги, ибо Глумделькличъ давала мнѣ уроки дома и въ свободное время въ дорогѣ. У нее была съ собою въ карманѣ маленькая книга, величиною побольше нашихъ географическихъ атласовъ,

родъ сокращеннаго катехизиса, употребительнаго у молоденькихъ дѣвочекъ; по этой книжкѣ она учила меня читать и объясняла слова.

Она взлѣзла на шлюбку и наклонила ее.

ГЛАВА III.

Авторъ приглашенъ ко двору. Королева покупаетъ его и представляетъ королю. Онъ вступаетъ въ диспутъ съ учеными его величества. Для него готовятъ комнату. Онъ дѣлается любимцемъ королевы. Онъ поддерживаетъ честь своей родины. Ссоры его съ карликомъ королевы.

Ежедневныя представленія, доводившія меня до чрезмѣрной усталости, значительно подѣйствовали на мое здоровье, ибо чѣмъ болѣе выручалъ мой хозяинъ, тѣмъ становился онъ ненасытнѣе. Я совершенно потерялъ аппетитъ и дошелъ почти до степени скелета. Хозяинъ мой это замѣтилъ и, рассчитывая, что я скоро долженъ умереть, рѣшился извлечь изъ меня все, что только было можно.

Пока онъ обдумываль, къ нему явился *слаль-дриль*, т. е. придворный рейткнехтъ и передалъ приказаніе хозяину отвезти меня немедленно во дворецъ для забавы королевы и ея дамъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ уже видѣли меня и наговорили бездну вещей о моемъ красивомъ личикѣ, о граціозномъ сложеніи и моихъ уметвенныхъ способностяхъ. Королева и ея дамы чрезвычайно остались довольны мною. Я сталъ на колѣни и попросилъ позволенія поцѣловать ногу ея величества, но эта любезная особа протянула мнѣ мизинецъ, который я обнялъ обѣими руками и кончикъ котораго поцѣловаль почитательно. Она спрашивала меня о моей родинѣ и путешествіи, и я отвѣчалъ ей вразумительно и по возможности въ короткихъ словахъ. Она спросила—желаль ли бы я жить при дворѣ; я поклонился до самаго даже стола, на которомъ меня помѣстили, и отвѣчалъ почитательно, что я невольникъ своего хозяина, но что если бы отъ меня зависѣло, то я считаль бы себя счастливымъ посвятить всю мою жизнь на службу ея величества. Тогда королева спросила у моего хозяина—не согласится ли онъ продать меня, и онъ, рассчитывая, что я не проживу больше мѣсяца, весьма обрадовался этому предложенію и потребоваль тысячу зо-

лотыхъ монетъ, которыя и были ему немедленно отсчитаны. Тотчасъ же я обратился къ королевѣ съ просьбою, чтобъ она приняла ко двору маленькую Глумдалькличъ, которая всегда имѣла обо мнѣ самыя дружескія попеченія; при этомъ я заявилъ, что и на будущее время невозможно выбрать для меня лучшую гувернантку. Королева исполнила мою просьбу и получила согласіе земледѣльца, которому очень пріятно было видѣть свою дочь при дворѣ. Блѣдная дѣвочка не могла скрыть своей радости. Бывшій мой хозяинъ удалился и уходя сказалъ, что оставляетъ меня въ хорошемъ мѣстѣ, но я отвѣтилъ ему только гордымъ поклономъ.

Замѣтивъ при этомъ прощаньи холодность съ моей стороны, королева спросила о причинѣ, и я отвѣчалъ, что могу быть обязанъ прежнему хозяину только за то, что онъ не растопталъ меня, найдя въ полѣ, что благодѣяніе это окупилось уже ему выгодами, которыя получилъ онъ, показывая меня за деньги, и, наконецъ, тысячью золотыхъ, за которую онъ меня продалъ. Я прибавилъ, что мое здоровье сильно пострадало отъ неволи и отъ постоянной обязанности потѣшать публику во всѣ часы дня, и что елибъ мой бывшій хозяинъ не считалъ моей жизни въ опасно

сти, то ея величество не приобрѣла бы меня такъ дешево. Въ заключеніе я сказалъ, что съ этихъ поръ я не боюсь никакихъ бѣдствій подъ покровительствомъ государыни столь великой, доброй, украшенія природы, удивленія вселенной, отрады подданныхъ и вѣнца творенія, и надѣюсь, что страхъ бывшаго хозяина за мою жизнь напрасенъ, ибо я начиналъ уже чувствовать себя лучше подъ вліяніемъ августѣйшаго ея присутствія.

Таковъ былъ смыслъ рѣчи, которую я произнесъ, часто запинаясь, и со многими варваризмами.

Королева, добродушно извинивъ ошибки моей рѣчи, была удивлена, найдя столько ума и здраваго смысла въ такомъ маленькомъ животномъ; она взяла меня на руки и немедленно отнесла къ королю, который удалился въ свой кабинетъ. Король, великанъ, съ лицомъ серьезнымъ и суровымъ, не замѣтивъ сперва моего лица, спросилъ у жены—съ которыхъ поръ она такъ привязалась къ *сплак-ножку* (онъ принялъ меня за это насѣкомое). Но королева, какъ особа весьма находчивая, поставила меня на королевскую чернилицу и велѣла рассказать его величеству, кто я такой. Я объяснился въ короткихъ словахъ, а Глумделькличъ, стоявшая у двери и со-

скучившая вошла за мною и рассказала его величеству о томъ, какъ я найденъ былъ въ полѣ.

Король, ученѣйшій человѣкъ въ государствѣ, изучилъ философію и въ особенности математическія науки. Когда онъ разсмотрѣлъ ближе мою фигуру и походку, прежде нежели я началъ говорить, онъ счелъ меня автоматомъ; но, услыжавъ мой голосъ и найдя разсужденіе въ слабыхъ звукахъ, мною произносимыхъ, онъ не могъ скрыть своего удовольствія и удивленія.

Онъ тотчасъ же послалъ за тремя знаменитыми учеными, которые отбывали свою очередную недѣлю при дворѣ (чрезвычайно удачный мѣстный обычай). Осмотрѣвъ меня съ необыкновенною точностью, эти господа разошлись въ мнѣніяхъ касательно моей особы. Всѣ они соглашались въ одномъ, что я не могъ произойти въ силу обыкновенныхъ законовъ природы, ибо былъ лишенъ естественной способности сохранять свою жизнь, т. е. не былъ проворенъ, не могъ ни лазить на деревья, ни вырыть себѣ норы для укрытельства подобно кроликамъ. Зубы мои, подвергшіеся иху долговременному наблюденію, убѣдили ихъ, что я принадлежалъ къ числу плотоядныхъ.

Одинъ изъ этихъ философовъ утверждалъ, что я былъ зародышъ, чистый выкидышъ. Но это мнѣніе было опровергнуто двумя остальными учеными, которые замѣтили, что члены мои были закончены и пропорціональны, и что я прожилъ довольно лѣтъ, чему служила достаточнымъ доказательствомъ моя борода, волосы которой они открыли посредствомъ микроскопа. Нельзя было также признать меня карликомъ, ибо малость моего такъ роста выходила изъ всякой сферы сравненія, какъ любимый карликъ королевы, меньше котораго никогда еще не встрѣчалось во всемъ королевствѣ, имѣлъ росту около тридцати футовъ. Послѣ долгихъ споровъ, ученые, однакъ, единодушно признали меня *реплюмъ скалькачъ* т. е. въ буквальномъ переводѣ *lulus naturæ*: заключеніе вполне сообразное съ новѣйшею европейскою философіею, профессора которой, презирая старинную увертку *тайнственныхъ вещей*, при посредствѣ которой сектаторы Аристотеля старались скрывать свое невѣжество, изобрѣли это чудесное разрѣшеніе всѣхъ затрудненій физики. Чудный прогрессъ знанія человѣческаго!

Послѣ этого рѣшительнаго заключенія, я осмѣлился сказать нѣсколько словъ: обратясь къ королю, я протестовалъ, что я родомъ изъ

страны, гдѣ существуетъ множество миллионъ подобныхъ мнѣ людей обоего пола, гдѣ животныя, деревья и дома пропорціональны моему росту, и гдѣ, слѣдовательно, я былъ въ состояніи защищаться и снискивать себѣ пищу, удовлетворять всѣ свои нужды и удобства. Отвѣтъ мой вызвалъ презрительную улыбку у философовъ, которые возразили, что земледѣлецъ меня хорошо научилъ, и что я зналъ свой урокъ. Король, обладавшій болѣе свѣтлымъ умомъ, отпустивъ ученыхъ, немедленно послалъ за земледѣльцемъ, который, къ счастью, еще не уѣхалъ изъ города. Поговоривъ сперва съ нимъ наединѣ, а потомъ давъ ему очныя ставки со мною и съ его маленькою дочерью, его величество началъ вѣрить, что все сказанное мною было истинно. Онъ попросилъ королеву отдать приказъ, чтобъ обо мнѣ заботились самымъ тщательнымъ образомъ, и былъ того мнѣнія, что необходимо оставить меня подъ руководствомъ Глумдалькличъ, ибо онъ замѣтилъ между нами большую дружбу.

Королева велѣла своему мебельщику сдѣлать ящикъ, который могъ бы мнѣ служить спальнею, — по плану моему и моей гувернантки. Искусный этотъ ремесленникъ устроилъ въ три недѣли деревянную комнату въ длину и ширину по шестнадцати, а высотой въ двѣ-

надцать футовъ, съ окнами, дверью и двумя отдѣльными кабинетами.

Одинъ извѣстный мастеръ, приготовлявшій драгоцѣнности и различныя рѣдкости, взялся сдѣлать для меня два стула изъ массы въ родѣ слоновой кости, два стола и шкафъ для бѣлья и платья. Королева приказала также отыскать самыхъ тончайшихъ матерій для моего костюма.

Государынѣ этой такъ нравились мои разговоры, что она даже не могла обѣдать безъ меня, вслѣдствіе чего для меня ставились маленькій столикъ и крошечныя стулья на столѣ, на которомъ кушала ея величество. Глумдалькличъ стояла возлѣ на скамейкѣ для большого удобства мнѣ прислуживать.

Однажды королю за обѣдомъ явилось желаніе разговориться со мною; онъ разспрашивалъ меня о европейскихъ нравахъ, обычаяхъ, законахъ, религіи, правительствахъ, литературѣ, и я отвѣчалъ какъ умѣлъ. Онъ былъ такъ сметливъ и такъ рассуждалъ здраво, что о сказанномъ мною дѣлалъ весьма основательныя замѣчанія. Такъ какъ я рассказывалъ ему о двухъ партіяхъ, раздѣляющихъ Англію, то онъ и спросилъ меня — вигъ ли я, или тори. Потомъ, обратясь къ своему первому министру, стоявшему у него за

стуломъ, съ бѣлымъ жезломъ почти такой же
вышины какъ гротъ мачта на линейномъ ко-

Онъ разсмотрѣлъ ближе мою фигуру и походку.

раблѣ, и сказалъ: „— Увы, какъ мало значить
величіе человѣческое, когда у презрѣнныхъ
насѣкомыхъ есть самолюбіе, чины и отличія!

У нихъ есть тряпочки, въ которыя они наряжаются, норы, клѣтки и ящички, называемые дворцами и палатами, экипажи, ливреи, титла, должности, занятія и страсти, какъ и здѣсь. Подобно, какъ у насъ, они любятъ, ненавидятъ, обманываютъ и измѣняютъ“. Такъ рассуждалъ его величество, по случаю сказаннаго ему мною объ Англии, и я пришелъ въ смущеніе и негодованіе при подобномъ презрительномъ взглядѣ на мою родину, владычицу искусствъ, повелительницу морей, первенствующую въ Европѣ, и славу вселенной.

Но болѣе всего оскорблялъ и огорчалъ меня карликъ королевы, который, будучи столь малаго роста, какого никогда еще не видѣли во всѣмъ королевствѣ, становился чрезвычайно наглымъ при видѣ челоуѣка гораздо меньше его. Онъ смотрѣлъ на меня гордо и презрительно и постоянно подтрунивалъ надъ моею маленькою фигуркою. Однажды за обѣдомъ злобный карликъ, улучивъ минуту, когда я не думалъ ни о чемъ, схватилъ меня за талию, приподнялъ, опустилъ въ миску съ молокомъ и скрылся. Я окунулся съ головою и непременно утонулъ бы, еслибъ не умѣлъ хорошо плавать. Глумдалькличъ въ эту минуту случайно находилась на другомъ концѣ комнаты. Королева до того встревожилась этимъ проис-

шествиѣмъ, что потеряла присутствіе духа помочь мнѣ, но гувернантка моя ловко вытаскала меня изъ миски, хотя я и успѣлъ проглотить порядочное количество молока. Меня уложили въ постель; я впрочемъ отдѣлался только потерей платья, которое совершенно испортилось. Карликъ былъ сильно наказанъ, и я чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе, присутствуя при этой экзекуціи.

Теперь я постараюсь дать читателю легкое описаніе страны, на сколько я могъ узнать ее во время своего пребыванія. Королевство простирается около трехъ тысячъ миль въ длину и около двухъ тысячъ пятисотъ въ ширину, изъ чего я заключаю, что европейскіе наши географы ошибаются, когда полагаютъ, что между Японіею и Калифорніею ничего нѣтъ, кромѣ океана. Я всегда думалъ, что въ той сторонѣ долженъ быть большой материкъ для противовѣса огромному континенту Татаріи; вслѣдствіе такой ошибки необходимо исправить карты и присоединить эту обширную землю къ сѣверозападнымъ частямъ Америки, въ чемъ я съ своей стороны готовъ помочь географамъ. Королевство это составляло полуостровъ, оканчивающійся къ сѣверу цѣнью горъ, поднимающихся миль на тридцать въ вышину и къ которымъ не-

возможно приблизиться по причинѣ множества вулкановъ, которыми унижены ихъ вершины.

Ни одному ученому неизвѣстно, какая порода смертныхъ обитаетъ за этими горами, и есть ли тамъ обитатели. Во всемъ королевствѣ нѣтъ ни одного порта, а мѣстности у береговъ, гдѣ рѣки впадаютъ въ море, окружены такими высокими и крутыми утесами, и прибой тамъ всегда такой сильный, что никто не осмѣлится пристать туда: народъ, населяющій королевство, положительно разобщенъ съ остальнымъ міромъ. Большія рѣки изобилуютъ превосходною рыбою и потому рѣдко кто занимается рыболовствомъ въ океанѣ, ибо морская рыба такой же величины, какъ и въ Европѣ, и въ отношеніи къ рѣчной не стоитъ труда ловить ее; очевидно, что природа, въ произведеніи животныхъ и растеній такой громадной величины ограничивается этимъ континентомъ, и касательно этого обстоятельства,—я обращаюсь къ философамъ. Иногда по берегамъ ловятъ китовъ, которыми простой народъ питается и даже лакомится. Я видѣлъ одного такого большого кита, что туземецъ едва могъ нести его на плечахъ. Иногда для курьеза приносятъ китовъ въ корзинкахъ въ Лордбрульгрудъ, и мнѣ удалсъ

видѣть одного на блюдѣ за королевскимъ столомъ.

Страна густо населена, ибо заключаетъ въ себѣ пятьдесятъ одинъ городъ, около ста мѣстечекъ, обведенныхъ стѣнами, и гораздо больше деревень и отдѣльныхъ фермъ. Можетъ быть, достаточно будетъ для удовлетворенія любопытнаго читателя представить описаніе Лордбрульгруда. Городъ этотъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки, раздѣляющей его на двѣ почти равныя части, и заключаетъ въ себѣ восемьдесятъ тысячъ домовъ и около шестисотъ тысячъ жителей. Въ длину онъ три, а въ ширину два съ половиною *глонлунса* (около 54 англійскихъ миль), какъ видно изъ королевской карты во сто футовъ длиною, которая разостлана была нарочно для меня на полу по приказанію его величества.

Королевскій дворецъ — зданіе довольно неправильное. Это скорѣе куча строеній, имѣющая около семи миль въ окружности; главныя залы вышиною въ двѣсти сорокъ футовъ и соразмѣрной величины.

Намъ съ Глумдалькличъ дали карету для осмотра города, его площадей и зданій. По моему соображенію карета наша равнялась Уэстминстерской залѣ, только была не столь высокая. Однажды мы остановились у нѣ-

сколькихъ лавокъ, и, пользуясь этимъ случаемъ, нищіе толпами подходили къ дверцамъ, представляя такое отвратительное зрѣлище, какого никогда не видѣлъ глазъ англичанина. Несчастные эти были безобразныя калѣки, неопрятныя, опухшіе, покрытыя насѣкомыми и все это въ ужасающихъ размѣрахъ. Читатель можетъ себѣ представить мое впечатлѣніе при подобномъ зрѣлищѣ — и уволить меня отъ описанія.

Королева, разспрашившая меня часто о морскихъ путешествіяхъ, пріискивала всевозможныя средства развлечь меня, когда я бывалъ задумчивъ. Она спросила однажды, могу ли я управлять парусами и веслами, и не будутъ ли полезны для моего здоровья упражненія въ этомъ родѣ. Я отвѣчалъ, что знаю хорошо то и другое, ибо хотя собственно я былъ корабельнымъ медикомъ, однако нерѣдко обязанъ былъ работать въ качествѣ простаго матроса, но не знаю только, какъ это дѣлалось въ ихъ странѣ, гдѣ самая маленькая шлюпка равнялась нашему военному кораблю перваго ранга. Впрочемъ я прибавилъ, что судно, пропорціональное моему росту и моимъ силамъ не могло бы долго плавать на ихъ рѣкахъ и я не въ состояніи былъ бы управлять имъ. Ея величество сказала мнѣ, что если я только

хочу, то она прикажетъ своему столяру сдѣ-
лать мнѣ маленькую лодочку, и найдетъ мѣсто,

По временамъ я ставилъ парусъ.

гдѣ я могу плавать безпрепятственно. Столяръ
въ десять дней, по моимъ указаніямъ, постро-
илъ шлюпку со всѣмъ необходимымъ воору-

женіемъ, способную поднять восемь человѣкъ европейцевъ. Послѣ этого королева приказала ему сдѣлать деревянное корыто длиною триста, шириною пятьдесятъ и глубиною восемь футовъ, которое хорошенько высмолили въ предохраненіе отъ течи и поставили на полу вдоль стѣны въ одной изъ наружныхъ залъ дворца. Близъ dna его находился кранъ для выпуска воды, и два служителя могли наполнить его въ два часа времени. Здѣсь то я плавалъ на веслахъ для собственнаго развлечения и къ удовольствію королевы и ея дамъ, которымъ очень нравились моя ловкость и проворство. По временамъ я ставилъ парусъ и показывалъ искусство управленія рулемъ, а дамы производили вѣтеръ своими вѣерами; когда же онѣ чувствовали усталость, то нѣсколько пажей гнали мою шлюпку, дуя сзади, въ то время, какъ я выказывалъ свою ловкость, поворачивая налѣво или направо по своему усмотрѣнію.

Однажды подобное упражненіе едва не стоило мнѣ жизни. Когда пажъ принесъ мою шлюпку и пустилъ ее въ корыто, и одна женщина изъ свиты Глумдалькличъ подняла меня очень бережно, чтобъ посадить въ шлюпку, я какъ то нечаянно выскользнулъ у нее изъ рукъ и непремѣнно упалъ бы на полъ съ вы-

соты сорока футовъ, еслибъ, къ особенному счастью, не зацѣпился за большую булавку воткнутую въ передникъ этой женщины. Булавочная головка придержала меня за поясъ панталонъ, и я остался висающимъ на воздухѣ, пока Глумдалькличъ не прибѣжала ко мнѣ на помощь.

Быль еще и другой непріятный случай. Одинъ изъ служителей, на обязанности котораго было наполнять мое корыто чрезъ каждые три дня свѣжею водою, по своей небрежности впустилъ туда изъ ведра большую лягушку. Животное таилось на днѣ, пока я не сѣлъ въ шлюпку, но увидя мѣсто, гдѣ можно было отдохнуть, она взлѣзла на шлюпку и такъ наклонила ее, что, стараясь не дать опрокинуться судну, я долженъ былъ употребить всѣ усилія на противоположной сторонѣ, и едва прогнавъ ударами весла лягушку.

Но самое опасное приключеніе мое въ этомъ королевствѣ было слѣдующее. Однажды Глумдалькличъ, уходя изъ своей комнаты по дѣлу или куда нибудь съ визитами, заперла меня на ключъ. Было жарко и по этому случаю окна стояли открыты, точно также какъ окна и дверь въ моей спальнѣ. Сидя, задумавшись у своего стола, я вдругъ услышалъ, что кто

то, войдя въ комнату, прыгаль по полу. Хотя я и испугался немного, однако выглянулъ, не вставая со стула, и увидѣлъ проворное животное, которое, прыгая по всѣмъ направленіями, приблизилось наконецъ къ моей спальнѣ и смотрѣло на нее съ удивленіемъ и удовольствіемъ, прикладывая голову къ двери и къ каждому окошку. Я отошелъ въ самый отдаленный уголь своего ящика; но животное, въ которомъ я призналъ обезьяну, смотрѣвшее во всѣ стороны, такъ меня испугало, что мнѣ не пришло въ голову спрятаться подъ кровать, хотя мнѣ и легко было исполнить это. Послѣ множества прыжковъ, сопровождаемыхъ гримасами, обезьяна открыла меня и, просунувъ лапу въ дверь, — словно кошка играющая съ мышью, и не смотря на то, что я часто перемѣнялъ мѣсто, схватила меня за полу сюртука (изъ мѣстной очень прочной и толстой матеріи) и вытащила меня наружу. Взявъ меня въ правую лапу, она положила меня, какъ кормилица ребенка, котораго собирается кормить грудью, и такъ же, какъ я видалъ однажды обезьяну въ Европѣ, игравшую съ котенкомъ. Когда я началъ защищаться, она сжала меня столь сильно, что я счелъ благоразумнымъ отдаться на ея волю. Я имѣю нѣкоторое основаніе предполагать,

что она приняла меня за маленькую обезьяну, ибо другою лапою она гладила меня по лицу.

Въ это время послышался стукъ, какъ бы кто хотѣлъ отворить дверь; вдругъ обезьяна вспрыгнула на окошко, а оттуда на кровельный желобъ, ступая на трехъ лапахъ и держа меня въ четвертой, пока не взобралась на со-сѣднюю крышу. Я услышалъ громкій, тревожный крикъ Глумдалькличъ. Бѣдная дѣвочка была въ отчаяніи, и вся эта часть дворца пришла въ движеніе. Слуги побѣжали за лѣстницами. Многіе видѣли, какъ обезьяна сидѣла на кровли, держа меня одною переднею лапою словно куклу, а другою запихивая мнѣ въ ротъ куски говядины и разныя съѣстныя вещи, захваченныя ею, и нанося мнѣ удары, когда я отказывался отъ угощенія. Это заставляло смѣяться толпу, въ чемъ и нельзя обвинять ее: ибо, за исключеніемъ меня, сцена должна была всѣмъ казаться необыкновенно комичною. Нѣкоторые бросали камни, въ надеждѣ заставить обезьяну спуститься; но это было запрещено изъ боязни, чтобъ мнѣ не размозжили голову.

Наконецъ поставили лѣстницы, и нѣсколько человѣкъ полѣзло на крышу. Испуганная обезьяна ушла, уронивъ меня въ желобъ. Тогда

одинъ изъ служителей моей гувернантки, добрый малый, взлѣзь по лѣстницѣ и, положивъ меня въ карманъ панталонъ, спустился благополучно на землю.

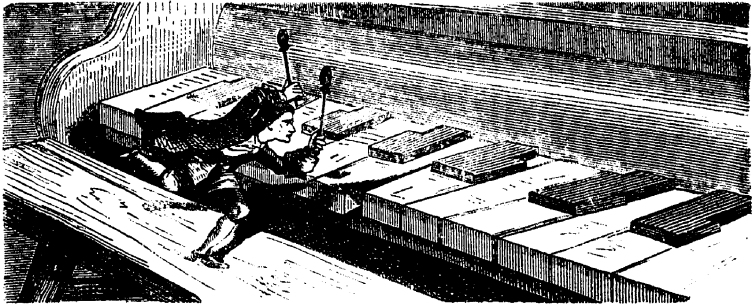
Я почти задыхался отъ всякой дряни, набитой мнѣ въ горло обезьяною; но добрая моя гувернантка дала мнѣ рвотнаго, что немедленно меня облегчило. Я былъ такъ слабъ и измученъ отъ объятій обезьяны, что пролежалъ около пятнадцати дней въ постелѣ. Король и весь дворъ ежедневно присылали освѣдомляться о моемъ здоровьѣ, а королева нѣсколько разъ посѣтила меня во время болѣзни. Обезьяну казнили, и сдѣлано было распоряженіе, чтобъ вблизи дворца никто не смѣлъ держать подобнаго животнаго. Когда по выздоровленіи я пошелъ къ королю поблагодарить его за вниманіе, его величество много шутилъ надъ моимъ приключеніемъ: онъ спрашивалъ, каковы были мои ощущенія въ лапахъ у обезьяны; какой вкусъ имѣла говядина, которою она меня потчивала, и чувствовалъ ли я усиленіе аппетита отъ свѣжаго воздуха на вершинѣ кровли? Я отвѣчалъ, что у насъ въ Европѣ совсѣмъ нѣтъ обезьянъ, за исключеніемъ привозныхъ издалека, которыя однакожь такъ малы, что ихъ нечего бояться; но что касается огромнаго животнаго, съ которымъ

я имѣлъ дѣло (величиною со слона), то еслибъ я въ испугѣ не позабылъ о своей саблѣ (при этомъ, принявъ гордый видъ, я схватился за эфесъ сабли), то въ то время, когда обезьяна протянула лапу въ мою комнату, я, можетъ быть, нанесъ бы ей такую рану, отъ которой животное выдернуло бы лапу поспѣшнѣе, нежели ее всунуло. Я проговорилъ это твердымъ голосомъ и съ сознаниемъ собственнаго достоинства. Однако рѣчь моя произвела только громкій хохотъ, отъ котораго большая часть придворныхъ не могла удержаться, не смотря на присутствіе его величества. Мнѣ тотчасъ же пришла мысль—какъ глупъ человѣкъ, желающій отдать себѣ честь въ присутствіи тѣхъ, съ кѣмъ онъ не имѣетъ ни малѣйшей тѣни равенства или сравненія. А между тѣмъ повтореніе того, что случилось со мною, я встрѣчалъ довольно часто въ Англии, гдѣ маленькій ничтожный человѣкъ хвастаетъ, много о себѣ думаетъ, важничаетъ и дерзаетъ гордиться передъ важнѣйшими людьми въ королевствѣ только потому, что имѣетъ кое какія способности.

Ежедневно я предоставлялъ двору поводъ къ какимъ нибудь смѣшнымъ разговорамъ, и даже Глумдалькличъ, не смотря на то, что очень любила меня, была настолько лукава,

что передавала королевѣ всякую глупость, сдѣланную мною и способную размѣшить ея величество. Однажды, напримѣръ, на прогулкѣ, на которую вынесла меня Глумдалькличъ въ особомъ ящикѣ, я выпросился пройтись пѣшкомъ. На тропинкѣ лежалъ коровій пометъ, и мнѣ, для доказательства ловкости, хотѣлось перепрыгнуть черезъ него, но, къ несчастью, я не перескочилъ и попалъ прямо въ навозъ, въ которомъ и очутился по колѣни. Едва, едва я умѣлъ выбраться, и слуга обтеръ меня кое какъ своимъ платкомъ. Скорѣ королева узнала объ этомъ происшествіи, а лакеи разнесли его по всему городу.

Мнѣ удалось сыграть англійскую джигу.

ГЛАВА IV.

Авторъ пускается въ разныя изобрѣтенія для того, чтобъ понравиться королю и королевѣ. Король спрашиваетъ автора о состояніи Европы, и послѣдній сообщаетъ требуемыя свѣдѣнія. Замѣчанія короля по этому поводу.

Я имѣлъ привычку раза два въ недѣлю отправляться къ королю во время его вставанья, и присутствовалъ также, когда его брили. Послѣднее обстоятельство въ началѣ очень меня пугало, ибо бритва цирюльника была вдвое больше косы. Его величество, по обычаю страны, брился только два раза въ недѣлю. Однажды я выпросилъ у цирюльника нѣсколько волосковъ изъ бороды его величества. Взявъ деревянную дощечку и пра-

коловъ въ ней иголкою дырочки въ равномъ одна отъ другой разстояніи, я продѣлъ въ нихъ искусно волосы и сдѣлалъ себѣ гребенку, что мнѣ было весьма полезно, ибо моя гребенка испортилась и негодилась къ употребленію, а во всемъ городѣ не нашлось мастера, который сдѣлалъ бы мнѣ новую.

Въ это же время, помню, я придумалъ для себя другое развлеченіе. Я попросилъ одну изъ горничныхъ королевы собрать мнѣ тонкихъ волосъ, падавшихъ съ головы ея величества при чесаніи, и просьба моя была исполнена. Когда у меня собралось достаточное количество этихъ волосъ, я заказалъ столяру, которому велѣно было исполнять всѣ мои требованія, сдѣлать по моему плану два кресла, подобныя находившимся въ моей комнатѣ, и тонкимъ шиломъ проколотъ въ нихъ множество отверстій. Когда все было готово, я сдѣлалъ сидѣнье изъ волосъ королевы, которые продѣлъ въ упомянутыя отверстія, и подарилъ кресла королевѣ. Ея величество поставила ихъ въ шкапъ словно какую нибудь рѣдкость.

Какъ то ей пришла фантазія предложить мнѣ сѣсть на одно изъ этихъ креселъ, но я извинился и сказалъ, что я не на столько

смѣлъ и наглъ, чтобъ дерзнуть садиться на волосы, украшавшіе нѣкогда голову ея величества. Обладая способностями къ разнымъ работамъ, я впоследствии связалъ изъ этихъ волосъ отличный кошелекъ аршина въ два длиною съ именемъ ея величества, вышитымъ золотыми буквами, и подарилъ Глумдалькличъ съ согласія королевы.

У короля, большаго любителя музыки, часто бывали концерты, на которыхъ присутствовалъ и я въ своей коробкѣ. Но шумъ происходилъ такой сильный, что я не могъ различать хорошо аккордовъ: съ нимъ не могли сравниться всѣ барабаны и трубы англійской арміи, если бы въ одно и тоже время били и играли надъ самымъ ухомъ. Я, по обыкновенію, и казывалъ ставить свой ящикъ подальше отъ музыкантовъ, запиралъ двери, окна, опускалъ занавѣски, и при этихъ предосторожностяхъ музыка не казалась мнѣ непріятною.

Въ молодости я учился играть на фортепіано. У Глумдалькличъ стоялъ инструментъ въ комнатѣ, и къ ней два раза въ недѣлю приходилъ учитель давать уроки. Однажды мнѣ пришла мысль позабавить короля и королеву англійскою аріею на этомъ инструментѣ. Это впрочемъ представляло большое

затрудненіе, ибо фортепіано имѣло длины около шестидесяти футовъ, а клавиши не менѣе фута шириною, такъ что распростерши обѣ руки я едва могъ захватывать пять клавишей; а для извлеченія звуковъ я долженъ былъ дѣйствовать изо всей силы кулаками. Вотъ какое изобрѣлъ я средство. Выбравъ двѣ порядочныхъ дубинки, я обшилъ ихъ оконечности мышиною кожей, для того, чтобъ не портить клавишей и, поставивъ скамейку возлѣ инструмента и взобравшись на нее, началъ бѣгать по ней со всевозможною быстротою и колотилъ дубинками изо всей силы по клавиатурѣ. Такимъ образомъ мнѣ удалось сыграть англійскую джигу къ величайшему удовольствію ихъ величествъ. Надобно однакожъ признаться, что никогда въ жизни мнѣ не приходилось такого тяжелаго и утомительнаго упражненія.

Король, какъ я уже сказалъ, былъ челоуѣкъ очень умный; онъ часто приказывалъ приносить меня къ себѣ въ моемъ ящикѣ и ставить на столъ въ кабинетѣ. Онъ приказывалъ мнѣ вынести мой стулъ изъ ящика и садиться, такъ что я находился въ уровень съ лицомъ его величества. Однажды я осмѣлился сказать ему, что презрѣніе его относительно Европы и другихъ частей свѣта,

не отвѣчаетъ, по моему, его блестящему уму; что способности не зависятъ отъ величины роста: напротивъ, въ нашихъ странахъ мы замѣчаемъ, что самые рослые люди обыкновенно не отличаются особенными умственными качествами, что въ царствѣ животныхъ пчелы и муравьи считаются самыми смѣтливыми, искусными и промышленными, и что не смотря на малую величину моей фигуры, я надѣюсь оказать важныя услуги его величеству. Выслушавъ меня внимательно, король началъ смотрѣть на меня другими глазами и не судилъ о моемъ умѣ по росту.

Онъ пожелалъ узнать отъ меня подробное описаніе англійскаго правительства, ибо хотя монархи, по обычаю, считаютъ наилучшими свои правила и законы, ему все таки хотѣлось узнать, нѣтъ ли чего на моей родинѣ достойнаго подражанія. Представьте себѣ, читатель, какъ я желалъ тогда обладать краснорѣчіемъ Демосеена и Цицерона, чтобъ представить достойно мое отечество Англію.

Сперва я сказалъ, что наше государство состоитъ изъ двухъ острововъ, образующихъ три могущественныхъ королевства, находящихся подъ однимъ скипетромъ, не считая американскихъ колоній. Я распространился о

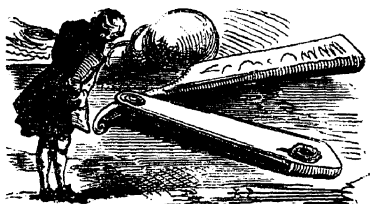
плодородіи нашей почвы и о благообразности нашего климата. Не преминулъ я также указать на благообразное распоряженіе нашими финансами и на храбрость, и подвиги нашего воинства какъ морскаго, такъ и сухопутнаго. Исчисливъ количество населенія, я объяснилъ, что цѣлыя милліоны людей у насъ исповѣдуютъ различныя религіи и принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ. Не опустилъ я ни игръ, ни зрѣлищъ, однимъ словомъ никакой особенноти, дѣлающей, по моему, честь нашей странѣ, и кончилъ историческимъ очеркомъ послѣднихъ переворотовъ, около ста послѣднихъ лѣтъ въ Англии.

Разговоръ этотъ продолжался втеченіе пяти аудіэнцій, изъ которыхъ каждая длилась не менѣе нѣсколькихъ часовъ, и король выслушивалъ все чрезвычайно внимательно, записывая вкратцѣ содержаніе, и въ тоже время записывая вопросы, которые хотѣлъ мнѣ сдѣлать.

По окончаніи нашихъ бесѣдъ, его величество на шестой аудіэнціи, пробѣжалъ свои замѣтки, сравнилъ свои вопросы съ моими отвѣтами, потомъ, взявъ меня на руки и лаская, сказалъ мнѣ голосомъ и съ выраженіемъ, которыхъ я никогда не забуду:—Ты произ-

несь чрезвычайный панегирикъ своей родинѣ, маленькій другъ мой, Грильдригъ; ты очень хорошо показалъ, что невѣжество, лѣнь и порокъ — одни иногда могутъ составлять качества государственнаго человѣка; что законы объясняются и прилагаются наилучшимъ образомъ людьми, интересы и способности которыхъ подвигаютъ ихъ портить, перепутывать эти законы и обходить ихъ. Относительно устройства вашего правительства, я полагаю, что въ началѣ, можетъ быть, оно и было сносно, но въ послѣдствіи все это исказилось отъ ошибокъ. Изъ всего тобою сказаннаго, я не вижу, чтобы для достиженія у васъ какой нибудь должности или званія потребна была хоть одна добродѣтель. Я вижу, что люди у васъ не облагорожены добрыми качествами, священство не руководствуется набожностью или познаніями, воинство — поведениемъ или храбростью, судьи — правдивостью, сенаторы — любовью къ родинѣ, государственные люди мудростью. Что касается до тебя, проведшаго большую часть жизни въ путешествіяхъ, мнѣ хочется думать, что ты незараженъ пороками своей страны; но изъ всего тобою сказаннаго и изъ отвѣтовъ, которые заставлялъ я тебя давать на мои вопросы, я заключаю, что большая часть твоихъ сооте-

чественниковъ — самая испорченная раса на-
сѣкомыхъ, какую только природа допустила
ползать на поверхности земнаго шара.

Пажъ понесъ меня въ моемъ ящикѣ къ прибрежнымъ скаламъ.

ГЛАВА V.

Король и королева совершаютъ путешествіе къ границѣ, куда авторъ слѣдуетъ съ ними. Подробности выхода его изъ этого края при возвращеніи въ Англію.

Я всегда предполагалъ, что когда нибудь вырвусь на свободу, хотя и не предвидѣлъ, какимъ образомъ, и не дѣлалъ предположенія, которое имѣло бы хоть малѣйшую надежду на успѣхъ. Корабль, на которомъ я прибылъ и разбившійся у береговъ, былъ первымъ европейскимъ судномъ, о приближеніи котораго здѣсь знали, и король отдалъ строжайшее приказаніе, что если бы на случай когда либо появился другой, вытащить его не медленно на сушу, поставить со всѣми пассажирами и экипажемъ на телѣгу и отвезти въ Лордбруль-грудъ.

Правду сказать, со мною обходились чрезвычайно любезно: я былъ любимцемъ короля, королевы и всѣхъ придворныхъ. Но все таки во всемъ этомъ я чувствовалъ оскорбленіе человѣческаго достоинства. Я очень хотѣлъ очутиться среди людей, съ которыми былъ бы какъ равный съ равными и могъ бы прогуливаться по улицамъ и въ полѣ безъ боязни быть раздавлену ногами подобно лягушкѣ, или сдѣлаться игрушкою какогонибудь щенка. Освобожденіе мое однако же подоспѣло неожиданно и совершилось необыкновенно страннымъ образомъ, какъ увидитъ самъ читатель, которому я передамъ со всѣми подробностями это удивительное происшествіе.

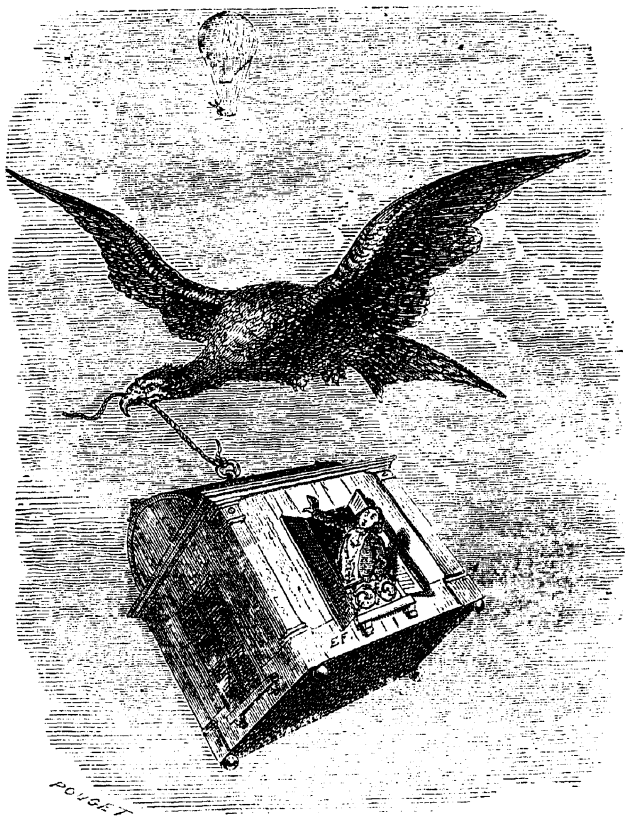
Два года пробылъ я у великановъ. На третій мы съ Глумдалькличъ находились въ свитѣ короля и королевы, предпринявшихъ путешествіе къ южной границѣ своего государства. Меня везли, по обыкновенію, въ моемъ дорожномъ ящикѣ, состоявшемъ изъ удобной комнаты въ двѣнадцать футовъ шириною. По моему приказанію, къ четыремъ угламъ моего походнаго ящика подвязали дроги, чтобъ не такъ чувствительно казалась качка лошади, на которой везъ меня служитель. На верху кровли я велѣлъ сдѣлать отверзтіе около фута, для прохода свѣжаго воздуха, которое я могъ

открывать и закрывать дощечкою, по своему усмотрѣнію.

По прибытіи къ цѣли путешествія, король вознамѣрился провести нѣсколько времени вблизи Фланфлинника, — города, лежащаго въ осьмнадцать англійскихъ миляхъ отъ морскаго берега. Мы съ Глумдалькличъ очень устали; я не много простудился, а бѣдная дѣвочка чувствовала себя такъ не хорошо, что не выходила даже изъ комнаты. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось видѣть океанъ: я притворился нездоровымъ болѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ, и попросилъ позволенія подышать морскимъ воздухомъ въ сопровожденіи одного пажы, котораго очень любилъ, и которому не разъ поручали присматривать за мною. Никогда не забуду — съ какимъ не удовольствіемъ согласилась на это Глумдалькличъ, какъ строго приказывала пажу беречь меня, и какъ она плакала, словно предчувствуя то, что имѣло случиться со мною. Пажъ понесъ меня въ моемъ ящикѣ къ прибрежнымъ скаламъ за полмили отъ дворца. Когда мы очутились на берегу, я просилъ его поставить мой домикъ на землю, и, открывъ одно окно, началъ грустно смотрѣть на море. Я сказалъ пажу, что хочу уснуть немного въ своемъ домикѣ, и что отъ этого мнѣ бу-

деть лучше. Пажъ заперъ окно изъ боязни, чтобъ я не простудился, и я вскорѣ уснулъ. Могу предположить, что во время моего сна пажъ, не предвидя никакой опасности, полѣзъ на утесы искать птичьихъ яицъ, что онъ дѣлалъ и прежде, какъ мнѣ было видно изъ окошка. Но какъ бы то ни было, я ощутилъ страшное сотрясеніе въ своемъ домикѣ, почувствовалъ, что поднимаюсь вверхъ, и потомъ, что меня несутъ куда то съ неимовѣрною быстротою. При первомъ толчкѣ я едва не вылетѣлъ изъ своего домика, но потомъ движенія сдѣлались плавнѣе. Тщетно я кричалъ изо всѣхъ силъ, а заглянувъ въ окно, увидѣлъ одни только облака. Надъ головою у меня раздавался страшный шумъ, похожій на полетъ крыльевъ. Тогда я началъ сознавать опасное положеніе, въ которомъ находился, и подозрѣвать, что орелъ схватилъ клювомъ веревку моего домика, намѣреваясь бросить его на какую нибудь скалу, словно черепаху въ черепъ, и вытащить послѣ мое тѣло, чтобъ сожрать его; ибо сметливость и обоняніе этой птицы даютъ ей возможность открывать добычу на большомъ разстояніи, скрытую даже лучше, нежели я въ ящикѣ изъ досокъ не болѣе двухъ дюймовъ толщиною.

Черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что шумъ крыльевъ усилился значительно, и что

Орелъ схватилъ клювомъ веревку моего домика.

мой дорожный домикъ качался, словно лавочная вывѣска во время бури. Я услыхалъ, какъ

орель вступилъ въ битву, и вдругъ я почувствовалъ, что опускаюсь перпендикулярно въ теченіе минуты, но съ неимовѣрною быстротою. Паденіе мое обозначилось страшнымъ толчкомъ, который показался мнѣ громче Ниагарскаго водопада, послѣ чего я погрузился во мракъ тоже на минуту, а потомъ домикъ мой началъ подыматься, такъ что свѣтъ показался вверху оконъ.

Я догадался тогда, что упалъ въ море и что мой домикъ плавалъ. Я и теперь увѣренъ, что на орла, уносившаго меня, сдѣлано было нападеніе другими орлами, и онъ въ этой схваткѣ принужденъ былъ упустить свою добычу. Желѣзные листы, подложенные снизу домика, сохранили равновѣсіе и помѣшали разбиться при паденіи.

О, какъ я желалъ тогда помощи моей милой Глумдалькличъ, отъ которой меня такъ удалило это происшествіе. Могу сказать правду, что среди этихъ несчастій я сожалѣлъ о моей доброй гувернанткѣ, и думалъ какъ объ ея отчаяніи потерять меня, такъ и о неудовольствіи королевы. Я увѣренъ, что мало путешественниковъ, которые находились бы въ такомъ печальномъ положеніи: я ждалъ съ минуты на минуту, что мой домикъ разобьется или, по крайней мѣрѣ, опрокинется пер-

вымъ порывомъ вѣтра и потонеть. Достаточно было разбиться одному стеклу въ окнѣ, и конецъ всему. Окна мои защищены были снаружки на всякій случай только проволокою. Вода начала однако же протекать въ щели, которыя старался я задѣлывать по возможности. Но, увы, я не имѣлъ силы поднять кровли, что, еслибъ я могъ, сдѣлалъ бы непремѣнно и вылѣзъ бы на верхъ, гдѣ мнѣ было бы гораздо легче, нежели оставаться запертымъ въ этомъ подобіи трюма.

Въ этомъ печальномъ положеніи, мнѣ какъ бы слышался шумъ возлѣ моего домика, и вскорѣ я почувствовалъ, что меня тащили словно на буксирѣ, ибо по временамъ отъ отъ этого усилія волны покрывали мои окна, оставляя меня почти въ темнотѣ. Мнѣ блеснула тогда слабая надежда на помощь, хотя я и не могъ вообразить, откуда она могла явиться. Вставъ на стулъ и приблизивъ голову къ небольшой щели въ кровлѣ моего домика, я началъ кричать изо всѣхъ силъ и звать на помощь на всѣхъ языкахъ, какіе только были мнѣ извѣстны. Потомъ я привязалъ платокъ къ палкѣ и, просунувъ ее въ отверстіе, началъ махать въ воздухъ, на случай еслибъ по близости было какое нибудь судно, то матросы могли бы догадаться,

что въ этомъ ящикѣ заключенъ несчастный смертный.

Я не замѣтилъ, чтобъ это послужило къ чему нибудь, но былъ убѣжденъ, что мой домикъ увлекали впередъ, и черезъ часъ почувствовалъ, что онъ толкнулся обо что-то твердое. Сперва я испугался, не ударился ли о скалу, и это меня очень встревожило. На моей кровлѣ явственно раздался шумъ, какъ бы производимый канатомъ; потомъ меня постепенно приподняли фута на три больше, сравнительно съ тѣмъ, какъ я находился прежде, вслѣдствіе чего я снова поднялъ палку съ платкомъ и началъ во все горло звать на помощь. Въ отвѣтъ я услышалъ троекратныя громкія восклицанія, и это меня обрадовало такъ какъ только можетъ понять тотъ, кто находился въ подобномъ положеніи. Въ то же время на кловѣ слышались шаги и кто-то закричалъ въ отверстіе по-англійски: „Есть ли тутъ кто нибудь?“ — Я отвѣчалъ: „Увы! Я, бѣдный англичанинъ, доведенный судьбою до такихъ страданій, какъ ни одно существо человѣческое. Ради Бога, освободите меня изъ этой тюрьмы!“ — „Успокойтесь, сказали мнѣ сверху: — вамъ бояться нечего, домикъ вашъ привязанъ къ кораблю. и придетъ плотникъ,

прорубить въ крышѣ отверстіе, и васъ вытаскать., Я замѣтилъ, что это ненужно и потребуетъ много времени, что гораздо же удобнѣе кому нибудь изъ экипажа взять за веревочку, поднять ящикъ изъ воды и отнести въ капитанскую каюту. Слыша подобный отзывъ, иные изъ экипажа сочли меня съумасшедшимъ, а другіе разсмѣялись. Я думалъ тогда, что нахожусь между людьми моего роста и моей силы. Явился карликъ, прорубилъ въ крышкѣ моего домика отверстіе фута въ три шириною и спустилъ мнѣ маленькую лѣстничку, по которой я и выбрался изъ своей темницы, и прибылъ на корабль въ чрезвычайно слабомъ состояніи.

При видѣ моемъ всѣ изумились и предлагали мнѣ тысячи вопросовъ, на которые я не рѣшался отвѣчать. Привыкнувъ видѣть вокругъ себя громадныя предметы, я воображалъ, что очутился среди пигмеевъ. Капитанъ Томасъ Уильксъ, замѣтивъ, что я готовъ лишиться чувствъ, велѣлъ отвести меня въ свою каюту, далъ мнѣ укрѣпляющаго напитка, уложилъ въ свою постель и посовѣтовалъ уснуть. Я однако же сообщилъ ему, что у меня въ ящикѣ осталась драгоцѣнная мебель—великолѣпныя носилки, кровать, шкапъ, столъ, два стула, что комната моя была обита

шелковою матеріею, и что, если ему угодно приказать кому нибудь изъ экипажа внести въ его каюту мой домикъ, то я отворю и покажу всѣ вещи. Слыша подобныя недѣлности, капитанъ счелъ меня помѣшаннымъ, однако же, чтобъ успокоить меня, обѣщаль исполнить мое желаніе, и, всходя на палубу, послалъ кого то осмотрѣть мои вещи.

Я проспалъ нѣсколько часовъ, но мнѣ все грезилась страна, мною оставленная, и опасность, которой я подвергался. Впрочемъ, проснувшись, я пришелъ въ себя. Было восемь часовъ, и капитанъ велѣлъ подать мнѣ ужинъ, считая, что я ощущалъ голодъ. Угощая меня радушно, онъ замѣчалъ, однако, что взоры мои блуждали. Когда мы остались вдвоемъ, онъ просилъ меня рассказать о моихъ путешествіяхъ и объяснить, по какому случаю былъ я оставленъ на произволь волнъ въ моемъ огромномъ ящикѣ. Капитанъ рассказаль мнѣ, что около полудня, смотря въ трубу, онъ замѣтилъ издали мой ящикъ, принялъ его за небольшое судно и хотѣлъ приблизиться къ нему съ цѣлью купить сухарей, такъ какъ у него истощался запасъ этой провизіи; что, подойдя ближе и замѣтивъ свою ошибку, онъ послалъ катеръ для осмотра, и что люди его возвратились испуганные, увѣряя, что видѣли

пловучій домъ. Капитанъ, по словамъ его, разсмѣялся надъ подобною глупостью и, приказавъ матросамъ взять крѣпкій канатъ, самъ отправился съ ними на катеръ. Море было спокойно. Обѣхавъ нѣсколько разъ вокругъ моего домика, капитанъ замѣтилъ окно, велѣлъ грести прямо къ пловучему ящику, зацѣпить канатомъ за рѣшетку и взять его на буксиръ. Палка моя съ платкомъ была видна изъ отверстія, а потому они и полагали, что какой нибудь несчастный находился въ этомъ ящикѣ. Я спросилъ у капитана, не видѣлъ ли онъ или кто нибудь изъ экипажа — громадныхъ птицъ въ то время, когда меня замѣтили. Капитанъ отвѣчалъ, что когда во время моего сна онъ разговаривалъ съ матросами, то одинъ изъ нихъ объявилъ, что видѣлъ трехъ орловъ, которые улетали къ сѣверу, но не замѣтилъ, чтобъ они были больше обыкновеннаго. Последнее обстоятельство надо приписать огромной высотѣ, на которой находились птицы, и притомъ онъ не могъ угадать настоящаго смысла моего вопроса. Потомъ я обратился къ капитану и спросилъ на какомъ, по его мнѣнію, мы находились разстояніи отъ земли; онъ отвѣчалъ, что въ ста миляхъ по самымъ точнымъ вычисленіямъ. Я увѣрялъ его, что онъ ошибался

почти на половину, ибо я покинулъ берегъ не болѣе двухъ часовъ передъ тѣмъ какъ упалъ въ море; вслѣдствіе чего капитанъ снова подумалъ, что голова моя не въ нормальномъ состояніи, и совѣтовалъ мнѣ лечь въ постель въ каютѣ, которую велѣлъ для меня приготовить. Я увѣрялъ его, что подкрѣпилъ силы ужиномъ, что пріятное общество его оживило меня, и что я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ тѣломъ и душою. Тогда, принявъ серьезный тонъ, онъ просилъ меня признаться откровенно—не имѣлъ ли я на совѣсти преступленія, за которое былъ наказанъ какимъ нибудь монархомъ, который велѣлъ меня заключить въ этотъ ящикъ, какъ иногда въ иныхъ земляхъ предоставляютъ преступниковъ на волю волнъ въ суднѣ безъ царусовъ и съѣстныхъ припасовъ. При этомъ онъ прибавилъ, что хотя ему и очень было непріятно принять на корабль подобнаго злодѣя, однако онъ даетъ честное слово высадить меня на берегъ въ первомъ портѣ. По его словамъ, подозрѣнія въ немъ усилились отъ нѣкоторыхъ разговоровъ моихъ сперва съ матросами, а потомъ съ нимъ самимъ, относительно моего ящика, моей комнаты, а также при видѣ моихъ блуждающихъ взоровъ и страннаго поведенія.

Я попросилъ его выслушать терпѣливо мою исторію, и подробно передалъ всѣ мои приключенія отъ минуты послѣдняго отбытія изъ Англіи до нашей встрѣчи. Истина всегда находитъ путь въ душу умнаго человѣка, и этотъ достойный и образованный джентльменъ удовольствовался моею откровенностью. Впрочемъ, для подтвержденія своихъ словъ, я просилъ его приказать принести изъ пловучаго домика мой шкаль, отъ котораго ключъ находился при мнѣ, отперъ въ его присутствіи и показалъ всѣ любопытныя вещи, сдѣланныя въ странѣ, изъ которой я вышелъ такимъ страннымъ образомъ. Между прочимъ представилъ ему гребенку изъ волосъ королевской бороды и другую изъ того же матерьяла, спинка у которой сдѣлана была изъ обрѣзковъ ногтей ея величества; тутъ же имѣлись иголки и булавки длиною въ полтора фута, золотое кольцо, подаренное мнѣ королевою самымъ деликатнымъ образомъ: однажды, снявъ его съ мизинца, она мнѣ надѣла его на шею въ видѣ ожерелья. Я просилъ капитана принять отъ меня это кольцо въ знакъ признательности, но онъ отказался положительно. Наконецъ онъ согласился взять штаны, бывшіе на мнѣ и которые были сдѣланы изъ мышинной кожи.

Капитанъ чрезвычайно остался доволенъ моимъ рассказомъ и замѣтилъ, что, вѣроятно, я напечатаю все это по возвращеніи въ Англию. Я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, у насъ и безъ того много издано путешествій, что приключенія мои могутъ показаться смѣшною нелѣпостью, что я ограничился бы только описаніемъ необыкновенныхъ растений и животныхъ, а также странныхъ нравовъ и обычаевъ, что уже всѣмъ надобно. Въ заключеніе я прибавилъ, что, не имѣя другихъ предметовъ для описанія, я считаю излишнимъ терять время на подобныя бездѣлки. При этомъ я не преминулъ поблагодарить его за хорошее мнѣніе.

Капитанъ, повидимому, удивлялся моему громкому разговору и спросилъ, не глухи ли король и королева въ странѣ, которую я оставилъ. Я сказалъ, что привыкъ въ теченіе двухъ лѣтъ говорить подобнымъ образомъ и что мнѣ, напротивъ, нравились голоса его и матросовъ, которые какъ бы шептали мнѣ на ухо, хотя, не взирая на это, я слышалъ ихъ очень хорошо. Въ странѣ, изъ которой я вышелъ, я говорилъ такъ громко, какъ разговариваютъ на улицѣ съ человѣкомъ, стоящимъ на колокольнѣ, исключая когда я находился на столѣ или у кого нибудь въ рукахъ. Я

сдѣлалъ еще другое замѣчаніе: когда при вступленіи моемъ на корабль, я увидѣлъ ма-

Я показалъ ему всѣ любопытныя вещи.

тросовъ, которые столпились вокругъ меня, они показались мнѣ чрезвычайно крошечными, и прибавилъ, что во время пребыванія моего

въ странѣ великановъ, я не могъ смотрѣться въ зеркало, съ тѣхъ поръ какъ взоръ мой привыкъ къ громаднымъ предметамъ, ибо, по сравненію, я дѣлался презрительнымъ въ собственныхъ глазахъ. Капитанъ сказалъ, что во время ужина онъ съ своей стороны замѣтилъ, что я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на всѣ предметы, и ему казалось, что я съ трудомъ удерживался отъ смѣха. Сперва онъ не зналъ — чему приписать это, но впоследствии отнесъ къ умственному разстройству. Я отвѣчалъ, что дѣйствительно едва удерживался отъ смѣха при видѣ блюдъ величиною съ мѣдную монету, бараньей ляжки въ одинъ глотокъ, стакана меньше орѣховой скорлупы, и прочихъ предметовъ, которые продолжалъ подвергать сравненію. Ибо, хотя королева и подарила мнѣ все необходимое для моего употребленія, пропорціонально моему росту, однако я поступалъ подобно всѣмъ, которые постоянно разсматриваютъ другихъ, не разсматривая себя и не обращая вниманія на собственную малость. Капитанъ, намекая на старинную англійскую пословицу, сказалъ, что у меня глаза больше брюха, ибо онъ не замѣтилъ во мнѣ значительнаго аппетита, хотя я и голодалъ цѣлый день, и, продолжая шутку, прибавилъ, что пожертвовалъ бы сто фунтовъ

стерлинговъ за удовольствіе видѣть мой ящикъ въ орлиномъ клювѣ и какъ потомъ онъ летѣлъ съ громадной вышины въ море. По его мнѣнію, это долженствовало быть необыкновенно удивительное зрѣлище, которое необходимо передать потомству.

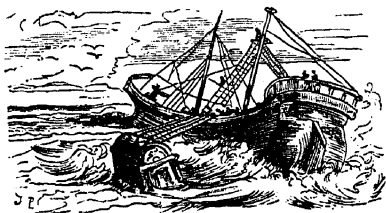
Возвращаясь изъ Тонкина, капитанъ шелъ въ Англію, но чрезъ два дня послѣ моего прибытія на бортъ, поднявшійся вѣтеръ долго увлекалъ насъ къ сѣверу; мы обогнули Новую Голландію, пошли сперва къ западо-сѣверо-западу, потомъ къ юго-юго-западу, пока не прошли мыса Доброй Надежды. Путешествіе наше было благополучно, но я не буду описаніемъ его утомлять читателей. Капитанъ останавливался въ нѣсколькихъ портахъ для пріобрѣтенія провизіи и воды; но я не сходилъ на берегъ до тѣхъ поръ, пока мы не прибыли въ Англію. Это было, кажется, 3 іюля 1706 года, по истеченіи девяти мѣсяцевъ послѣ моего освобожденія. Я просилъ капитана удержать мою мебель и вещи, какъ ручательство въ уплатѣ долга за проѣздъ, но онъ отказался отъ всякаго вознагражденія. Мы попрощались чрезвычайно дружелюбно, и онъ обѣщалъ навѣстить меня въ Редриффъ. На деньги, которыми ссудилъ меня капитанъ, я нанялъ проводника и лошадь.

Во время этого путешествія, замѣчая малую величину домовъ, деревьевъ, скота и населенія, я думалъ, что снова очутился у лиллипутовъ. Я боялся растоптать встрѣчныхъ путешественниковъ и часто кричалъ имъ, чтобъ сворачивали съ дороги, и раза два рисковалъ быть побитымъ за свою наглость.

По приѣздѣ домой, я едва узналъ слугу, отворившаго мнѣ дверь, и сильно наклонился при входѣ изъ боязни расшибить голову, ибо эта дверь казалась мнѣ не больше форточки. Жена моя, выбѣжавшая ко мнѣ на встрѣчу, хотѣла обнять меня, но я наклонился гораздо ниже ея колѣнъ, полагая, что иначе она не можетъ поцѣловать меня; дочь моя сѣла ко мнѣ на колѣна, испрашивая благословенія, но я могъ разсмотрѣть ее лишь тогда, какъ она встала, ибо я такъ давно привыкъ стоять, поднявъ голову и глаза къ верху. Я смотрѣлъ на своихъ слугъ и нѣсколькихъ пріятелей, посѣтившихъ меня, какъ бы они были пигмеями, а я великаномъ. Я замѣтилъ женѣ, что она слишкомъ постилась, ибо какъ она, такъ и дочь исхудали страшнымъ образомъ. Однимъ словомъ, я вель себя такъ странно, что всѣ раздѣляли мнѣніе капитана по прибытіи моемъ на корабль, и заключили, что я подвергся разстройству разсудка. Говорю обо

всѣхъ этихъ мелочахъ собственно для того, чтобъ показать, какъ велика сила привычки и предубѣжденія.

Черезъ нѣсколько времени я привыкъ къ женѣ, семейству и знакомымъ; но жена обѣщала никогда не отпускать меня въ море.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ СТРАНУ ГУИНИМЪ.

Приблизившись ко мнѣ, лошадь остановилась.

ГЛАВА I

Авторъ предпринимаетъ новое путешествіе въ качествѣ капитана корабля. Экипажъ его бунтуется, связываетъ его и высаживаетъ на неизвѣстный берегъ. Описаніе Ягу. Автора встрѣчаютъ два Гуинма.

Пять мѣсяцевъ провелъ я спокойно дома съ женою и дѣтьми и могу сказать что въ то время былъ бы счастливъ, если бы только могъ сознавать это. Къ сожалѣнію меня соблазнило новое путешествіе, особенно, когда мнѣ предложили лестное званіе капитана купеческаго корабля въ триста пятьдесятъ тоннъ „Адвентъюр“. Я очень хорошо зналъ мореплаваніе, а мнѣ, правду сказать, надоѣла уже второстепенная должность корабельнаго лекаря. Я не отказывался впрочемъ отъ своей

профессіи и умѣлъ прилагать ее въ послѣдствіи къ дѣлу, когда встрѣчалась надобность. Однако же я взялъ съ собою молодого лекарскаго помощника. Попрощавшись съ бѣдною женою и, сѣвъ на корабль въ Портсмутѣ, я снялся съ якоря 2 ноября 1710 года.

Во время пути болѣзнь унесла часть моего экипажа, такъ что я долженъ былъ пополнить этотъ недостатокъ на Барбадосѣ и Ливардскихъ островахъ, куда заходилъ по порученію моихъ арматоровъ. Но вскорѣ мнѣ пришлось раскаяваться въ принятіи этихъ новобранцевъ, изъ которыхъ большая часть были разбойники и контрабандисты. Негодяи эти развратили остальныхъ людей моего экипажа, и всѣ вмѣстѣ составили заговоръ овладѣть мною и моимъ кораблемъ. Однажды утромъ, войдя въ мою каюту, они бросились на меня, связали и грозили кинуть въ море при малѣйшемъ моемъ сопротивленіи. Я сказалъ, что участь моя въ ихъ рукахъ, и что согласенъ напередъ на всѣ ихъ требованія. Они заставили меня дать клятву, потомъ развязали, удовольствовавшись только тѣмъ, что прикрѣпили одну мою ногу къ ножкѣ кровати и поставили у каюты часоваго, которому отданъ былъ приказъ размозжить мнѣ голову, если я обнаружу хоть какую, нибудь попытку къ

освобожденію. Они вознамѣрились заняться морскимъ разбоемъ на моемъ кораблѣ и грабить испанцевъ; но такъ какъ для этого экипажъ былъ малочисленъ, то они рѣшились продать сперва грузъ, а потомъ идти на Мадагаскаръ для увеличенія экипажа. Я однако же содержался плѣннымъ въ моей каютѣ и очень тревожился о своей участи,

9 мая 1711 года нѣкто Джекъ Уэльгъ вошелъ ко мнѣ и сказалъ, что получилъ повелѣніе капитана свезти меня на берегъ. Я хотѣлъ поговорить съ нимъ и предложить кое какіе вопросы, но тщетно: онъ даже отказался объявить мнѣ имя того, кого называлъ капитаномъ. Меня посадили въ шлюбку, позволивъ мнѣ взять мои пожитки. Мнѣ оставили саблю и имѣли любезность не осматривать моихъ кармановъ, въ которыхъ находились кое какія деньги. Проѣхавъ около мили въ шлюбкѣ, меня высадили на берегъ. Я спросилъ у матросовъ, въ какую страну они привезли меня.—Право, не знаемъ,—отвѣчали они:—но берегитесь, чтобъ не захватилъ васъ приливъ. Прощайте.

Послѣ этого шлюбка удалилась.

Покинувъ пески, я взошелъ на одну высоту съ цѣлью посидѣть и обсудить свое положеніе. Когда я отдохнулъ, то отправился внутрь страны, рѣшась отдаться первому ди-

карю, и, если возможно, выкупить свою жизнь разными кольцами, браслетами и бездѣлками, которыми путешественники никогда не забываютъ запасаться, и которыхъ извѣстное количество было у меня въ карманахъ.

Я увидѣлъ большія деревья, пастбища и поля, со всѣхъ сторонъ засѣянные овсомъ. Я шель осторожно изъ боязни быть захваченнымъ, или раненнымъ стрѣлою. Пройдя нѣсколько времени, я вышелъ на большую дорогу, гдѣ замѣтилъ множество слѣдовъ людскихъ, конскихъ и даже коровьихъ. Въ то время я увидалъ большое количество животныхъ въ полѣ и одно или два той же породы на деревьяхъ. Они мнѣ показались чрезвычайно странными, и такъ какъ нѣкоторыя приблизились, то я, чтобъ лучше разсмотрѣть ихъ, спрятался за кустарникъ.

Длинные волосы ниспадали на ихъ лица; грудь, спина и переднія ноги были покрыты густою шерстью; они имѣли бороды, какъ у козловъ, но остальное тѣло было безъ шерсти и покрыто темною кожею. Хвостовъ они не имѣли; многія изъ нихъ сидѣли, иныя лежали, а нѣкоторыя стояли на заднихъ ногахъ. Они прыгали и лазили по деревьямъ съ проворствомъ бѣлокъ, имѣя когти на переднихъ и заднихъ ногахъ. Шерсть у нихъ была раз-

ныхъ цвѣтовъ, темная, рыжая, вороная и свѣтлая; однимъ словомъ, во всѣхъ моихъ путешествіяхъ, я не видѣлъ ничего отвратительнѣе и безобразнѣе.

Посмотрѣвъ на нихъ нѣсколько времени, я пошелъ по большой дорогѣ, въ надеждѣ, что она меня проведетъ въ какую нибудь индійскую хижину. Скоро мнѣ попалось на встрѣчу одно изъ упомянутыхъ животныхъ. При видѣ меня оно остановилось, начала дѣлать гримасы и, повидимому, смотрѣло на меня, какъ на неизвѣстнаго звѣря, потомъ подошло ближе и подняло на меня свою переднюю лапу. Я вынулъ саблю и ударилъ его плашмя, не желая наносить ему раны, изъ страха обидѣть хозяина, которому могли принадлежать эти существа. Почувствовавъ ударъ, животное обратилось въ бѣгство и начало кричать такъ громко, что привлекло около сорока товарищей, которые окружили меня съ ужасными кривляньями. Я бросился къ дереву, прислонился къ нему спиною, держа саблю впередъ для защиты, и въ ту же минуту животныя взобрались по вѣтвямъ дерева и начали обдавать меня нечистотами. Но вдругъ всѣ они обратились въ бѣгство.

Тогда, покинувъ дерево, я снова отправился по дорогѣ, удивляясь внезапному страху,

который заставилъ разбѣжаться моихъ непріятелей. Въ эту минуту я взглянулъ налѣво и увидѣлъ лошадь, спокойно шедшую въ полѣ: приближеніе этой лошади и было причиною, что такъ быстро разбѣжались осаждавшія меня животныя. Приблизившись ко мнѣ, лошадь остановилась, подалась немного назадъ и посмотрѣла пристально на меня съ видимымъ удивленіемъ. Она оглядѣла меня со всѣхъ сторонъ, обойдя нѣсколько разъ вокругъ. Я хотѣлъ продолжать путь, но лошадь загородила мнѣ дорогу, смотря на меня кротко и не употребляя никакого насилія. Нѣсколько минутъ мы глядѣли другъ на друга, потомъ я рѣшился положить ей руку на шею съ цѣлью погладить, свистя и приговаривая, какъ это дѣлаютъ, когда хотятъ поласкать лошадь. Но превосходный конь, пренебрегая моею учтивостью, нахмурилъ брови и гордо поднялъ переднюю ногу, чтобъ принудить меня отнять фамиллярную руку. Въ тоже время онъ заржалъ три или четыре раза, но съ такимъ различнымъ выраженіемъ, что мнѣ показалось это языкомъ, свойственнымъ его породѣ, и что былъ свой смыслъ въ разнообразіи этого ржанія.

Между тѣмъ появилась другая лошадь, которая весьма учтиво привѣтствовала первую:

и та и другая, обмѣнявшись взаимными вѣжливостями, начали ржать на сто различныхъ ладовъ, положительно въ видѣ разговора. Онѣ прошлись потомъ нѣсколько шаговъ вмѣстѣ какъ бы для совѣщанія, выступая тихо, какъ бы люди, разсуждавшіе о какомъ нибудь важномъ предметѣ. Онѣ однакожь не спускали съ меня глазъ, словно изъ боязни, чтобъ я не ушелъ.

Будучи удивленъ подобнымъ поведеніемъ животныхъ, я сказалъ самому себѣ: если уже въ этой странѣ столь умны четвероногія, то люди должны быть умны въ высшей степени. Мысль эта такъ ободрила меня, что я рѣшился углубиться внутрь страны до тѣхъ поръ, пока не найду деревни или отдѣльной фермы и не встрѣчу какого нибудь туземца, оставя лошадей разсуждать, сколько угодно. Но одна изъ нихъ, сѣрая въ яблокахъ, увидѣвъ это, заржала такъ выразительно, что я догадался относительно ея требованія; я немедленно возвратился, стараясь скрыть свое смущеніе, насколько это было возможно, ибо собственно я не зналъ, къ чему все это клонилось.

Обѣ лошади близко подошли ко мнѣ и начали разсматривать мое лицо и руки. Повидимому, ихъ удивляли какъ полы моего сюр-

тука, такъ и моя шляпа. Конь сѣрый въ яблокахъ началъ ласкать мою правую руку, восхищаясь мягкостью и цвѣтомъ моей кожи; но онъ такъ сильно сжалъ мнѣ руку между копытомъ и бабкою, что я не вытерпѣлъ и закричалъ изо всей силы, вслѣдствіе чего удвоились самыя дружественныя ласки. Башмаки мои и чулки очень тревожили лошадей; онѣ ихъ обнюхивали, щупали нѣсколько разъ и дѣлали по этому поводу многіе жесты, подобно философамъ, старающимся объяснить какой нибудь феноменъ.

Наконецъ, поведеніе и манеры этихъ лошадей показали мнѣ столь благоразумными и приличными, что я счелъ ихъ волшебниками, принявшими на себя конскій образъ съ какимъ нибудь намѣреніемъ, и которые, встрѣтивъ на дорогѣ иностранца, захотѣли позабавиться на его счетъ, или, можетъ быть, были поражены видомъ его фигуры, платья, движеніями. Вслѣдствіе этого предположенія я обратился къ нимъ съ такою рѣчью: “если вы волшебники, какъ я имѣю основаніе думать, то вы понимаете всѣ языки, а потому имѣю честь сказать вамъ на своемъ природномъ, что я бѣдный англичанинъ, который, по несчастію, потерпѣлъ крушеніе у этихъ береговъ, и который проситъ васъ обоихъ, если

впрочемъ вы настоящія лошади, позволить сѣсть на васъ поискать какой нибудь деревни или фермы, гдѣ я могъ бы пріютиться. Въ знакъ благодарности я предлагаю вамъ этотъ ножикъ и браслетъ“.

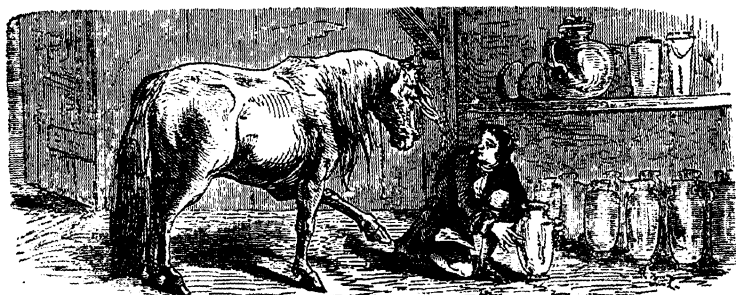
Животныя, повидимому, слушали мою рѣчь внимательно, и когда я кончилъ, начали ржать поочереды, обращаясь другъ къ другу. Тогда я понялъ очень хорошо, что ихъ ржаніе имѣло значеніе и заключало въ себѣ слова, изъ которыхъ, можетъ быть, легко составила бы азбука, такая же удобная, какъ и у китайцевъ.

Онѣ весьма явственно повторяли слово *Яну*, смысла котораго я не понималъ, хотя, въ то время какъ разговаривали лошади, я и не разъ старался понять его значеніе. По окончаніи ихъ переговоровъ, я изо всей силы принялся кричать: *Яну! Яну!* стараясь имъ подражать, насколько хватало у меня умѣнья. Эта уловка, кажется, весьма ихъ изумила, а сѣрая въ яблокахъ лошадь два раза повторила это слово, какъ бы желая научить меня его произношенію. Я съ своей стороны постарался произнести его какъ только могъ лучше, и хотя далекъ былъ отъ совершеннаго выговора, однако, по моему, успѣлъ достаточно. Другая лошадь, гнѣдая, захотѣла научить

меня болѣе трудному слову, которое по англійски можетъ быть выражено слѣдующими буквами: *Houuhnhn*, *Гуинмъ*. Сначала я не могъ выговорить 'этого слова такъ же легко какъ первое; но послѣ нѣсколькихъ попытокъ дѣло пошло лучше, и обѣ лошади признали во мнѣ способности.

Поговоривъ еще немного (безъ сомнѣнія обо мнѣ), лошади разстались съ такими же церемоніями, какъ и встрѣтились. Гнѣдая подала мнѣ знакъ идти впередъ, что я и исполнилъ въ надеждѣ найти другаго проводника. Такъ какъ я шель очень медленно, то она принялась ржать: *уумъ! уумъ! уумъ!* Догадавшись, въ чемъ дѣло, я далъ ей понять, насколько могъ, что я очень усталъ и съ трудомъ передвигаю ноги; гнѣдко остановился, чтобъ дать мнѣ отдохнуть немножко.

Я нашелъ множество глиняныхъ кувшиновъ, наполненныхъ
молокомъ.

ГЛАВА II.

Авторъ приходитъ въ жилище гуинма; его приемъ. Пища
гуинмовъ. Затрудненіе автора найти, чѣмъ питаться.

Пройдя около трехъ миль, мы прибыли къ большому деревянному дому, низкому и покрытому соломою. Я поспѣшилъ вынуть изъ кармана маленькіе подарки, предназначенные для хозяевъ, чтобъ расположить послѣднихъ въ мою пользу. Лошадь вѣжливо пропустила меня перваго въ большую, очень опрятную залу, въ которой вмѣсто всякой мебели я увидѣлъ ясли и стойла. Здѣсь находились три коня и двѣ кобылы, которые не ѣли, но лежали, подогнувъ ноги. Въ это время явился сѣрый конь въ яблокахъ и при входѣ началъ ржать тономъ господина. Я прошелъ

съ нимъ двѣ другія залы, лежавшія рядомъ; въ послѣдней онъ велѣлъ мнѣ подождать, а самъ вошелъ въ сосѣднюю комнату. Я подумалъ тогда, что хозяинъ долженъ быть важная особа, когда съ такими церемоніями заставлялъ дожидаться въ передней. Но въ то же время я не могъ понять, какъ знатный человѣкъ могъ имѣть лошадей вмѣсто прислуги. Я началъ бояться, не повредился ли мой разумъ отъ цѣлаго ряда несчастій. Оглядѣвшись внимательно вокругъ, я началъ разсматривать переднюю, которая была меблирована почти такъ же, какъ и первая зала. Какъ я ни приглядывался, мнѣ представлялось все одно и то же. Я щипалъ себя за руку, кусалъ себѣ губу, колотилъ себя по бокамъ съ цѣлью проснуться, на случай еслибъ все это грезилось мнѣ во снѣ; и какъ глазамъ моимъ представлялись постоянно одни и тѣ же предметы, то я и заключилъ, что здѣсь была чертовщина и высокая магія.

Пока я предавался этимъ мыслямъ, вошелъ сѣрый конь въ яблокахъ и знакомъ пригласилъ меня въ другую комнату, гдѣ на весьма чистой и тонкой цыновкѣ я увидѣлъ прекрасную кобылу и двухъ жеребятъ, которыя всѣ сидѣли. При моемъ входѣ кобыла привстала и приблизилась ко мнѣ, и, осматрѣвъ внимательно

мои руки и лицо, съ презрѣніемъ поворотилась ко мнѣ задомъ и начала ржать, произнося явственно слово *ягу*. Вскорѣ я невольно понялъ роковой смыслъ этого слова, ибо сѣрый конь, кивнувъ мнѣ головою и произнося нѣсколько разъ *гуумъ*, *гуумъ*, отвелъ меня на второй дворъ, гдѣ стояло другое строеніе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома. Первое, что представилось моимъ взорамъ, были три отвратительныя животныя, какихъ я встрѣтилъ въ полѣ и описаніе которыхъ приведено выше. Они были привязаны за шею и ѣли корни и мясо осла, собаки и коровы (дохлыхъ, какъ я узналъ впоследствии), держа все это въ когтяхъ и разрывая зубами.

Тогда конь-хозяинъ приказалъ карому жеребчику, — одному изъ лакеевъ, — отвязать большее изъ этихъ животныхъ и привести. Насъ поставили рядомъ для лучшаго сравненія, и тутъ то слово *ягу* повторялось множество разъ, изъ чего я заключилъ, что эти животныя назывались *ягу*. Не могу выразить удивленія и ужаса, когда, присмотрѣвшись ближе къ этому животному, я замѣтилъ въ немъ всѣ черты и весь образъ человѣка, исключая того, что лицо у него было широкое и плоское, носъ расплюснутый, очень большой ротъ и толстыя губы. Но это обыкновенно у всѣхъ

дикихъ племень, потому что матери кладутъ дѣтей лицомъ къ землѣ, и носятъ за спиною, вслѣдствіе чего носъ безпрестанно бьется о плечи. Переднія лапы ягу походили на мои руки, съ тою лишь разницею, что имѣли огромные ногти, и кожа на нихъ была темная, жесткая и покрытая шерстью. Ноги ихъ были такія же, какъ у меня, съ описаннымъ выше различіемъ. Однако мои чулки и башмаки заставляли думать господъ лошадей, что разница между нами была гораздо больше. Относительно остальнаго тѣла въ дѣйствительности было сходство, кромѣ цвѣта и шерсти.

Но господа эти судили иначе, ибо тѣло мое было одѣто, и мое платье они считали кожею и принадлежностью моего организма, такъ что въ этомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, я значительно разнился отъ ягу. Маленькій жеребчикъ-слуга предложилъ мнѣ одинъ корень, захвативъ его между копытомъ и бабкою. Я отвѣдалъ, но немедленно возвратилъ еще съ большею вѣжливостью, чѣмъ было мнѣ предложено это угощеніе. Онъ тотчасъ же побѣжалъ въ жилище ягу и принесъ мнѣ кусокъ ослинаго мяса, которое показалось такимъ отвратительнымъ, что я не только не прикоснулся къ нему, а показалъ видъ, что меня тошнитъ отъ него. Жеребчикъ бросилъ

кусокъ бывшему тутъ ягу, который мгновенно сожралъ его съ большимъ удовольствіемъ. Видя, что пища ягу была мнѣ не по вкусу, слуга рѣшился предложить мнѣ свою т. е. овса и сѣна. Но, покачавъ отрицательно головою, я далъ замѣтить, что и это было мнѣ неудобно. Тогда, поднеся переднюю ногу ко рту весьма выразительнымъ, впрочемъ естественнымъ образомъ, онъ дѣлалъ знаки, что не понимаетъ, чѣмъ накормить меня, и спрашивалъ чего я желаю. Но я не могъ высказать своей мысли знаками, а еслибы и могъ, то не видѣлъ ничего, что могло бы удовлетворить меня.

Въ это время мимо проходила корова; указавъ на нее пальцемъ, я выразительными знаками далъ понять, что мнѣ хотѣлось подойти ее. Меня поняли и немедленно повели въ домъ, гдѣ отдали приказаніе служанкѣ, т. е. кобылѣ, отворить одну комнату, въ которой я нашелъ множество глиняныхъ кувшиновъ, наполненныхъ молокомъ и разставленныхъ въ большомъ порядкѣ. Я напился молока въ изобиліи и остался весьма доволенъ своимъ обѣдомъ.

Около полудня къ дому подъѣхалъ какого то страннаго вида экипажъ, везомый четырьмя ягу. Въ экипажѣ сидѣлъ старый конь, пови-

димому изъ знатныхъ, который пріѣхалъ къ моимъ хозяевамъ съ визитомъ и пообѣдать. Его приняли чрезвычайно вѣжливо и съ почетомъ. Они обѣдали въ лучшей залѣ, и кромѣ сѣна и соломы, составлявшихъ первыя блюда, былъ поданъ овесъ, вареный въ молокѣ. Кобыто, помѣщенное среди залы, сдѣлано было полукругомъ и раздѣлено на множество перегородокъ, вокругъ котораго всѣ усѣлись, опираясь бедрами на кули соломы. Въ каждомъ отдѣленіи были свои ясли, такъ что всякій конь и всякая кобыла ѣли свою порцію и прилично и опрятно. Жеребята — хозяйскія дѣти также присутствовали на этомъ обѣдѣ, и родители, видимо, старались, чтобъ они ѣли побольше. Сѣрый конь въ яблокахъ позвалъ меня къ себѣ и, какъ казалось, долго разговаривалъ обо мнѣ со своимъ пріятелемъ, который, посматривая на меня по временамъ, часто повторялъ слово ягу.

Мнѣ вздумалось надѣть перчатки: хозяинъ это замѣтилъ и, видя мои руки въ другомъ уже видѣ, выражалъ знаками удивленіе и смущеніе. Два или три раза онъ трогалъ ихъ переднюю ногою, и далъ понять, что желалъ бы видѣть ихъ въ пербытной формѣ; я немедленно снялъ перчатки, что послужило пищею разговора для общества, и внушило имъ

любовь ко мнѣ, послѣдствія которой вскорѣ обнаружились. Всѣ принялись учить меня произношенію нѣкоторыхъ словъ, и я выучился называть овесъ, молоко, огонь, воду и многіе другіе предметы. Я удержалъ въ памяти эти слова, и болѣе нежели когда нибудь воспользовался необыкновенною способностію для изученія языковъ, которою надѣлила меня природа.

Послѣ обѣда хозяинъ отозвалъ меня въ сторону и знаками съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ далъ мнѣ понять свою скорбь о томъ, что я ничего не ѣлъ и что не находилъ ничего по своему вкусу. *Глунз* на ихъ языкѣ означаетъ овесъ. Я проговорилъ это слово два или три раза, ибо хотя первоначально и отказался отъ предложеннаго мнѣ овса, однако потомъ разсудилъ, что я могу его приправить съ молокомъ, и что это послужить мнѣ питаніемъ, пока не найду случая убѣжать и пока не встрѣтятся мнѣ существа моей породы. Хозяинъ немедленно приказалъ служанкѣ, хорошенькой бѣлой кобылѣ, принести мнѣ побольше овса на деревянномъ блюдѣ. Велѣвъ сжарить этотъ овесъ, я старался тереть его до тѣхъ поръ, пока не уничтожилась верхняя кожица, потомъ просѣялъ и смололъ между двумя камнями. Изъ этой муки я на-

пекъ лепешекъ, которыя и ѣлъ горячими, обмакивая въ молоко.

Сперва это блюдо было для меня весьма невкусно (хотя подобная пища обыкновенна во многихъ мѣстахъ Европы), но современемъ привыкъ, и такъ какъ не разъ въ жизни находилея въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, то не впервые испытываль, какъ мало надобно для удовлетворенія нуждъ природы, и что организмъ привыкаетъ ко всему. Пока я былъ въ странѣ лошадей, я не чувствовалъ ни малѣйшаго нездоровья. Нѣсколько разъ впрочемъ ходилъ я на охоту за кроликами и птицами, которыхъ ловилъ въ сѣти, сплетенныя изъ волосъ ягу; а иногда я срываль травы, которыя варилъ или ѣлъ вмѣсто салата, а по временамъ сбиваль масло. Сперва меня болѣе всего мучило отсутствіе соли, но я потомъ привыкъ обходиться безъ нее, изъ чего заключилъ, что употребленіе соли происходитъ отъ нашей неумѣренности, и было введено для возбужденія жажды; ибо человѣкъ единственное животное, примѣшивающее соль въ свою пищу. Что касается меня, то, по выѣздѣ изъ лошадиной страны, я долго не могъ привыкнуть къ употребленію соли.

Но, я полагаю довольно о моей пищѣ. Если я впрочемъ и распространялся объ этомъ

предметъ, то, кажется, не слѣдоваль большинству путешественниковъ, которые воображаютъ, что читателю интересно знать, хорошо или не хорошо они ѣли во время своихъ странствій. Какъ бы то ни было, я полагаю, что краткое описаніе о моемъ продовольствіи было необходимо для того, чтобъ никто не подумаль, что я не могъ существовать три года въ такой странѣ и среди такихъ обитателей.

Къ вечеру хозяинъ велѣль отвести для меня комнату, въ шести шагахъ отъ дому и отдѣленную отъ помѣщеній *ягу*. Постлавъ нѣсколько кулей соломы, я укрылся своею одеждою, такъ что провелъ ночь довольно хорошо и спалъ весьма спокойно. Но впоследствии мнѣ было еще лучше, какъ увидить читатель, когда я опишу свой образъ жизни въ этой странѣ.

Указывая на каждый предметъ, я спрашивалъ его названіе.

ГЛАВА III.

Авторъ выучивается хорошо туземному языку, а гуинмъ, его хозяинъ, дѣлается хорошимъ учителемъ. Многіе гуинмы являются изъ любопытства посмотрѣть автора. Онъ рассказываетъ хозяину вкратцѣ свое путешествіе.

Я весьма прилежно занялся изученіемъ языка, которому гуинмъ—мой хозяинъ (такъ я буду называть его съ этихъ поръ), его дѣти и вся прислуга старались научить меня. Всѣ смотрѣли на меня какъ на чудо и удивлялись, что грубое животное имѣло всѣ приемы животнаго разумнаго. Указывая на каждый предметъ, я спрашивалъ его названіе, которое затверживалъ и записывалъ въ дорожную книжку, оставшись одинъ. Что же касается выговора, то я старался усвоить

его, внимательно прислушиваясь. Впрочемъ каждый слуга мнѣ очень много помогаль въ этомъ случаѣ.

Надобно сказать, что мнѣ показалось весьма труднымъ произношеніе этого языка. Гуинмы говорятъ въ одно и тоже время и носомъ и горломъ, и языкъ ихъ, одинаково носовой, какъ и горловой, очень похожъ на нѣмецкій—только граціознѣе и выразительнѣе. Еще императоръ Карль V сдѣлаль тоже любопытное замѣчаніе: онъ сказаль, что еслибъ умѣль говорить со своею лошадью, то говорилъ бы съ нею по нѣмецки.

Хозяинъ мой съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда я заговорю съ нимъ на лошадиномъ языкѣ, чтобъ поговорить со мною и удовлетворить свое любопытство, что все свое свободное время употребляль на уроки и училь меня всевозможнымъ выраженіямъ этого языка, его оборотамъ и тонкостямъ. Онъ самъ признавался мнѣ, что считаль меня за *ягу*, но его удивляли—моя опрятность, вѣжливость, покорность и желанье учиться: всѣхъ этихъ качествъ онъ не могъ придать *ягу*, животному грубому, нечистоплотному и непокорному. Его смущало также мое платье, ибо онъ считаль его частью моего тѣла, такъ какъ я раздѣвался вечеромъ только тогда, когда

уже всё спали, а утромъ вставалъ и одѣвался, когда еще тоже всё спали въ домѣ. Хозяину моему хотѣлось знать, изъ какой происходилъ я страны, гдѣ и какъ пріобрѣлъ родъ разсудка, видившагося во всѣхъ моихъ поступкахъ, и наконецъ сторалъ нетерпѣнїемъ познакомиться съ моею исторїею. Онъ надѣялся узнать все это въ скорости, судя по успѣхамъ, какіе я каждодневно оказывалъ въ изученіи языка. Для облегченія памяти, я расположилъ по алфавиту всё заученныя слова съ англійскимъ переводомъ. Впослѣдствіи я не стѣснялся писать въ присутствіи хозяина, но онъ не понималъ этого, ибо гуинмы не имѣютъ о письмѣ ни малѣйшаго понятія.

Черезъ шесть недѣль я былъ уже въ состоянїи понимать многіе изъ его вопросовъ, а черезъ три мѣсяца могъ удовлетворительно отвѣчать на нихъ. Первый, предложенный мнѣ вопросъ заключался въ томъ — изъ какой пришелъ я страны и какимъ образомъ я достигъ умѣнья подражать разумному существу, будучи *ягу*? ибо *ягу*, на которыхъ, по его мнѣнїю, я походилъ лицомъ и передними лапами, имѣли, какъ онъ говорилъ, своего рода понятія, были хитры и злы; но не могли ничего обдумать или сообразить. Я отвѣчалъ, что прибылъ издалека, что переплылъ море

со многими существами одной со мною породы въ большомъ деревянномъ строеніи, что товарищи высадили меня здѣсь на берегъ и оставили. Къ этимъ словамъ мнѣ необходимо еще было присоединить многіе знаки, чтобъ онъ понялъ меня. Хозяинъ возразилъ, что я ошибаюсь, и что я *сказалъ вещь небывалую*, то есть, что я солгалъ. (Въ языкѣ гуинмовъ нѣтъ слова, означающаго *ложь или неправду*). Онъ не могъ представить себѣ, чтобъ за моремъ существовали какія нибудь земли, и чтобъ толпа жалкихъ животныхъ могла заставить плавать на водѣ большое деревянное зданіе и управлять имъ. „Это было бы развѣ подь силу гуинму, прибавилъ онъ:—и ужъ, конечно, онъ не ввѣрилъ бы гуинму его управленія.“

Гуинмъ на конскомъ языкѣ значитъ лошадь или, собственно, *совершенство природы*. Я отвѣчалъ хозяину, что пока еще затрудняюсь въ выраженіяхъ, но что современемъ надѣюсь сообщить ему многое, что еще болѣе удивить его. Онъ поручилъ тогда женѣ, дѣтямъ и всей прислугѣ стараться о моемъ усовершенствованіи въ ихъ языкѣ, и самъ посвящалъ на это два или три часа ежедневно.

Многія знатныя лошади обоего пола посѣщали моего хозяина, привлеченныя любопыт-

ствомъ видѣть удивительнаго *ягу*, который, какъ имъ сообщали, говорилъ словно гуинмъ и обнаруживалъ въ своихъ словахъ и поступкахъ нѣчто похожее на разумокъ. Они разговаривали сомною, предлагали мнѣ вопросы, понятные для меня, по ихъ мнѣнію, на которые я и отвѣчалъ по возможности. Все это способствовало мнѣ въ усовершенствованіи языка, такъ что по истеченіи пяти мѣсяцевъ я все понималъ и могъ выражаться довольно хорошо о многихъ предметахъ.

Многіе гуинмы, являющіеся меня посмотрѣть и поговорить со мною, не вѣрили, чтобъ я былъ настоящій *ягу*, ибо, по ихъ словамъ, у меня была совершенно другая кожа, нежели у этихъ животныхъ. Они видѣли у меня кожу такую, какъ у *ягу*, только на лицѣ и на переднихъ лапахъ, но безъ шерсти. Хозяинъ мой очень хорошо зналъ, въ чемъ дѣло, ибо одинъ случай недѣли двѣ назадъ заставилъ меня открыть ему тайну, которую до тѣхъ поръ я тщательно скрывалъ, изъ страха, чтобъ онъ не счелъ меня настоящимъ *ягу* и не помѣстилъ въ ихъ общество.

Я уже говорилъ читателю, что каждый вечеръ, когда всѣ ложились спать, я имѣлъ обыкновеніе раздѣваться и прикрывался своимъ платьемъ. Однажды хозяинъ рано утромъ

послалъ ко мнѣ своего рыжаго лакея. Когда онъ вошелъ въ мою комнату, я спалъ глубокимъ сномъ, и съ меня одежда упала на полъ; я проснулся и замѣтилъ, что рыжій исполнялъ свое порученіе съ видомъ смущенія и безпокойства. Онъ тотчасъ же возвратился къ хозяину и съ замѣшательствомъ разсказалъ то, что видѣлъ. Вставъ и одѣвшись, я пошелъ пожелать добраго утра его чести (титულъ у гуинмовъ въ родѣ нашихъ сіятельство, превосходительство и т. п.); онъ сперва спросилъ, что означалъ разсказъ его лакея, который доложилъ ему, что я совершенно другой, когда сплю, и что когда я лежу, то у меня совершенно иная кожа.

Читатель уже знаетъ, что я долго скрывалъ эту тайну изъ боязни быть смѣшану съ пороною *ягу*. Но, увѣ, противъ воли мнѣ пришлось открыться. Впрочемъ мое платье и башмаки начали изнашиваться, и такъ какъ мнѣ приходилось вскорѣ замѣнить свою одежду кожею *ягу* или другаго животнаго, то я и предвидѣлъ, что моя тайна не могла долго сохраняться. Вслѣдствіе этого я и сказалъ хозяину, что у насъ въ странѣ, люди моего племени имѣютъ привычку прикрывать тѣло шерстью извѣстныхъ животныхъ, искусно приготовленною, какъ для благопристойности и

удобства, такъ и для защиты отъ суровости климата. И что слова свои я готовъ доказать на дѣлѣ.

Я раздѣлся для удовлетворенія любопытства его чести, который выразилъ восторженное удивленіе при видѣ очертаній моего тѣла. Онъ подымалъ поочередно все мое платье, захватывая между копытомъ и бабкою и осматривая все съ большимъ вниманіемъ; онъ расточалъ мнѣ ласки и нѣсколько разъ обошелъ вокругъ меня. Потомъ онъ выразилъ серьезное убѣжденіе, что я былъ настоящій ягу, съ тою лишь разницею, что у меня тѣло бѣлѣе, не такъ грубо и съ болѣе нѣжною кожею; что у меня не было шерсти на большей части тѣла, ногти короче и другой формы, и что я предпочиталъ ходить на заднихъ ногахъ. Онъ позволилъ мнѣ одѣться, что я исполнилъ съ большимъ удовольствіемъ, ибо начиналъ ощущать холодъ.

Я выразилъ его чести, какъ онъ огорчилъ меня, назвавъ серьезно меня гнуснымъ и отвратительнымъ животнымъ. Я умолялъ его снять съ меня это названіе и предложить тоже самое семейству, прислугѣ и всѣмъ знакомымъ; но просьба моя была напрасна. Въ тоже время я упрашивалъ его сохранять тайну касательно моей одежды, по крайней

мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ надобность перемѣнить ее, а относительно лакея, его честь могъ приказать ему ни слова не говорить объ этомъ.

Онъ обѣщаль мнѣ не выдавать тайны, которая и хранилась до тѣхъ поръ, пока не износилась моя одежда, такъ что пришлось чѣмъ нибудь замѣнить ее. Въ то же время онъ съ большимъ стараніемъ принялся учить меня языку, ибо способность моя говорить и рассуждать поражала его гораздо больше, нежели мое бѣлое тѣло безъ шерсти, и притомъ ему сильно хотѣлось узнать отъ меня интересныя вещи, которыя обѣщаль я объяснить ему. Онъ возилъ меня съ собою въ гости и требоваль, чтобъ со мною вездѣ обращались вѣжливо и прилично, желая привести меня въ хорошее расположеніе духа (какъ онъ мнѣ потомъ признался), и сдѣлать меня болѣе веселымъ и забавнымъ.

Ежедневно, когда мы бывали вмѣстѣ, кромѣ занятія уроками, онъ предлагаль множество вопросовъ относительно меня, на которые я отвѣчалъ какъ могъ, — изъ чего онъ уже получилъ общее и неопредѣленное понятіе о томъ, о чемъ я рассказываль ему подробно впоследствии. Безполезно было бы объяснить, какимъ образомъ я велъ съ нимъ

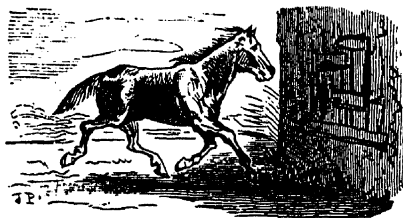
продолжительную и серьезную бесѣду, и скажу только, что первый мой послѣдовательный съ нимъ разговоръ былъ такой, какъ читатель увидитъ ниже.

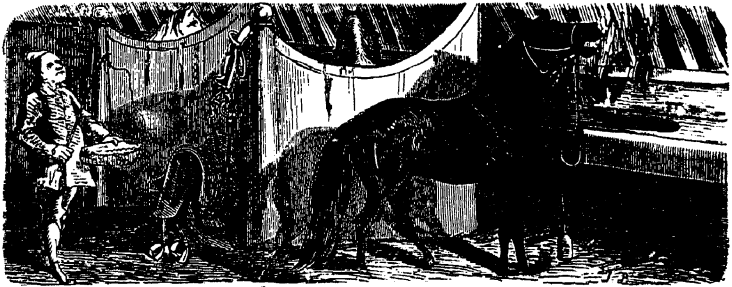
Я сказалъ его чести, что происхожу изъ страны весьма отдаленной, — какъ я уже не разъ давалъ ему понять, — въ сопровожденіи пятидесяти подобныхъ мнѣ существъ; что мы переплывали моря на кораблѣ, т. е. въ зданіи, построенномъ изъ деревянныхъ досокъ и брусевъ. По возможности я описалъ ему форму этого корабля, и развернувъ свой платокъ, постарался объяснить — какимъ образомъ вѣтеръ, надувая паруса, гналъ насъ впередъ, рассказалъ, что по случаю ссоры между нами я былъ высаженъ на островъ, въ лошадиномъ царствѣ, и что былъ въ затруднительномъ положеніи, не зная, гдѣ находился, до тѣхъ поръ, пока его честь не избавилъ меня отъ преслѣдованія гнусныхъ ягу. Онъ меня спросилъ кто строилъ корабль, и какъ гуинмы моей страны позволили управлять имъ такимъ грубымъ животнымъ. Я сказалъ, что мнѣ невозможно отвѣчать на его вопросъ и продолжать разговоръ, если онъ мнѣ не дастъ слова и не поклянется честью и совѣстью — не обижаться тѣмъ, о чемъ я стану рассказывать; что на этомъ только условіи я буду

продолжать мою бесѣду и добросовѣстно передамъ всѣ обѣщанныя ему диковины.

Онъ положительно обѣщаль — не оскорбляться. Тогда я объяснилъ ему, что корабль былъ построенъ существами, подобными мнѣ и что въ нашей землѣ и во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ я путешествовалъ, такія существа были единственныя господствующія и разумныя животныя; что по прибытіи въ лошадиную страну, я чрезвычайно удивился, увидя гуинмовъ дѣйствующихъ въ качествѣ разумныхъ созданій, подобно тому какъ онъ и его друзья были удивлены, встрѣчая признаки этого разума въ существѣ, которое угодно было имъ назвать *ягу*, и которое дѣйствительно походить на этихъ гнусныхъ животныхъ по наружности, но не по нравственнымъ качествамъ. Я прибавилъ, что еслибы когда либо Провидѣніе дозволило бы мнѣ возвратиться на родину, и я напечаталъ бы отчетъ о своемъ путешествіи, а въ особенности о пребываніи въ странѣ гуинмовъ, — всѣ сказали бы, что я *говорю то, чего нѣтъ*, и что я выдумалъ эту баснословную и нелѣпую исторію. Наконецъ, не взирая на все мое уваженіе къ хозяину, его почтенному семейству и его пріятелямъ, смѣю

увѣрить, что на моей родинѣ не повѣрятъ, что гуинмъ существо разумное, а ягу только звѣрь.

Они имѣютъ Ягу для прислуги.

ГЛАВА IV.

Понятія гуимовъ объ истинѣ и лжи. Рѣчи автора не одобряются его хозяиномъ.

При послѣднихъ моихъ словахъ хозяинъ казался безпокойнымъ, смущеннымъ и какъ бы внѣ себя. Сомнѣваться и не вѣрить слышанному — для гуимна такая умственная работа, къ которой они не привыкли, и если ихъ къ тому принудить, то умъ ихъ, такъ сказать, выходитъ изъ нормальнаго состоянія. Помню даже, что, разговаривая иногда съ хозяиномъ о свойствахъ человѣческой природы, какъ она существуетъ въ другихъ частяхъ свѣта, и кстати упоминая о лжи и обманѣ, онъ съ большимъ трудомъ могъ понимать мои рѣчи. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ:

Употребленіе слова намъ дано для того, чтобъ мы сообщали другъ другу свои мысли и для узнанія того, чего не знаемъ. И такъ, если говорятъ о несуществующемъ, то нисколько не дѣйствуютъ въ видахъ природы, злоупотребляютъ словомъ, говорятъ и не говорятъ въ одно и тоже время. Говорить — вѣдь значить сообщать то, что думаютъ. И потому, если вы дѣлаете то, что называете ложью, вы сообщаете мнѣ то, о чемъ совсѣмъ не думаете; вмѣсто того, чтобъ сказать то, что есть, вы говорите то, чего нѣтъ, — слѣдовательно, вы не говорите: вы открываете лишь ротъ для изданія бесполезныхъ звуковъ, и не только не извлекаете меня изъ моего невѣжества, а напротивъ его усиливаете“. Таково понятіе гуинмовъ о лжи, которою мы прочіе люди обладаемъ въ высшей степени совершенства.

Но возвратимся къ особенной бесѣдѣ, приведенной выше. Когда я сказалъ его чести, что въ моей странѣ *ягу* животныя господствующія, это его крайне удивило, и онъ спросилъ меня — есть ли у насъ гуинмы и какую они играютъ роль между нами. Я отвѣчалъ, что у насъ ихъ большое количество, что лѣтомъ они пасутся на лугахъ, а зимою пахотятся въ особыхъ зданіяхъ, гдѣ имѣется

для прислуги имъ *яму*, которые разчесываютъ имъ гривы, чистятъ шерсть, обмываютъ ноги и даютъ пищу. „Понимаю, — сказалъ хозяинъ: — это значить, что хотя ваши ягу и имѣютъ претензію на кое какой разсудокъ, однако гуинмы все-таки господа, какъ и здѣсь. Дай Богъ только, чтобъ наши *яму* были такіе же послушные и услужливые, какъ у васъ. Но продолжай, пожалуйста.“

Я умолялъ его честь уволить меня отъ дальнѣйшаго разговора объ этомъ предметѣ, ибо изъ благоразумія и учтивости я не могъ объяснить ему всего остальнаго. „Я хочу знать все, — возразилъ онъ: — продолжай и не бойся огорчить меня.“—Въ такомъ случаѣ я исполню ваше приказаніе, — отвѣчалъ я. — Наши гуинмы, которыхъ мы называемъ *лошадьми*, очень красивыя и благородныя животныя, чрезвычайно сильныя и весьма быстрыя на бѣгу. Если они живутъ у людей достаточныхъ, ихъ заставляютъ по временамъ бѣгать, возить экипажи и прилагаютъ о нихъ всевозможныя попеченія, пока они молоды и здоровы. Но, когда они начинаютъ старѣться или ослабѣвать въ ногахъ, ихъ стараются сбыть и продаютъ *яму*, которые подвергаютъ ихъ тяжелымъ, унижительнымъ работамъ до тѣхъ поръ, пока лошадь умираетъ. Снявъ

послѣ смерти съ нее кожу, продаютъ ее, а трупъ оставляютъ хищнымъ птицамъ, собакамъ и волкамъ на съѣденіе. Таковъ у насъ въ странѣ конецъ самыхъ красивыхъ и благороднѣйшихъ гуинмовъ. Но не всѣ они въ молодости такъ хорошо содержатся, какъ тѣ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ вамъ. Иныя изъ нихъ отъ самаго рожденія живутъ у земледѣльцевъ, извозчиковъ и тому подобныхъ людей, у которыхъ принуждены много работать, не смотря на скудную пищу.“ Я описалъ ему способъ нашей ѣзды верхомъ и въ экипажахъ и объяснилъ по возможности употребленіе уздечки, сѣдла, шпоръ, бича, не позабывъ также всей збруи, необходимой для упряжки. Я прибавилъ, что у насъ къ подошвѣ копыта гуинмамъ прибавляютъ досчечку изъ очень твердаго вещества, называемаго желѣзомъ, для предохраненія отъ ушибовъ по каменистымъ дорогамъ.

Хозяинъ, повидимому, пришелъ въ негодование отъ этого грубаго обращенія съ гуинмами въ нашей странѣ. Онъ сказалъ, что весьма удивляется нашей дерзости — ѣздить на нихъ верхомъ, что если бы самый сильный ягу осмѣлился сдѣлать это съ самымъ маленькимъ гуинмомъ изъ его слугъ, онъ не медленно былъ бы опрокинутъ и растоптанъ.

Я возразилъ, что гуинмовъ учать у насъ въ трехъ и четырехлѣтнемъ возрастѣ, и если которые изъ нихъ непослушны, упрямы, то ихъ заставляютъ возить телѣги, пахать землю и осыпаютъ ударами. Я сказалъ, что гуинмы у насъ чувствительны къ наградамъ и наказаніямъ, а между тѣмъ не обладаютъ разумомъ какъ и *яму* въ лошадиномъ царствѣ.

Много стоило мнѣ труда объяснить все это хозяину, и приходилось для выраженія своихъ мыслей дѣлать длинные обороты, ибо языкъ гуинмовъ не богатъ, и какъ у нихъ мало страстей, то, слѣдовательно, и нѣтъ многихъ выраженій. Богатство и нѣжность языка образуется изъ умноженныхъ и утонченныхъ страстей.

Невозможно представить себѣ впечатлѣнія, произведеннаго на хозяина моимъ рассказомъ, и благороднаго гнѣва, который обуялъ имъ при извѣстїи о нашемъ обращенїи съ гуинмами. Онъ согласился, что если есть страна, гдѣ *яму* единственныя разумныя существа, то справедливость требуетъ, чтобъ они были господствующими, и чтобъ всѣ прочія животныя подчинялись ихъ законамъ, на томъ основанїи, что разумъ долженъ покорять силу. Но, разсматривая мою фигуру, онъ прибавилъ, что существо подобное мнѣ, слишкомъ дурно

создано для того, чтобъ быть разумнымъ или по крайней мѣрѣ прилагать умъ въ большинствѣ случаевъ жизни. Въ то же время онъ спросилъ, сходны ли у насъ *ягу* между собою. Я отвѣчалъ ему, что мы всѣ болѣе или менѣе одинаковы, и что я считаюсь хорошо сложеннымъ; что у молодежи обоихъ половъ кожа тоньше и нѣжнѣе и что у женщинъ (у нашихъ самокъ) она обыкновенно бѣла, какъ молоко. Онъ замѣтилъ, что дѣйствительно существовало различіе между ему принадлежащими *ягу* и мною, что я былъ опрятнѣе ихъ и не до такой степени гадокъ, какъ они; но относительно физическихъ преимуществъ я уступалъ имъ значительно: что переднія и заднія ноги мои были голыя, и что немного шерсти, какъ было у меня, не могло защищать меня отъ холода, что переднихъ ногъ моихъ нельзя собственно назвать ногами, ибо я совсѣмъ не ходилъ ими, что онѣ были слабы и нѣжны, находились у меня всегда обнаженными, и что вещь, которою я прикрывалъ ихъ, была не столь крѣпка и тверда, какъ то, во что я одѣвалъ заднія ноги; что я не ходилъ съ увѣренностью, ибо достаточно было одной ногѣ споткнуться или поскользнуться, чтобъ упасть на землю. Онъ началъ при этомъ критиковать все устройство моего тѣла,

плоскость лица, выдавшійся носъ, расположе-
ніе глазъ, находящихся непосредственно во
лбу, такъ что я не могъ, не поворачивая го-
ловы, смотрѣть ими ни вправо, ни влѣво.
Онъ замѣтилъ, что я не могъ ѣсть безъ по-
мощи переднихъ ногъ, которыя поднималъ ко
рту, и что, повидимому, собственно для этого
природа снабдила ихъ столькими суставами.
Онъ не понималъ, для какого употребленія
могли мнѣ быть пригодны маленькіе отдѣль-
ные члены на заднихъ ногахъ, которые, безъ
сомнѣнія, были весьма слабы и легко могли
разбиваться и ломаться о камни и кустар-
ники, и что поэтому я находился въ необхо-
димости прикрывать ихъ кожею какого ни-
будь другаго животнаго; что безволосое тѣло
мое не могло выдерживать холода, и я при-
нужденъ былъ прикрывать его постороннею
шерстью, т. е. одѣваться и раздѣваться еже-
дневно,—и что, по его мнѣнію, ничего не могло
быть скучнѣе и утомительнѣе въ мірѣ. По
его замѣчанію, всѣ животныя въ ихъ странѣ,
питаются къ нимъ невольный ужасъ, а потому
предполагая даже, что въ Англии мы полу-
чили отъ природы умъ, онъ все таки не по-
нимаетъ, — какимъ образомъ мы можемъ по-
бѣждать въ животныхъ естественную анти-
патію къ существамъ нашей породы и поль-

зоваться ихъ службою. — „Наконецъ, сказалъ онъ: — я не хочу идти дальше по этому предмету, увольняю тебя отъ всѣхъ отвѣтовъ, какіе могъ бы ты мнѣ сдѣлать, и только прошу рассказать исторію твоей жизни и описать страну, въ которой ты родился.“

Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить его желаніе и рассказать обо всемъ, что его интересовало, но сомнѣвался, чтобъ былъ въ состояніи отчетливо объяснить предметы, о которыхъ его честь не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, судя по тому, что ничего подобнаго я не видѣлъ въ ихъ странѣ. Я общалъ, впрочемъ, употребить всѣ усилія объяснить ему многое съ помощью метафоръ и сравненій, прося напередъ извинить меня, если не найду соотвѣтствующихъ выраженій.

Я сказалъ, что происхожу отъ честныхъ родителей, на островѣ, именуемомъ Англіей, которая отстоитъ такъ далеко, что самому сильному гуинму необходимо идти въ продолженіе годичнаго теченія солнца; что я изучалъ хирургию, т. е. искусство лѣчить раны; что моя страна управляется женщиною, т. е. самкою, которую мы именуемъ королевою; что я покинулъ родину съ цѣлью обогатиться и доставить своему семейству довольство по возвращеніи; что въ послѣднее путешествіе

я былъ капитаномъ корабля, имѣя подѣ начальствомъ около пятидесяти *ягу*, изъ которыхъ большая часть умерла въ пути, вслѣдствіе чего я долженъ былъ замѣстить ихъ другими изъ различныхъ племенъ; что корабль нашъ два раза подвергался опасности крушенія — однажды по случаю жестокой бури, а второй разъ едва мы не разбились о скалы.

Хозяинъ здѣсь прервалъ меня, спросивъ — какимъ образомъ я могъ уговорить чужеземцевъ изъ разныхъ странъ рѣшиться ѣхать со мною послѣ перенесенныхъ потерь и опасностей? Я отвѣчалъ, что все это были бездомныя существа, обязанныя покинуть родину вслѣдствіе неудачъ или совершенныхъ ими преступленій; что иные разорились отъ тяжбы, другіе отъ игры, что большая часть ихъ состояла изъ мошенниковъ, воровъ, грабителей, отравителей, разбойниковъ, фальшивыхъ монетчиковъ, дезертировъ, и что всѣ почти они убѣжали изъ тюремъ; что, наконецъ, ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ возвратиться въ свою сторону изъ боязни быть повѣшену или сгнить въ темницѣ.

Хозяинъ принужденъ былъ нѣсколько разъ прерывать меня во время разсказа. Я употреблялъ множество различныхъ оборотовъ

чтобъ дать ему понятіе обо всѣхъ преступленіяхъ, заставившихъ большую часть моего экипажа покинуть родину. Онъ не могъ постигнуть, съ какою цѣлью люди эти совершили столько преступленій, и что могло ихъ подвинуть на это. Желая вывести его изъ подобнаго недоумѣнія, я старался объяснить ему — ненасытную нашу алчность къ знатности и богатству, и равно слѣдствія роскоши, неумѣренности, злобы и зависти. Я могъ только лишь кое какъ объяснить ему это примѣрами и гипотезами, ибо онъ не въ состояніи былъ понять, что всѣ эти пороки существуютъ въ дѣйствительности. Онъ показался мнѣ существомъ, воображеніе котораго, пораженное рассказами о томъ, чего оно никогда не видѣло и не слышало, которое опустило глаза и не можетъ выразить словами свсего изумленія и негодованія.

Они бросаются другъ на друга.

ГЛАВА V.

Параллель между *ягу* и людьми.

Мы очень часто бесѣдовали подобнымъ образомъ съ хозяиномъ. Однажды онъ послалъ за мною рано утромъ и, приказавъ мнѣ сѣсть въ небольшомъ отъ него разстояніи (честь какой я не испытывалъ дотолѣ), сказалъ мнѣ слѣдующее: „Я обдумалъ все, что ты мнѣ говорилъ какъ о тебѣ, такъ и о твоей родинѣ. Вижу ясно, что у тебя и у твоихъ соплеменниковъ есть искра разума, хотя и не постигаю, какъ она вамъ досталась. Но вижу также, что вы употребляете ее лишь на увеличеніе вашихъ природныхъ недостатковъ и для приобрѣтенія пороковъ, не удѣленныхъ вамъ природою. Конечно, вы по наружности

сходны съ нашими *ягу* и для совершеннаго сходства вамъ недостаетъ только силы, проворства и болѣе длинныхъ ногтей. Но вы одинаковы со стороны нравовъ. Они смертельно ненавидятъ другъ друга, и мы это объясняемъ тѣмъ, что они видятъ одинъ въ другомъ безобразіе, не замѣчая своего собственнаго. Такъ какъ вы обладаете частицею разсудка и сознаете, что видъ вашей отвратительной наружности сдѣлалъ бы васъ гнусными другъ другу, то вы и придумали изъ благоразумія и самолюбія прикрывать свое тѣло. Осторожность эта не мѣшаетъ однакожъ вамъ ненавидѣть другъ друга, ибо между вами есть много поводовъ къ несогласіямъ, какъ и между нашими *ягу*. Если мы, напри- мѣръ, бросимъ своимъ пятерымъ *ягу* столько мяса, что могло бы насытиться пятьдесятъ, то эти пять сѣжорливыхъ и хищныхъ животныхъ, вмѣсто того, чтобъ ѣсть спокойно пищу, данную имъ въ изобиліи, бросаются другъ на друга, начинаютъ кусаться, царапаться, и каждый хочетъ съѣсть все, такъ что мы бываемъ принуждены кормить каждою особо и даже связываемъ тѣхъ, которые насытились, изъ боязни, чтобъ они не бросились на остальныхъ. Если гдѣ нибудь по сосѣдству корова умираетъ отъ старости

или отъ какого нибудь случая, то едва наши *ягу* узнаютъ эту пріятную новость, тотчасъ вооружаются стадо на стадо, скотный дворъ на скотный дворъ, кто отобьетъ корову. Между ними идетъ ожесточенная битва, пока наконецъ побѣда не склонится на чью нибудь сторону, а если они не уничтожаютъ другъ друга, то собственно потому, что у нихъ нѣтъ разума европейскихъ *ягу*, чтобъ изобрѣсти истребительныя машины и оружіе. Въ иныхъ мѣстахъ нашей страны есть извѣстные блестящіе камни извѣстныхъ цвѣтовъ, которые до страсти любятъ нашу *ягу*. Когда они ихъ находятъ, то употребляютъ всевозможныя усилія, чтобъ вытащить ихъ изъ земли, въ которой камни эти находятся на нѣкоторой глубинѣ; относятъ въ свои жилища и складываютъ въ кучки, тщательно скрывая и оберегая ихъ какъ драгоценность, чтобъ этого не провѣдали товарищи. Мы до сихъ поръ не могли понять, откуда у нихъ происходитъ страсть къ свѣтящимся камнямъ, и на что они имъ могутъ быть полезны. Но я теперь вижу, что скупость вашихъ *ягу*, о которой ты мнѣ говорилъ, существуетъ и у нашихъ, и она то служитъ причиною этой ихъ страсти къ блестящимъ камнямъ. Однажды я велѣлъ унести сокровище у одного

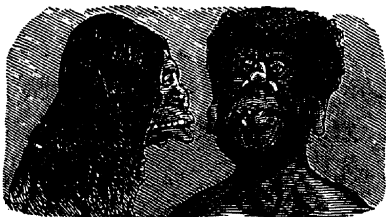
изъ моихъ ягу. Животное страшно завьло, пришло въ бѣшенство и наконецъ впало въ изнеможеніе, потомъ начало чахнуть, перестало ѣсть и не работало до тѣхъ поръ, пока я не велѣлъ слугѣ отнести похищенное сокровище на прежнее мѣсто. Послѣ этого ягу мало по малу пришелъ въ себя, и непреминулъ спрятать въ другомъ мѣстѣ свою драгоценность. Если *ягу* находить въ полѣ упоминаемый камень, случается иногда, что является другой ягу и оспариваетъ находку, и въ то время, когда они дерутся, приходитъ третій, уноситъ камень и оканчиваетъ распрю. Судя по тому, что ты мнѣ рассказывалъ, тяжбы у васъ въ странѣ не оканчиваются такъ скоро и съ такими малыми издержками. Здѣсь оба тяжущихся (если можно такъ назвать ихъ) кончаютъ тѣмъ, что не получаютъ того, о чемъ спорятъ, тогда какъ у васъ, ведя тяжбу, часто теряютъ и то, что хотятъ имѣть, и то, что имѣютъ. Нашимъ ягу нерѣдко приходитъ фантазія, которой мы не можемъ доискаться причины. Не смотря на хорошее содержаніе и кроткое обращеніе и будучи сильны и здоровы, они впадаютъ въ какое то изнеможеніе и дѣлаются мрачны и молчаливы. Въ это время они избѣгаютъ товарищей, не ѣдятъ, не вы-

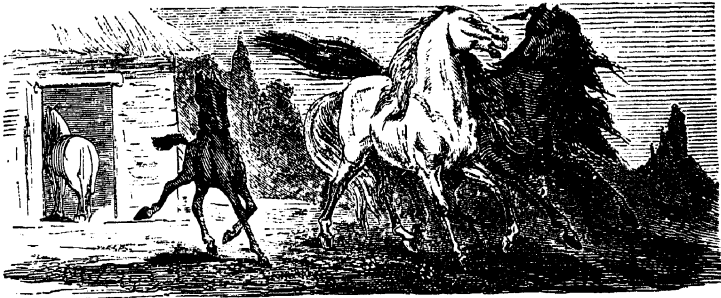
ходятъ изъ хижинъ, какъ бы предаваясь своей печальной задумчивости. У насъ есть одно лишь средство для излѣченія этой болѣзни: отрезвлять ихъ болѣе строгимъ обращеніемъ и употребленіемъ на тяжелыя работы. Это приводитъ ихъ въ прежнее состояніе“.

Какъ хозяинъ разсказалъ мнѣ эти подробности, я не могъ не подумать о родинѣ, гдѣ часто случаются подобныя вещи, и гдѣ люди, надѣленные всевозможными земными благами, исполненные здоровья и силы, окруженные удовольствіями и обезпеченные противъ малѣйшаго безпокойства, впадаютъ вдругъ въ хандру, дѣлаются въ тягость самимъ себѣ, тоскуютъ, страдаютъ отъ мнимаго горя и предаются ипохондріи. Я увѣренъ, что самое дѣйствительное лѣкарство противъ этой болѣзни то, которое употребляютъ для *ягу*, и что противъ грусти и меланхолии нѣтъ лучше средства, какъ трудъ и постоянное занятіе. Лѣкарство это я испыталъ самъ на себѣ и совѣтую читателю прибѣгнуть къ нему, если онъ очутится въ подобномъ положеніи. Наконецъ, для предупрежденія зла, я совѣтую не быть никогда празднымъ. „Наши *ягу*, — продолжалъ хозяинъ:—страстно любятъ одинъ корень, дающій много соку. Они его дѣятельно отыскиваютъ и сосутъ съ наслажде-

ніемъ и безъ усталости. Послѣ этого они то ласкаютъ другъ друга, то дерутся, воютъ, гримасничаютъ, потомъ болтаютъ, танцуютъ, пока не повалятся на землю, и засыпаютъ въ грязи.“

Я полагалъ, что его честь станетъ еще болѣе распространяться о нравахъ и обычаяхъ *ягу*, и что отъ него не ускользнетъ ни одинъ изъ нашихъ пороковъ. Я заранѣе уже краснѣлъ за свою породу; но, къ счастью, онъ не пошелъ далѣе.

У нихъ не встрѣчаешь дурнаго хозяйства.

ГЛАВА VI.

Философія и нравы гуинмовъ. Важный вопросъ, поднятый въ ихъ парламентѣ.

Нѣсколько разъ я просилъ хозяина о дозволениіи мнѣ видѣть сосѣднія стада ягу, чтобъ лично убѣдиться въ ихъ обычаяхъ и наклонностяхъ. Увѣренный въ питаемомъ мною къ нимъ отвращеніи, онъ не боялся, что я заражусь ихъ пороками; но приказалъ одному изъ своихъ вѣрныхъ служителей, большому бурому коню, сопровождать меня, изъ боязни, чтобъ со мною не случилось какого нибудь несчастья. Ягу эти смотрѣли на меня какъ на подобнаго себѣ, особенно когда однажды увидѣли у меня обнаженные грудь и руки. Они приближались ко мнѣ и стара-

лись мнѣ подражать, становясь на заднія ноги, подымая голову и упираясь въ бокъ переднею ногою. Моя фигура возбуждала въ нихъ хохотъ; тѣмъ не менѣе они выказывали мнѣ непріязнь и ненависть, подобно тому какъ дѣлають дикія обезьяны, относительно обезьяны ручной, носящей шляпу, платье и обувь.

Я провелъ въ этой странѣ цѣлыхъ три года, и читатель, безъ сомнѣнія, ожидаетъ, что по примѣру прочихъ путешественниковъ, я представлю подробное описаніе туземныхъ жителей, т. е. гуинмовъ, расскажу объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, законахъ и т. д. Я дѣйствительно сдѣлаю это, но только въ короткихъ словахъ.

Гуинмы любятъ и поддерживаютъ другъ друга. Въ нихъ нѣтъ зависти къ счастью сосѣда. Они никогда не покушаются на свободу или на жизнь себѣ подобныхъ. Они незлословятъ; сатира не имѣетъ между ними ни основанія, ни предмета; старшіе никогда не даютъ чувствовать своего превосходства младшимъ; зависимость есть только связь, но не иго, и все тамъ благоденствуетъ.

У нихъ браки гораздо удачнѣе нашихъ. Самцы избираютъ самокъ одной масти. Сѣрый въ яблокахъ женится непремѣнно на

сѣрой въ яблокахъ, и т. д. Въ семействахъ поэтому не замѣчается ни перемѣны, ни упадка; дѣти похожи на своихъ родителей, гербы ихъ и титла благородства заключаются въ силѣ, ростѣ и масти.

Между ними не замѣчается дурныхъ супружествъ. Не смотря на преклонный возрастъ, — у мужа и жены сердце не охлаждается; разводъ хотя и дозволенъ, однако еще не было ни одного случая: самцы ни мало не повелительны, самки не строптивы.

Дѣтей воспитываютъ они съ крайнею заботливостью; въ то время какъ мать хлопочетъ объ ихъ тѣлѣ и здоровьѣ, отецъ печется о нравственномъ развитіи.

Главнѣйшія достоинства самца заключаются въ силѣ и легкости, а самки — въ кротости и мягкости. Если самка обладаетъ мужскими качествами, ей избираютъ супруга съ качествами женскими; все тогда улаживается, и случается, какъ иногда и у насъ, что мужъ дѣлается женою, а жена мужемъ.

Мѣсяца за три до моего выѣзда изъ страны гуинмовъ, у нихъ происходило общее народное собраніе, родъ парламента, куда мой хозяинъ явился въ качествѣ депутата своего округа. Обсуждали дѣло, которое уже сто разъ предлагалось собранію и было единственнымъ

вопросомъ, заключающимъ въ себѣ раздѣленіе мнѣній гуинмовъ. Хозяинъ по возвращеніи рассказалъ мнѣ все, что происходило по этому поводу.

Дѣло шло о томъ, нужно ли совершенно истребить племя *ягу*. Одинъ изъ членовъ подалъ мнѣніе за и поддерживалъ его весьма прочными и сильными доводами. Онъ говорилъ, что *ягу* животное самое безобразное, злое и опасное, упрямое и старающееся только вредить другимъ животнымъ. Онъ припомнилъ старинное преданіе, распространенное въ странѣ, что *ягу* не всегда были, но что въ одномъ вѣкѣ появилось ихъ два на вершинѣ горы — неизвѣстно сдѣланные ли изъ глинистой земли, согрѣтой солнечными лучами, или вышедшіе изъ какого нибудь болота, или возникшіе изъ морской пѣны; что отъ этихъ двухъ *ягу* произошли многіе другіе, и послѣ того порода ихъ такъ распространилась, что они наводнили всѣ страны; что для предупрежденія этого размноженія гуинмы нѣкогда предпринимали общую охоту на *ягу*, которыхъ поймали множество и, истребивъ всѣхъ старыхъ, оставили молоденькихъ для того, чтобъ сдѣлать ихъ домашними, насколько это возможно относительно такого злаго животного, и заставить ихъ работать. Онъ приба-

вилъ, что въ этомъ преданіи истиннаго имѣлось только то, что они не были *Иньями*, т. е. аборигенами; онъ сказалъ, что первоначальные жители имѣли неблагоразуміе пользоваться услугами ягу, не кстати пренебрегши употребленіемъ словъ, очень добрыхъ, кроткихъ, покорныхъ животныхъ, у которыхъ единственный недостатокъ заключался въ непріятномъ голосѣ, но который все таки былъ не столь противенъ, какъ у большей части ягу.

Когда многіе другіе сенаторы сказали весьма краснорѣчивыя рѣчи по тому же предмету, хозяинъ мой всталъ и предложилъ разумное средство, мысль о которомъ была ему внушена мною. Прежде всего онъ подтвердилъ народное преданіе и подкрѣпилъ то, что было сказано по поводу этой исторіи достопочтеннымъ его предшественникомъ. Онъ прибавилъ однако же, что два первые ягу, о которыхъ шла рѣчь, прибыли откуда то изъ за моря, были высажены на берегъ и покинуты товарищами; что они сперва углубились въ лѣса и горы; что съ теченіемъ времени характеръ ихъ измѣнился, они одичали и стали не похожи на своихъ одноплеменниковъ, обитающихъ въ отдаленныхъ земляхъ. Для доказательства этого предположенія, онъ объявилъ, что уже давно у него живетъ чрез-

вычайный *ягу*, о которомъ, вѣроятно, слышали всѣ члены собранія, и многіе даже и видѣли его. Разказавъ о встрѣчѣ со мною, онъ описаль, какъ мое тѣло было покрыто искусственнымъ покровомъ изъ шерсти и звѣриной кожи; онъ объяснилъ, что я говорилъ на своемъ природномъ языкѣ, но что отлично изучилъ и туземный; что я разказаль ему свои приключенія и случай, посредствомъ котораго попалъ къ нимъ на берегъ; что онъ видѣль меня раздѣтымъ и нашель меня настоящимъ *ягу*, съ тою только разницею, что у меня бѣлое тѣло, мало волосъ и очень короткіе когти. „Этотъ иностранный *ягу*, прибавилъ онъ: — хотѣль меня увѣрить, что въ его странѣ и во многихъ другихъ, имъ посѣщенныхъ, *ягу* — единственныя господствующія животныя, и что гуинмы находятся тамъ въ рабствѣ и жалкомъ положеніи. Безспорно, онъ имѣеть всѣ наружныя качества нашихъ *ягу*, но надобно признаться, что онъ кротче ихъ и даже обладаетъ искрою разсудка. Онъ, конечно, не разсуждаетъ такъ, какъ гуинмъ, но понятія его значительно выше, нежели у нашихъ *ягу*. И такъ вмѣсто того, чтобъ ихъ истребить, попытаемся сдѣлать ихъ болѣе кроткими, покорными. Въ то же время я подаю мнѣніе, на случай если намъ не удадутся

кроткія мѣры и мы принуждены будемъ прибѣгнуть къ истребленію, распорядиться, чтобъ гуинмы тщательно воспитывали осленковъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе *ягу*, тѣмъ болѣе, что могутъ работать съ пятилѣтняго возраста, между тѣмъ какъ *ягу* ничего не дѣлаютъ до двѣнадцати лѣтъ.

Вотъ что мнѣ передалъ хозяинъ о парламентскихъ преніяхъ, но онъ не сказалъ мнѣ о другомъ обстоятельстве, касавшемся меня лично и печальныя послѣдствія котораго я вскорѣ почувствовалъ. Но прежде я расскажу о характерѣ и обычаяхъ гуинмовъ.

У гуинмовъ нѣтъ книгъ; они не умѣютъ ни читать, ни писать, а слѣдовательно, и всѣ ихъ познанія переходятъ по преданію. Такъ какъ все это населеніе мирное, согласное, добродѣтельное и весьма разумное, не имѣющее никакихъ сношеній съ иностранцами, то чрезвычайныя происшествія весьма рѣдки въ странѣ гуинмовъ, и всѣ занимательныя событія ихъ исторіи могутъ легко сохраниться въ памяти, не обременяя ее.

У нихъ нѣтъ ни больныхъ, ни докторовъ. Признаюсь, я не могу опредѣлить, происходитъ ли у нихъ отсутствіе докторовъ отъ недостатковъ больныхъ или наоборотъ; впрочемъ встрѣчаются иногда случаи нездоровья;

но они сами легко излѣчиваются, зная пресходно лѣкарственныя травы и растенія, ибо непрерывно изучаютъ ботанику во время прогулокъ и даже часто, утоляя голодь.

Стихи у нихъ очень хороши и въ особенности гармоничны. Поэзія ихъ не состоитъ ни изъ легкой и тривіальной шутки, ни изъ вычурныхъ выраженій, ни изъ эпиграмъ, или дѣтскихъ предположеній, ни изъ испанскихъ *agudezos*, итальянскихъ *concetti* или восточныхъ метафоръ. Вѣрность сравненій, богатство и точность описаній, связь и живость изображеній — вотъ предѣлъ и характеръ ихъ поэзіи. Хозяинъ не разъ читалъ мнѣ отрывки изъ лучшихъ стихотвореній, слогъ которыхъ напоминалъ Гомера, Виргилія и Мильтона.

Смерть гуинма никого не радуешь и не печалить. Ближайшіе родственники и лучшіе друзья покойника равнодушно смотрять на его кончину. Умирающій нисколько не жалѣетъ о разлукѣ съ этимъ міромъ: онъ словно былъ въ гостяхъ и расстається съ обществомъ, съ которымъ довольно долго побесѣдовалъ. Однажды, я помню, хозяинъ мой пригласилъ своего короткаго пріятеля съ семействомъ пріѣхать къ нему по какому то важному дѣлу; назначенъ былъ день и часъ этого посѣщенія. Мы чрезвычайно удивились, что приглашен-

ные не пріѣхали въ урочное время. Наконецъ явилась довольно уже поздно жена съ двумя дѣтьми, извиняясь тѣмъ, что умеръ ея мужъ. Она впрочемъ не сказала — *умеръ*, такъ какъ это выраженіе неприлично, а употребила слово *инувнъ*, означающее буквально *идти на свиданіе къ бабушкѣ*. Все время, проведенное у насъ, она была очень весела, и сама умерла весело чрезъ три мѣсяца въ довольно пріятной агоніи.

Гуинмы живутъ, по большей части, семьдесятъ и семьдесятъ пять лѣтъ, а иногда восемьдесятъ. Они предчувствуютъ смерть обыкновенно за нѣсколько недѣль и ни мало этимъ не огорчаются. Въ это время къ нимъ съѣзжаются родные и знакомые пожелать благополучнаго путешествія. За десять дней до кончины будущій покойникъ, никогда почти не ошибающійся въ расчетѣ, отдаетъ всѣмъ визиты въ носилкахъ, несомыхъ нѣсколькими *ягу*. Онъ разстается при извѣстныхъ пріемахъ съ друзьями и говоритъ имъ торжественно послѣднее прости, словно выѣзжая навсегда изъ одной страны въ другую.

Я не хочу упустить здѣсь одного замѣчанія, что въ языкѣ гуинмовъ нѣтъ словъ, выражающихъ дурное, и что въ этомъ случаѣ они употребляютъ метафоры, заимствованныя

отъ безобразія и дурныхъ качествъ *ягу*; такъ, если они хотятъ назвать оплошность слуги, шалость дѣтей, камень, о который споткнулись, дурную погоду и т. п., они только называютъ данный предметъ, просто прибавляя прилагательное *ягу*. Для выраженія, напримеръ, упомянутыхъ предметовъ, они скажутъ: *имъ ягу, внагольмъ ягу, интлондвимлимъ ягу*, а для обозначенія дурно выстроеннаго дома они говорятъ *интольмнрольнвъ ягу*.

Если кто пожелаетъ узнать болѣе о нравахъ и обычаяхъ гуинмовъ, тотъ, если угодно пусть потрудится подождать большаго тома *in quarto*, который я przygotowляю по этому предмету. Вскорѣ я выпущу о немъ объявленіе, и подписчики не обманутся въ своихъ ожиданіяхъ и ничего не потеряютъ въ матерьяльномъ отношеніи. А въ ожиданіи я попрошу публику удовольствоваться этимъ краткимъ описаніемъ и позволить мнѣ продолжать рассказъ о моихъ приключеніяхъ.

Однажды за мною прислалъ мой хозяинъ.

ГЛАВА VII.

Блаженство автора въ странѣ гуинмовъ. Удовольствіе, которымъ онъ наслаждается въ ихъ бесѣдѣ; образъ жизни его между ними. Изгнаніе автора по распоряженію парламента.

—

Всегда я любилъ порядокъ и бережливость, и, въ какомъ ни находился бы положеніи, постоянно устраивалъ порядочный образъ жизни. Хозяинъ велѣлъ отвести мнѣ помѣщеніе въ шести шагахъ отъ своего дома, и эта квартира, т. е. хижина, какъ всѣ мѣстныя хижины и очень похожая на жилище *яну*, не имѣла ни удобствъ, ни пріятности. Найдя жирной глины, я построилъ изъ нея четыре стѣны, сдѣлалъ полъ, а изъ тростника связалъ цыновки, которыми покрылъ свою хи-

жину. Нарвалъ я потомъ конопли, которая дико росла въ поляхъ, околотилъ ее, добылъ изъ нея нитки и смастерилъ родъ холста, изъ котораго сшилъ тюфякъ, наполненный птичьими перьями, чтобъ было мягче спать. Съ помощью моего ножа и бураго слуги мнѣ удалось сдѣлать столъ и стулъ. Когда мое платье совершенно износилось, я сшилъ себѣ новое изъ шкурокъ кроликовъ и другихъ животныхъ, *ннуногъ*, очень красивыхъ, величиною почти съ кролика, и шкурка которыхъ покрыта чрезвычайно мягкимъ пухомъ. Изъ этой шкурки я также сдѣлалъ весьма порядочные чулки. Избитыя подошвы у башмаковъ я замѣнилъ деревянными дощечками, которыя привязалъ къ передкамъ, а когда и эти износились, то я пришилъ новыя подошвы изъ кожи *ягу*; къ пищѣ, о которой сказано выше, я добывалъ еще иногда меду въ дуплахъ деревьевъ и ѣлъ его со своимъ овсянымъ хлѣбомъ. Никто лучше меня не испыталъ, что природа довольствуется малымъ и что необходимость — мать изобрѣтеній.

Я наслаждался отличнымъ здоровьемъ и умственнымъ спокойствіемъ. Мнѣ не угрожали ни невѣрность или измѣна друзей, ни невидимые ковы тайныхъ враговъ. Я не унижался передъ сильными, заискивая покро-

вительства и расположенія. Я не былъ обязанъ остерегаться обмана и насилія. Тамъ не было ни одного оффиціального шпіона и доносчика, и я не боялся, чтобъ честь моя пострадала отъ нелѣпыхъ обвиненій, или была утрачена свобода вслѣдствіе какого нибудь заговора или тайно отданнаго приказанія. Нѣтъ тамъ ни докторовъ, которые отравляютъ, ни адвокатовъ для вашего разоренія, ни авторовъ, надоѣдающихъ своими сочиненіями. Меня не окружали насмѣшки, льстецы, клеветники, мошенники, шуллера, сплетники, ипохондрики, спорщики, ученые педанты. Тамъ нѣтъ ни купцовъ—мошенниковъ, ни пьяницъ, ни развратниковъ, ни пошлыхъ франтовъ. Уши мои не страдали отъ грязныхъ и скандальныхъ разговоровъ.

Я часто имѣлъ честь бесѣдовать съ господами гуинмами, пріѣзжавшими къ намъ, и хозяинъ мой всегда бывалъ такъ добръ, что позволялъ мнѣ входить въ гостиную, чтобъ воспользоваться ихъ разговорами. Общество предлагало мнѣ иногда вопросы, на которые я имѣлъ честь отвѣчать. Сопровождалъ я также хозяина въ поѣздкахъ къ сосѣдямъ, но старался молчать, если меня не спрашивали. Я представлялъ внимательнаго и чрезвычайно довольнаго слушателя; все, что

я слышалъ, было пріятно и полезно, всегда выражалось нѣсколькими словами, но граціозно, и во всемъ господствовало самое строгое приличіе, но безъ малѣйшей церемоніи, Каждый говорилъ и слушалъ только то, что доставляло удовольствіе. Тамъ никто не перебивалъ другъ друга, не надоѣдалъ длинными и скучными разказами, не спорилъ, не осуждалъ ближняго.

У гуинмовъ существуетъ правило, что по временамъ необходимо въ обществѣ молчаніе и по моему они правы. Въ такія минуты въ головѣ являюся новыя мысли, и самый разговоръ дѣлается отъ этого живѣе и занимательнѣе. Они обыкновенно бесѣдуютъ о преимуществахъ и пріятностяхъ дружбы, о правосудіи, порядкѣ, о величіи природы, о древнихъ преданіяхъ, объ условіяхъ и предѣлахъ добродѣтели, о неизмѣнныхъ законахъ разума; иногда заходитъ рѣчь о собраніяхъ будущаго парламента, и очень часто о заслугахъ туземныхъ поэтовъ и о достоинствѣ хорошей поэзіи.

Могу сказать не хвастая, что я самъ иногда подавалъ предметъ для разговора, т. е. служилъ поводомъ къ превосходнымъ разсужденіямъ, ибо хозяинъ мой повременамъ разсказывалъ имъ о моихъ приключеніяхъ и объ

исторіи моей родины, что подавало имъ предлогъ дѣлать выгодное заключеніе о всей людской породѣ. Я замѣчалъ однакожъ, что мой хозяинъ лучше меня зналъ натуру *ягу*, живущихъ въ другихъ странахъ. Онъ открылъ источникъ всѣхъ нашихъ заблужденій, вникъ въ сущность нашихъ пороковъ и недостатковъ и угадалъ многое, о чемъ я не говорилъ ему ни разу. Это впрочемъ не должно казаться невѣроятнымъ; онъ отлично зналъ своихъ *ягу*, такъ что, предположивъ въ нихъ нѣкоторую долю разума, онъ могъ сообразить, — на что они были способны при этомъ условіи, и расчетъ его всегда былъ вѣренъ.

Я долженъ откровенно сознаться, что если въ настоящее время обладаю какими нибудь философскими познаніями, то этимъ обязанъ мудрымъ урокамъ добраго моего хозяина и разговорамъ благоразумныхъ друзей его, разговорамъ, болѣе поучительнымъ, нежели конференціи англійскихъ, французскихъ, германскихъ и итальянскихъ академій. Я питалъ нѣчто въ родѣ уваженія и страха къ этимъ знаменитымъ особамъ и былъ имъ очень признателенъ, что они не ставили меня на одну доску со своими *ягу*.

Припоминая свое семейство, друзей, земляковъ и вообще весь родъ человѣческій, я

представлялъ себѣ ихъ всѣхъ настоящими *ягу* по наружности и характеру, только немного болѣе цивилизованными, обладающими даромъ слова и небольшою долею разсудка. Когда мнѣ случалось видѣть свое лицо въ чистомъ ручьѣ, я немедленно отворачивался, не бывъ въ состояніи смотрѣть на животное, казавшееся мнѣ столь же безобразнымъ, какъ *ягу*. Глаза мои, привыкшіе къ благородной наружности гуинмовъ, ни въ чемъ другомъ не находили животной красоты. Постоянно видя ихъ и бесѣдуя съ ними, я усвоилъ немного ихъ движенія, жесты, походку, и теперь, когда я нахожусь въ Англіи, друзья замѣчаютъ мнѣ иногда, что я бѣгаю рысью, какъ лошадь, а говоръ мой и смѣхъ имъ кажется похожимъ на ржанье. Ежедневно я подвергаюсь подобнымъ насмѣшкамъ, но это ни мало не огорчаетъ меня.

Въ то время когда я наслаждался подобнымъ счастьемъ и считалъ свое положеніе самымъ завиднымъ, располагая провести въ этомъ блаженномъ спокойствіи остатокъ жизни,—хозяинъ мой однажды утромъ прислалъ за мною гораздо раньше обыкновеннаго. Войдя къ нему, я нашелъ его очень серьезнымъ и озабоченнымъ; онъ находился какъ бы въ смущеніи, хотѣлъ мнѣ что то сказать и не

рѣшался. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ наконецъ проговорилъ: „Не знаю, какъ ты примешь, сынъ мой, то, что я тебѣ скажу. Во время послѣдняго засѣданія парламента по поводу вопроса о *яну*, одинъ депутатъ представилъ собранію, какъ постыдный и безчестный поступокъ, что я держу у себя *яну*, съ которымъ обращаюсь какъ съ гуинмомъ, что онъ видѣлъ, какъ я разговаривалъ съ нимъ и находилъ въ этомъ удовольствіе, словно въ сообществѣ себѣ подобнаго: онъ находилъ это противнымъ законамъ разума и природы, дѣломъ положительно неслыханнымъ. Вслѣдствіе этого собраніе предложило мнѣ двоякій выборъ: или помѣстить тебя съ прочими *яну*, или отправить въ ту страну, откуда ты явился. Большая часть членовъ, которые тебя знаютъ и видѣлись съ тобою у меня или у себя, отвергли двоякій выборъ, утверждая, что было бы несправедливо и противно приличіямъ низводить тебя на степень нашихъ *яну*, такъ какъ у тебя частица разсудка, — и что наконецъ нельзя не бояться, чтобъ ты не сообщилъ имъ своего ума, отъ чего они, можетъ быть, сдѣлались бы еще злѣе; кто то прибавилъ, что, смѣшавшись съ *яну*, ты можешь взбунтовать ихъ, увести въ лѣсъ или въ горы, сдѣлаться ихъ вождемъ, напасть на

всѣхъ гуинмовъ и истребить. Мнѣніе это принято большинствомъ голосовъ, и мнѣ приказано отправить тебя немедленно. Сегодня требуютъ отъ меня выполненія приказа, и я не могу откладывать долѣе. Итакъ я совѣтую тебѣ броситься вплавь или построить небольшое судно, въ родѣ того, на которомъ ты прибылъ сюда, и возвратиться на немъ въ свою сторону. Всѣ мои слуги, а также и моихъ сосѣдей помогутъ тебѣ въ этой работѣ. Еслибъ зависѣло отъ меня, я удержалъ бы тебя навсегда; ибо у тебя довольно хорошія склонности, ты исправился отъ многихъ недостатковъ и дурныхъ привычекъ и употребляешь всѣ усилія, — на сколько позволяетъ твоя несчастная природа, — чтобъ походить на гуинмовъ.

Разговоръ этотъ какъ громомъ поразилъ меня, мною овладѣло отчаяніе; потерявъ сознание, я упалъ безъ чувствъ у ногъ хозяина, который считалъ меня мертвымъ. Придя въ себя, я сказалъ печально и слабымъ голосомъ, что хотя я и не могу порицать рѣшенія парламента, ни настоянія друзей моего хозяина, требовавшихъ моего удаленія, однако мнѣ казалось, что достопочтенное собраніе могло бѣ быть ко мнѣ менѣе строгимъ. Я заявилъ, что невозможно было мнѣ пуститься

вплавь, ибо хотя я и могъ проплыть около мили, но ближайшій берегъ находился не мене какъ во сто миляхъ; а относительно постройки судна мнѣ казалось, что я никогда не найду необходимыхъ матеріаловъ. Я сказалъ впрочемъ, что готовъ повиноваться, несмотря на невозможность выполнить ни одного изъ совѣтовъ, и считаю себя погибшимъ; что смерть не пугаетъ меня, и я смотрю на нее какъ на меньшее изъ золъ, мнѣ угрожающихъ. Поблагодаривъ за обязательное предложеніе придать мнѣ въ помощь слугъ для устройства лодки, я просилъ только предоставить мнѣ время, необходимое для такой трудной работы, отъ которой зависѣло спасеніе моей жалкой жизни. Я обѣщаль при этомъ постараться, если только возвращусь когда нибудь въ Англию, быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ, начертивъ имъ добродѣтели знаменитыхъ гуинмовъ и предложивъ ихъ въ примѣръ всему роду человѣческому.

Его честь отвѣчалъ мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, далъ мнѣ сроку два мѣсяца для постройки судна и приказалъ Буркѣ, моему товарищу (въ Англии мнѣ дозволяется такъ называть его), исполнять мои указанія, ибо я объявилъ хозяину, что одного Бурки мнѣ

достаточно, который, какъ я зналъ, былъ очень ко мнѣ привязанъ.

Первымъ моимъ дѣломъ было — отправиться съ Буркою на то мѣсто, гдѣ я присталъ нѣкогда къ берегу. Взойдя на возвышенность и бросивъ взоръ во все стороны на обширное море, мнѣ показалось, что я увидѣлъ островъ на сѣверо-западѣ. Съ помощью зрительной трубы я рассмотрѣлъ его очень хорошо и рассчиталъ, что онъ находился не болѣе какъ въ пяти миляхъ. Островокъ этотъ показался сперва моему товарищу облакомъ. Добрый Бурко никогда не видѣлъ другой земли, кромѣ своей родины и не имѣлъ способности различать отдаленныхъ предметовъ на морѣ такъ, какъ я, проведеншій большую часть жизни на этой стихіи. На этотъ то островъ я рѣшился направиться по окончаніи лодки.

Мы возвратились домой съ товарищемъ; потомъ, посоветовавшись, пошли въ ближайшій лѣсъ, гдѣ и нарѣзали необходимаго дерева, — я ножомъ, а онъ острымъ кремнемъ, искусно вдѣланнымъ въ рукоятку. Не желая наскучать читателю подробностями о нашей работѣ, довольно сказать, что въ шесть недѣль мы смастерили родъ лодки по индійскому образцу, но только шире, которую я обтянулъ кожами *ягу*, сшитыми пеньковыми нит-

ками. Изъ кожъ молодыхъ *яму* я сдѣлалъ парусъ, ибо со старыхъ онѣ были бы жестки и толсты; смастерили мы четыре весла; запасся я множествомъ жареныхъ кроликовъ и птицъ, и приготовилъ два сосуда — одинъ съ молокомъ, а другой съ водою.

Испробовавъ лодку на большомъ прудѣ, я исправилъ всѣ недостатки, какіе могъ въ ней замѣтить, замазавъ всѣ щели жиромъ изъ *яму*, и стараясь приспособить ее такъ, чтобъ она могла вынести меня съ моимъ грузомъ. Я поставилъ ее на телѣгу, въ которую запряжены были *яму*, и велѣлъ отвезти на берегъ—подъ надзоромъ Бурки и другаго служителя.

Когда все было готово и насталъ день моего отъѣзда, я попрощался съ хозяиномъ, хозяйкою, съ дѣтьми и всѣми домочадцами, чувствуя, какъ у меня глаза наполнены были слезами, а сердце разрывалось отъ горести. Его честь изъ любопытства или изъ дружбы пожелалъ видѣть меня въ лодкѣ и отправился къ берегу въ сопровожденіи многихъ пріятелей. По случаю отлива мнѣ пришлось дожидаться болѣе часу, а когда наступила пора, я, замѣтивъ, что вѣтеръ благопріятствовалъ мнѣ по направленію къ острову, началъ прощаться съ хозяиномъ. Когда я упалъ къ его ногамъ, онъ удостоилъ меня чести, поднявъ

свою правую переднюю ногу и протянувъ къ моимъ устамъ. Я не изъ тщеславія упоминаю объ этомъ обстоятельстве, а подражаю только путешественникамъ, которые никогда не забудутъ упомянуть о полученныхъ почестяхъ. Поклонившись низко всему обществу, я бросился въ свою лодку и удалился отъ берега.

Я собралъ на берегу нѣсколько раковинъ.

ГЛАВА VIII.

Авторъ раненъ стрѣлою, пущенною дикаремъ. Его берутъ португальцы, которые везутъ его въ Лиссабонъ, откуда онъ отправляется въ Англiю.

Я началъ это несчастное путешествiе 15 февраля 1714, въ девять часовъ утра; хотя вѣтеръ былъ и благопрiятный, однако сначала я поплылъ на веслахъ, но потомъ, разсудивъ, что я могу скоро устать, и вѣтеръ можетъ измѣниться, я рѣшился поставить парусъ, и такимъ образомъ я проплылъ около полутора часу. Хозяинъ и всѣ знакомые его гуинмы оставались на берегу до тѣхъ поръ, пока потеряли меня изъ виду, и я слышалъ не разъ, какъ мой другъ Бурко кричалъ: „Нуъ илии

нига моягъ ягу“, т. е. будь осторожнѣе, любезный *ягу*.

Я рассчитывалъ попасть, если можно, на какой нибудь маленькій островокъ, гдѣ могъ бы прокормиться и одѣться. Участъ свою въ подобномъ убѣжищѣ я считалъ бы завиднѣе положенія перваго министра. Меня только утрашало возвращеніе въ Европу, гдѣ мнѣ предстояло жить въ обществѣ и подѣ властью *ягу*. Въ счастливомъ уединеніи, котораго я искалъ, я надѣялся мирно провести остатокъ дней, предаваясь своимъ мечтамъ, не имѣя другой цѣли, кромѣ верховнаго добра, находя единственное удовольствіе въ спокойствіи совѣсти и не боясь соприкосновенія съ ужасными пороками, указанными мнѣ гуинмами въ моемъ гнусномъ племени.

Читатель припомнитъ изъ прежняго разсказа, что экипажъ моего корабля, взбунтовавшись, содержалъ меня подѣ арестомъ въ моей каютѣ; что въ этомъ положеніи я оставался нѣсколько недѣль, не зная, куда мы шли, и что наконецъ меня высадили на берегъ, не сказавъ, гдѣ я находился. Я полагалъ тогда, что мы были на десять градусовъ южнѣе мыса Доброй Надежды и около 45° южной широты. Я это заключилъ изъ слышанныхъ мною разговоровъ на кораблѣ

по поводу намѣренія идти на Мадагаскаръ. Хотя это было только предположеніе, однако я не преминулъ направиться на востокъ, надѣясь пристать къ юго-западному берегу Новой Голландіи, а отгуда держать путь на западъ на какой нибудь маленькій островокъ по сосѣдству. Вѣтеръ дулъ западный, и къ шести часамъ вечера я рассчиталъ, что проплылъ около осмнадцати миль къ востоку.

Замѣтивъ маленькій островокъ не болѣе какъ въ полторы мили, я очень скоро присталъ къ нему. Это была настоящая скала съ небольшимъ заливчикомъ. Привязавъ тутъ лодку и взобравшись на берегъ, я открылъ землю, простиравшуюся съ юга на сѣверъ. Я провелъ ночь въ лодкѣ, а на другой день съ утра, дѣятельно работая веслами, присталъ къ юго-западному берегу Новой Голландіи. Это убѣдило меня въ давнишнемъ мнѣніи, что эта земля обыкновенно на картахъ помѣщается тремя градусами восточнѣе, нежели въ дѣйствительности. Нѣсколько лѣтъ назадъ я сообщилъ объ этомъ своему знаменитому другу Герману Моллю, и объяснялъ причины, но онъ предпочелъ слѣдовать большинству авторовъ.

На мѣстѣ высадки я не видѣлъ туземцевъ, а какъ у меня не было оружія, то я не рѣшался

углубляться внутрь края. Я нашелъ на берегу нѣсколько раковинъ, которыхъ однакожъ не смѣлъ жарить изъ боязни, чтобъ огонь не открылъ туземцамъ моего присутствія. Три дня скрываясь въ этомъ убѣжищѣ, я питался устрицами и раковинами, сберегая свои запасы продовольствія. Къ счастью, по близости случился ручей съ превосходною прѣсною водою.

На четвертый день я рискнулъ пройти дальше и на одной высотѣ шагахъ въ пятистахъ увидѣлъ толпу изъ двадцати или тридцати туземцевъ. Они грѣлись у большаго костра и были всѣ голые, мужчины, женщины и дѣти. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ меня, сообщилъ объ этомъ прочимъ. Немедленно человекъ пять отдѣлились и пошли въ мою сторону; не думая ни секунды, я побѣжалъ къ берегу, бросился въ лодку и началъ грести изо всей силы. Дикари преслѣдовали меня вдоль берега, и какъ я удалился не на большое разстояніе, то они пустили въ меня стрѣлу, нанесшую мнѣ въ лѣвое колѣно большую рану, слѣдъ которой замѣтенъ и въ настоящее время. Я боялся, — не отравлена ли стрѣла, и потому, постаравшись очутиться поскорѣе внѣ выстрѣловъ, я хорошенько вы-

сосалъ свою рану и какъ могъ перевязалъ колѣно.

Я находился въ затруднительномъ положеніи, ибо не смѣлъ возвратиться къ берегу, гдѣ на меня напали, а какъ мнѣ слѣдовало идти къ сѣверу, то я долженъ былъ постоянно работать веслами, потому что вѣтеръ дулъ противный. Осматриваясь во все стороны, я замѣтилъ къ сѣверо-сѣверо-востоку парусъ, который чувствительно увеличивался. Нѣсколько времени я колебался — идти ли на встрѣчу къ кораблю, или нѣтъ; наконецъ страхъ, питаемый мною ко всякому племени *ягу*, заставилъ меня поворотить къ югу и направиться въ тотъ самый заливчикъ, откуда я вышелъ утромъ, ибо я предпочиталъ подвергнуться всевозможнымъ опасностямъ, нежели жить вмѣстѣ съ *ягу*. Привязавъ лодку сколь можно ближе къ берегу, я скрылся въ нѣсколькихъ шагахъ за камни близъ ручья, о которомъ сказано выше.

Корабль, подойдя на полмили къ заливчику, послалъ шлюпку съ боченками за водою. Мѣсто это, по поводу ручья, было знакомо многимъ путешественникамъ. Приблизившись къ берегу, матросы увидѣли мою лодку и, освидѣтельствовавъ ее, заключили, что хозяинъ ея долженъ быть недалеко. Четыре изъ

нихъ, хорошо вооруженные, отправились на поиски и нашли меня за камнями, гдѣ я лежалъ лицомъ къ землѣ. Сперва ихъ поразили — и моя фигура, и одежда изъ кроличьихъ шкурокъ, и деревянные башмаки, и мѣховые чулки. Они впрочемъ не сочли меня туземцемъ, которые обыкновенно всѣ ходили нагіе. Приказавъ мнѣ встать, одинъ изъ матросовъ спросилъ у меня по португальски — кто я. Я низко поклонился и отвѣчалъ на томъ же языкѣ, хорошо мнѣ знакомомъ, что я бѣдный *ягу*, изгнанный изъ страны гуинмовъ, и умолялъ оставить меня въ покоѣ. Матросы чрезвычайно удивились, услыхавъ родной языкъ, и по лицу сочли меня за европейца, но не понимали, что я разумѣлъ подъ словами *ягу* и *гуинмъ*; но они не могли удержаться отъ смѣха надъ моимъ говоромъ, походившимъ на конское ржанье.

Видъ этихъ людей внушилъ мнѣ страхъ и отвращеніе, и я счелъ своею обязанностью, повернувшись къ нимъ спиною, сѣсть въ свою лодку, но они задержали меня и спросили — откуда я родомъ, куда отправлялся и т. д. Я отвѣчалъ, что я родомъ изъ Англій, откуда выѣхалъ около пяти лѣтъ назадъ, и что въ то время между нашими правительствами существовали мирныя отношенія. Я высказалъ

надежду, что они не захотятъ поступить со мною какъ съ непріателемъ, объяснивъ имъ, что я бѣдный *ягу*, который ищетъ какого нибудь пустыннаго островка съ цѣлью провести остатокъ несчастной жизни въ одиночествѣ.

Когда они заговорили впервые, я пришелъ въ изумленіе и смотрѣлъ на нихъ какъ на чудо. Это мнѣ показалось столь же страннымъ, какъ еслибы теперь въ Англии я услыхалъ говорящую корову или собаку. Матросы со всевозможною вѣжливостью и очень ласково совѣтовали мнѣ не отчаяваться и выразили увѣренность, что капитанъ возьметъ меня на бортъ и доставитъ *бесплатно* въ Лиссабонъ, откуда я могу уѣхать въ Англию. Два изъ нихъ немедленно собрались отправиться къ капитану рассказать обо всемъ и испросить его приказанія, и въ то же время мнѣ было объявлено, что если я не дамъ имъ слово воздержаться отъ попытки къ побѣгу, то они принуждены будутъ связать меня. Я отдался имъ въ полное расположеніе.

Имъ весьма хотѣлось узнать исторію моей жизни и приключеній, но я мало удовлетворилъ ихъ въ этомъ случаѣ, и они пришли къ заключенію, что я помѣшался вслѣдствіе различныхъ несчастій. Часа черезъ два шлюбка

доставившая воду на бортъ, возвратилась съ приказаніемъ привести меня немедленно на корабль. Я упалъ на колѣни, умоляя оставить меня на берегу и не лишать свободы, но все было тщетно: меня связали, посадили въ шлюбку и въ этомъ состояніи перевезли на корабль, а потомъ отвели въ капитанскую комнату.

Капитанъ донъ Педро де Мендець былъ человѣкъ очень хорошій и чрезвычайно вѣжливый. Спросивъ у меня прежде, кто я, онъ предложилъ мнѣ выпить и поѣсть, увѣрилъ меня, что со мною будутъ обращаться такъ же, какъ съ нимъ, и наговорилъ столько любезностей, что я удивился, встрѣчая подобную доброту въ *ягу*. Но я оставался при своемъ и на всѣ ласки отвѣчалъ одно, что хочу ѣсть въ своей лодкѣ. Но онъ приказалъ подать мнѣ цыпленка, отличнаго вина и велѣлъ приготовить постель въ удобной каютѣ. Когда меня привели въ мою комнату, я не хотѣлъ раздѣваться и бросился на постель въ своей оригинальной одеждѣ. Черезъ полчаса, когда весь экипажъ сидѣлъ за обѣдомъ, я ускользнулъ изъ каюты съ намѣреніемъ броситься въ море и плыть, куда глаза глядятъ, чтобъ только не быть обязану жить вмѣстѣ съ *ягу*. Но меня поймалъ одинъ матросъ и когда до-

несъ объ этомъ капитану, послѣдній приказалъ запереть меня въ моей каютѣ.

Послѣ обѣда донъ Педро вошелъ ко мнѣ и пожелалъ узнать причину, которая подвинула меня на предпріятіе, свойственное лишь отчаянію. Въ то же время онъ увѣрялъ, что желаетъ только доставить мнѣ удовольствіе, и говорилъ такъ трогательно и убѣдительно, что я началъ смотрѣть на него какъ на животное, обладавшее долею разума. Въ короткихъ словахъ я рассказалъ ему исторію своего происшествія, бунтъ экипажа на кораблѣ, находившемся подъ моею командою, и рѣшеніе бунтовщиковъ высадить меня на невѣдомомъ берегу; я передалъ ему также, что провель три года между гуинмами — говорящими лошадьми, животными умными и разсудительными. Капитанъ принялъ все это за неправду и фантазію, что очень оскорбило меня. Я отвѣчалъ ему, что отучился лгать съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ европейскими *яму*; что у гуинмовъ никогда не лгутъ даже дѣти и слуги; что, наконецъ онъ можетъ думать какъ ему угодно, но что я готовъ отвѣчать на всѣ противорѣчія, какія только онъ можетъ мнѣ представить, и что я льщу себя надеждою — убѣдить его въ истинѣ.

Капитанъ, какъ умный человекъ, сдѣлавъ

мнѣ нѣсколько другихъ вопросовъ — съ цѣлью увидѣть, не спутаюсь ли я въ рѣчахъ, и увидѣвъ, что я говорилъ искренно, и что всѣ части моей исторіи были въ связи между собою, возымѣлъ немного лучшее мнѣніе о моей искренности. Онъ даже сообщилъ мнѣ рассказъ, слышанный имъ когда то отъ одного голландскаго матроса, который, съ пятью товарищами приставъ однажды къ острову или континенту на югъ отъ Новой Голландіи для наливки водою, — видѣлъ, какъ лошадь гнала цѣлое стадо животныхъ, чрезвычайно сходныхъ съ тѣми, какихъ я описывалъ и называлъ *ягу*. Матросъ этотъ передавалъ и другія подробности, которыя капитанъ уже позабылъ, считая все это выдумкою.

Онъ прибавилъ, что такъ какъ я твердо стою за истину, то онъ желаетъ получить отъ меня честное слово оставаться съ нимъ на все время переѣзда и не покушаться на самоубійство, а иначе обѣщаль запереть меня въ каютѣ до самаго прибытія въ Лиссабонъ. Я далъ слово, но заявилъ при этомъ, что скорѣе подвергнусь самому жестокому обращенію, нежели возвращусь къ *ягу* моей родины.

Въ продолженіе путешествія не случилось ничего замѣчательнаго. Желая доказать капитану признательность за его ласки, я иногда

разговаривалъ съ нимъ, когда онъ просилъ меня побесѣдовать, и старался скрывать отъ него свою мизантропію и отвращеніе ко всему роду человѣческому. У меня иногда однакожъ вырывались ѣдкія и насмѣшливыя выходки, которыя онъ впрочемъ принималъ какъ любезный человѣкъ или какъ бы ихъ не замѣчая. Большую часть времени я проводилъ одинъ въ своей каютѣ и не хотѣлъ говорить ни съ кѣмъ изъ экипажа. Таково было состояніе моего мозга и головы, которую сношенія мои съ гуинмами наполнили возвышенными и философскими идеями. Я находился подъ вліяніемъ неодолимой мизантропіи, подобно тѣмъ мрачнымъ нелюдимымъ господамъ, которые, не посѣтивъ гуинмовъ, воображаютъ, что изучили до основанія людской характеръ и питаютъ глубочайшее презрѣніе къ человѣчеству.

Капитанъ нѣсколько разъ совѣтовалъ мнѣ снять одежду изъ кроличьихъ шкурокъ и предлагалъ полный костюмъ; но я, поблагодаривъ его, отказывался, имѣя крайнее отвращеніе надѣть на себя что либо, бывшее въ употребленіи у *ягу*. Я позволилъ себѣ только взять у него двѣ чистыхъ рубашки, которыя, бывъ отлично вымыты, не могли загрязнить меня. Я надѣвалъ ихъ чрезъ два дня поочередно, и самъ заботливо стиралъ ихъ.

Мы прибыли въ Лиссабонъ 5 ноября 1715 года. Тогда капитанъ заставилъ меня надѣть его платье, изъ боязни, чтобъ мальчишки не преслѣдовали насъ по улипамъ. Онъ привезъ меня къ себѣ въ домъ и предложилъ жить у него во все время пребыванія въ Лиссабонѣ. Я неустанно просилъ помѣститъ меня въ пятомъ этажѣ, въ уединенной комнатѣ, гдѣ я не имѣлъ бы ни съ кѣмъ сообщенія. Я умолялъ его также не передавать никому разсказовъ моихъ о жизни между гуинмами, ибо стоило только разгласить мою исторію, какъ нахлынули бы ко мнѣ толпы любопытныхъ, и что хуже, меня, можетъ быть, сожгли бы инквизиторы.

У капитана, какъ у холостаго человѣка, было тодько три слуги, изъ которыхъ одинъ, приносившій мнѣ пищу, обходился со мною такъ почтительно и выказывалъ ко мнѣ такое участие, что, найдя въ немъ слишкомъ много ума и доброты для *ягу*, я полюбилъ его общество. Онъ имѣлъ на меня вліяніе, уговаривалъ меня иногда высовывать голову въ окно, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и убѣдилъ переселиться въ одну комнату этажемъ ниже, окно которой выходило на улицу. По его настояніямъ, я иногда засма-

триваль въ это окно, но тотчасъ же отходилъ назадъ, — ибо мнѣ непріятно было смотрѣть на людей. Впрочемъ, я мало по малу привыкъ къ этому. Черезъ недѣлю ему удалось переселить меня еще немного ниже, но наконецъ онъ до такой степени воспользовался моею слабостью, что уговорилъ меня сидѣть у двери и смотрѣть на прохожихъ, а потомъ и сопровождать его иногда по улицамъ.

Донъ Педро, которому я рассказалъ о своемъ семействѣ и положеніи моихъ дѣлъ, объявилъ мнѣ, что по долгу чести и совѣсти я былъ обязанъ возвратиться на родину и жить съ женою и дѣтьми. Онъ увѣдомилъ также меня, что въ портѣ одинъ корабль готовъ былъ къ отплытію въ Англію, и обѣщаль снабдить меня всѣмъ необходимымъ для путешествія. Я представилъ ему многія причины, побуждавшія меня не возвращаться на родину и заставлявшія искать какого нибудь пустыннаго островка, гдѣ я могъ бы провести остатокъ дней. Онъ возразилъ, что островокъ этотъ пустая фантазія, что людей я найду вездѣ, и напротивъ, когда я поселюсь дома, то буду полнымъ хозяиномъ и могу жить въ уединеніи, какъ мнѣ угодно.

Не имѣя возможности поставить на своемъ, я сдался; впрочемъ я уже былъ менѣе дикъ

въ то время. 24 ноября я отплылъ на купеческомъ кораблѣ изъ Лиссабона. Донъ Педро проводилъ меня на пристань и ссудилъ двадцатью пятью фунтами стерлинговъ. Въ продолженіе этого путешествія я не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ капитаномъ корабля, ни съ пассажирами, и подѣ предлогомъ болѣзни оставался постоянно въ каютѣ. 5 декабря 1715 мы пристали къ берегамъ Англии, а въ три часа по полудни я прибылъ въ Роергитъ и отправился домой.

При видѣ меня, жена и дѣти выразили удивленіе и радость: такъ какъ они считали меня умершимъ, то восторгъ ихъ при свиданіи былъ выше всякаго описанія. Я обнялъ ихъ однакожь довольно холодно, не отрѣшившись еще отъ мысли о *ягу*.

Первыя же деньги я употребилъ на покупку пары молодыхъ лошадей, для которыхъ выстроилъ великолѣпную конюшню и которымъ нанялъ самаго лучшаго конюха, сдѣлавшагося моимъ любимцемъ и повѣреннымъ. Запахъ конюшни былъ мнѣ чрезвычайно пріятенъ, и я проводилъ въ ней по четыре часа въ сутки, обращаясь съ разговорами къ милымъ лошадамъ, напоминавшимъ мнѣ добродѣтельныхъ гуинмовъ.

Въ это время, когда я оканчиваю настоя-

щія записки, прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился на родину. Первый годъ я едва могъ выносить присутствіе жены и дѣтей и мнѣ трудно было заставить себя ѣсть вмѣстѣ съ ними. Впослѣдствіи однакожь мои мысли приняли другой оборотъ, и я сдѣлался обыкновеннымъ человѣкомъ, хотя все-таки остался отчасти нелюдимомъ.

К О Н Е Ц Ъ .